

Ринат Мухамадиев

На раскаленной сковороде

Документальная повесть

Москва, "Голос" 1997 г.

Август девяносто первого и октябрь девяносто третьего - два акта многоактной пессимистической трагедии, по сути, до сих пор нигде не увековеченной. Ее персонажи - Ельцин и Горбачев, Хасбулатов и Руцкой, Шахрай и Бурбулис, Жириновский и Абдулатипов. Множество иных, малознакомых нам героев. Все это включила в себя новая книга Рината Мухамадиева, в некоторой степени напоминающая бунинские «Окаянные дни». Мухамадиев, назвавший свою книгу «На раскаленной сковороде», - депутат расстрелянного Верховного Совета, сам непосредственный участник событий, ставших роковыми для страны, - такое великое бремя возложила на него судьба. Душа художника способна удержать гораздо больше подробностей и деталей, чем может записать самый прилежный летописец, поэтому книга Мухамадиева - это хроника пережитого, записанная с хронометрической точностью. Тоска, ужас, покаяние... Надежда. Через все это проходит автор и проводит за собой читателя. Мухамадиев подтвердил постулат: борьба, как и жизнь, слабым не по плечу. Оказавшись сильным, он не только выжил, но и написал книгу — правдивое свидетельство российской жизни в «испепеляющие годы».

Москва. Старая площадь. Здание Центрального Комитета КПСС. У дубовой двери высотой три с лишним метра попросили паспорт. После детального его изучения человек в военной форме уважительно пропустил меня вперед, открыв и закрыв двойные двери с бронзовыми ручками. И только тут, вспомнив, куда и к кому иду, я невольно вздрогнул. Но поддаваться чувствам уже не было времени. Не успел оглянуться, меня, как давнишнего знакомого, сразу же встретили двое людей.

- Это вы, Ринат Сафиевич?

В пропуск даже не взглянули. Неожиданно у меня вырвались слова, которые я никогда не употреблял:

- Так точно, это я.

Встречавшие меня - высокого роста, худощавые, волосы подстрижены коротко и аккуратно. Оба в черных костюмах и белоснежных сорочках с накрахмаленными воротниками, при галстуках. В глаза смотрят пристально, словно желая проникнуть насквозь. Не глядя по сторонам, я прохожу прямо к лифту с раскрытой створкой.

- Вас ждут... - сказал один, взглянув на большие круглые часы на противоположной стене.

- На какой этаж? - почему-то спросил я.

- Пожалуйста, войдите в лифт, - последовал ответ. А там в лифте меня уже ожидал третий, в такой же белоснежной сорочке с накрахмаленным воротником.

- Тронулись, - сказал он, как только закрылась зеркальная дверь лифта.

Как ни старался, я так и не смог определить, на какой этаж мы поднялись. Цифры на кнопках не указаны. Насколько мне все же удалось почувствовать, мы оказались выше второго этажа, но не выше пятого.

Дверь открылась, и я вышел из лифта. Меня тут же встретили двое других людей в таких же черных костюмах и рубашках с накрахмаленными воротниками. Своим внешним видом и по тому, как держат себя, они все поразительно похожи, словно вышли из инкубатора. Однако, далеко не цыплята, серьезные люди. Особенно серьезен взгляд. Неширокие коридоры петляют то вправо, то влево - то ли нарочно так сделано, то ли здание уже старое. Во всяком случае, без сопровождающего тут ничего не найдешь. Так же петляют и путаются мои мысли. Наконец, на одном из поворотов сопровождающие в черных костюмах «сдали» меня мужчине лет пятидесяти.

Он представился, протянул мне руку. Оказалось, и он знает, кто я такой. Внутри у меня немного потеплело.

- Михаил Сергеевич вас ждет, - сказал он. Взгляд у него прямодушнее, чем у встречавших. Походя, словно речь идет о пустяках, спросил:

- Дипломат берете с собой или... здесь оставите?

Он нисколько не давил на меня, наоборот, на первый взгляд, последние слова произнес как бы с сожалением. И все же дал понять: дипломат все-таки следует оставить. Сделал это вежливо, но убедительно.

А мне разве было до дипломата! Но, вероятно, я производил впечатление человека, который колеблется.

- Что, у вас там важные документы? - спросил помощник Генерального секретаря. - Воля ваша, но... у нас...

Он говорил вполне серьезно, было непохоже, что шутит или дразнит меня.

- Хорошо, пусть останется. Он мне не нужен, - я поставил портфель на краешек стола. И что, вы думаете, было в этом дипломате? Две пары детских колготок. В Казани их не найдешь.

Видели бы вы, как помощник Генерального секретаря подбежал к дипломату и с большим почтением отнес его в шкаф из красного дерева. По-видимому, это было его почтение к «важным документам».

Человек, открывший дверь, остался за ней, а я стоял перед «главным хозяином страны», которого до этого видел только на экране телевизора, - Генеральным секретарем. Наяву ли это, во сне ли?! Хозяин комнаты вышел из-за стола и пошел ко мне навстречу, словно приветая хорошего знакомого.

- Здравствуйте, Ринат Сафиевич. Проходите... Садитесь. Давно хотел поговорить с вами...

«Что он говорит?.. Слышат ли его уши, что говорит язык?.. Откуда ему знать меня, «хотеть» поговорить со мной? Ему что, делать больше нечего?..» - мелькнуло в голове. Только вот сказать об этом нельзя. Тут шутки плохи. Ведь я у Генерального секретаря. Я остался с глазу на глаз с наследником самого Сталина, который одним кивком головы мог лишить сотней людей, что там люди - сослать с насиженных мест целые народы. Я оказался в кабинете, в котором сидели Хрущев, Брежнев, Андропов. Говорят, что сюда после избрания генсеком по пути из больницы заглянул даже Черненко.

... Все случилось так неожиданно... Еще вчера я был в Казани. Прошло не более двух-трех недель после того, как я был избран депутатом Верховного Совета Российской Федерации. Позвонили из Москвы... Попросили завтра же к утру приехать. Даже, кажется, подчеркнули: это очень важно. Кто вызывает, зачем, что взять с собой - ни слова. «В гостинице для вас будет оставлено место. Мы вас найдем. Сообщим». Вот все, и больше ни слова.

Прилетел в Москву самолетом. Устроился. Вечером позвонили и попросили на другой день в 11 часов 30 минут прийти в Центральный Комитет. Это все, что я знал. И вот, наконец, я стою в кабинете перед самим Горбачевым.

Почему-то я не люблю смотреть в глаза собеседнику. Нет у меня доверия к тем, кто стоит перед человеком, пристально изучая его. А взгляд Генерального секретаря нельзя было понять. Вроде дружелюбно, но глаза его беспрерывно бегают; где там следить за ними, даже не определишь, какого они цвета. Родимое пятно на лбу, оказывается, напоминает очертания Южной Америки на карте мира.

Наконец мне было предложено сесть. Горбачев расположился напротив. Откуда-то неслышно появилась женщина с подносом и белой салфеткой - принесла чай, кофе, сладости. Она расставила принесенное на белых салфеточках и так же незаметно удалилась.

- Давайте пить чай или, может, кофе хотите? - проявил гостеприимство хозяин комнаты.

- Я буду кофе...

Я осторожно налил чай в чашку на цветастом блюде и добавил немного молока.

Можно было подумать, что Горбачев ведет какой-то репортаж:

- Знаю, знаю, татары чай любят, - сказал он. - К тому же пьют его с молоком...

Я невольно вспомнил одного деревенского знакомого, который в те годы благожелательно относился к Горбачеву: «Эх, - говорил он о нем, - попридержат бы его словесную мельницу!»

Между тем я ведь все еще не знаю, почему меня пригласили в этот кабинет. А Генеральный секретарь знает...

- Думаю, вам объяснили, по какой причине мы тут встретились, - сказал, наконец, хозяин. И сразу же посерьезнел. Многозначительно пожал плечами, поджал губы, глубоко вздохнул.

Он не ждал от меня ответа. Лишь задумался. Мне показалось, что он решает, с чего начать разговор.

- Нет, не знаю. Мне никто ничего не сказал. Только вызвали...

- В стране началась перестройка, коренная перестройка. Сегодня уже нельзя жить по старинке. Думать, рассуждать надо по-новому. Нужны новые, молодые кадры. А их не хватает. Нужны люди, не связанные с прежними предрассудками, не отягощенные старыми взглядами.

Он говорил все это, неотрывно глядя в пустую кофейную чашечку. Немного помолчав, поднял голову и уставился на меня глазами только что очнувшегося от сна человека.

- Ринат Сафиевич, вы - народный депутат Российской Федерации. Избраны по национально-территориальному округу. Альтернативно. С одной стороны, это победа настоящей демократии, а с другой - большое доверие народа... Вдобавок, вы литератор. Мы знаем вас и как свободно мыслящего, талантливого писателя...

Не скажешь же ему: «ни черта-то вы не знаете». Я сидел и слушал Горбачева с умным видом. Кажется, даже поддакивал.

Невозможно было остановить Михаила Сергеевича, когда он говорил. И не только потому, что он Генеральный секретарь, но и оттого, что говорил увлеченно, страстно, красиво. А может быть, даже завораживал своего слушателя. Недаром говорят в шутку, что такую страну, как СССР, развалили два волшебника - Горбачев и Кашпировский.

- Да, да, мы обратили на вас внимание и как на писателя, и как на человека с новым мышлением... Кроме того, очень важно учесть, какое место занимает Татарстан в Российской Федерации. Нет, нет, не только по численности населения. Я это говорю, прежде всего имея в виду ту роль, которую играли татары в истории российской государственности.

Это была не беседа: один говорил, другой слушал. Я, правда, попытался раскрыть рот, силясь вступить в разговор, но не получилось. Генеральный секретарь говорил мастерски, живо, убедительно. Только вот умеет ли он слушать других?..

Конец затянувшегося монолога был таким:

- При строительстве демократического общества в стране роль Советов возрастает. Нам хотелось бы видеть вас первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета России.

- Почему меня?.. У меня нет опыта... Никогда не приходилось работать в аппарате, - начал было я, но вынужден был замолчать. Потому что меня никто не слушал и не собирался слушать.

- Мы советовались с Александром Владимировичем Власовым, который должен быть избран Председателем Президиума Верховного Совета. И с секретарем Центрального Комитета товарищем Усмановым. Они оба хорошо вас знают и отозвались положительно.

Я бы еще как-то мог поверить в то, что Гумер Исмагилович может обо мне что-то сказать. Но откуда было меня знать Власову? Могу голову дать на отсечение: он обо мне ничего не знает и ничего не слышал.

- Большинство членов Политбюро согласилось с мнением выдвинуть на съезде народных депутатов вашу кандидатуру. Думаю, что вы оправдаете это доверие, Ринат Сафиевич.

- Не знаю...

Михаила Сергеевича Горбачева мое мнение не интересовало. Он резко встал, развел руками, давая понять, что разговор окончен.

- Желаю Вам успехов на новой ответственной должности и в творчестве! - заключил он и протянул руку для прощания. Видимо, существовала какая-то связь между ним и его подчиненными: в тот же миг дверь раскрылась, показался помощник. Дойдя до двери, я оглянулся, желая еще раз увидеть Генерального секретаря. Горбачев, словно прощаясь с давнишним другом, с легкой улыбкой поднял правую руку. А тем временем из боковой двери показалась та же женщина, чтобы убрать со стола.

Как только затворилась дверь, мне вручили мой темный дипломат с «важными документами».

По уже знакомому маршруту проводили все те же люди в черных костюмах и сорочках со снежно-белыми накрахмаленными воротниками.

Неторопливо иду в гостиницу; остановился я в «России», поэтому идти недалеко, а спешить некуда. На душе беспокойно. Происходит то, о чем я и подумать не мог. Забот у меня без того было много. Например, не вскопан садовый участок в Верхнем Услоне. Дом там не законопачен, при каждом случае жена упрекает. Если сам не поеду, некому будет вспахать и огород у родителей в деревне. А родителям уже за восемьдесят. Избрали председателем писательской организации, но и там как следует еще не поработал. А главное, что меня особенно беспокоит, - незавершенный роман, все не удается засесть за него как следует.

Вернулся в одноместный номер на девятом этаже. Растянуться бы сейчас и расслабиться! Но ведь нужно думать, основательно думать. Не играют ли со мной? Ведь найдется немало людей, готовых занять это теплое место и уже сделавших немало, чтобы добиться своей цели. А я один, мне даже посоветоваться не с кем...

Пронзительно зазвенел телефон. Раз... Два... Три... Четыре... Поднял трубку, но на другом конце ее уже положили. Мне неоткуда ждать звонка, я никому не сообщал, что поселился здесь. Только хотел подойти к постели, как опять звонок телефона. Взял трубку. Голос знакомый, но чей - не могу вспомнить.

- Ринат Сафиевич, - говорящий в приподнятом настроении. - Мы вас потеряли... Ищем...

- А-а-а, - обрадовался я, как дитя, - Олег Викторович, это вы?..

- Я. А ты, почему трубку не берешь, может, не хочешь встретиться с нами?

- Я только что вернулся. Не знал, кто звонит.

- Ладно, ладно, не оправдывайся, - смеется он. - Тебя шеф ждет. Можешь прийти прямо сейчас?

А меня охватила какая-то вялость. Не хочется куда-то идти, кого-то видеть. Сам не знаю отчего. А отказаться неудобно. У меня нет оснований так пренебрегать приглашением Олега Морозова, который раньше работал заведующим отделом в Татарском обкоме КПСС и недавно взят в аппарат Центрального Комитета. Приветливый, умный.

- Хорошо, - сказал я. - Как вас найти?

- Твоя комната выходит на север, - бодро объяснил он, словно желая заразить меня своим хорошим настроением. - Так что наши окна друг на друга смотрят вечером и днем.

Итак, я вновь направился к Центральному Комитету. Но на сей раз в другое здание. Уже не было ни встречающих, ни сопровождающих.

Секретарь Центрального Комитета КПСС Гумер Исмагилович Усманов встретил меня сияющей улыбкой.

Обычно находится масса людей, готовых искать грехи у прежних хозяев, по поводу и без повода хулить их в разговорах. Таких становится особенно много, когда последние уходят со своих престижных постов. Вот и сегодня хоть пруд пруди таких людей, которые готовы, не утруждая себя аргументами и знанием тогдашней ситуации, «разоблачать» Табеева, Усманова. Разумеется, у последних, конечно же, были грехи. Но если уж ты такой храбрец, то, что же тебе мешало тогда, когда они были «первыми», указать им на эти их недостатки? Сказать открыто, в лицо? Если тогда не посмел, если тогда склонял перед ними голову, то какая польза от того, что мелешь о них сейчас? Невысока цена такому «мужеству».

- Как ты доехал? Проходи, устраивайся как дома, - встретил меня Усманов словами на чистейшем татарском языке. Разумеется, мне пришлось по душе, что здесь, в Центральном Комитете КПСС, секретарь ЦК говорит со мной на языке наших дедов. Ведь ни для кого не секрет, что и сейчас в Казани некоторые начальники на заданный тобой по-татарски вопрос отвечают на ломаном русском.

Тем временем на подносе принесли по-нашему, по-татарски, приготовленный чай и сладости. Угощая нас, Гумер-ага стал расспрашивать о казанских новостях, о положении в Союзе писателей, о некоторых литераторах. Своей искренностью, заинтересованностью он втянул меня постепенно в серьезную беседу.

Исподволь мы перешли к московским событиям и предстоящему съезду народных депутатов Российской Федерации.

- Скрывать не стану, разговор о тебе завел, конечно, я, - сказал он. - Теперь здесь каждый заботится о своем.

- Не стоило, Гумер Исмагилович, зря вы поставили этот вопрос. Я не готов к такой работе.

- Да постой ты... Постой, - и хотя он повысил голос, но раздражения не было... Упаси Аллах! Не приведи испытать на себе усмановский гнев. Мне довелось видеть его злым. Как вспомню, так волосы дыбом встают, мурашки по телу пробегают...

- Не ищи себе легкий путь. «Не готов, не смогу, не справлюсь». Ты забудь эти слова. Не боги горшки обжигают!

- Хорошо, Гумер Исмагилович, теперь выслушайте меня... Во-первых, вы прекрасно знаете, кто такие нынешние депутаты. Они не станут выбирать меня по одному вашему предложению. Во-вторых, я не из «партийной номенклатуры». Кроме того, я человек излишне эмоциональный. Не надо!

- Да постой же ты, не упрямясь, как осел, - словно заново начал он. - Один раз уже удалось убедить меня, что у тебя ничего не получится. Помнишь?

Он посмотрел мне в глаза. Я ответил:

- Помню. И считаю, что поступил тогда правильно, не жалею.

В годы работы в Татарском обкоме КПСС он не раз вызывал меня и предлагал стать заведующим отделом обкома. По тем временам должность была очень престижной. Но я сразу почувствовал сердцем, что она не по мне. Вижу и чувствую, что и на этот раз надо прислушиваться к своему сердцу.

Молчание Усманова затянулось. Я почувствовал, что таким образом он хочет надавить на меня, попытаться сломать.

- Может быть, тогда ты поступил правильно, - немного отступил секретарь Центрального Комитета. - Но на сей раз дело совсем другое, сейчас нет места спорам. Маховик закрутился и его уже не остановишь. Надо готовиться к борьбе, у тебя другого выхода нет.

- К какой борьбе? - не к месту задал я вопрос. Ведь в течение двух месяцев, не зная ни дня, ни ночи, соединив воедино девять городов и семнадцать районов, я сражался за голоса избирателей с восемью конкурентами и по горло сыт этими баталиями.

- К борьбе за власть, - сказал Усманов тоном, не допускающим возражений. - И победа в этой борьбе нужна не для нас тобой, она нужна в первую очередь для татарского народа, разбросанного по всему Союзу, нужна... для Татарстана. А что, мы разве хуже других?!

Оказалось, на другой день в Центральном Комитете должно состояться совещание по вопросам созыва и проведения съезда народных депутатов. Ожидалось, будут участвовать Генеральный секретарь и Политбюро в полном составе. Усманов сказал, что там должен присутствовать и я. Более того, мне надо выступить.

Вот тебе раз... Как же можно за одну ночь приготовить текст выступления перед членами Политбюро! Я едва не лишился дара речи.

Кажется, Гумер-ага понял мое состояние и когда мы расставались, уже у двери подошел и похлопал меня по плечу.

- Я тебя знаю, ты всегда найдешь, что сказать и как сказать. Так что не тревожься. Иди домой, выпей граммов сто и ложись спать. Это будет самое лучшее.

На том и расстались. Но меня удивило одно обстоятельство. При встрече не было сказано ни слова, что я был у Горбачева. Усманов не спросил, а я сам не стал начинать этот разговор. Даже намек о встрече не было. Умолчали о ней и Олег Морозов, и Владимир Егоров, мой сокурсник по Казанскому университету, а теперь один из помощников Горбачева. До сих пор не возьму в толк, для чего им нужна была такая скрытность. А может, спрашивать об этом было бестактно?

Правда, Гумер Исмагилович выдал мне свой «рецепт» и посоветовал завалиться спать. Но часов в десять вечера по дороге с работы ко мне заглянул Олег Морозов. Его послал хозяин. Он принес кое-какую информацию, которая могла пригодиться для моего вероятного выступления. Посидели, поболтали с ним - все-таки земляки, - и у меня немного отлегло от сердца.

Попив чаю в буфете ЦК, мы прошли в зал, где должно было начаться совещание. Зал не большой и не маленький, амфитеатром. Все четыре стены глухие. Заходящие сюда знают друг друга, громко переговариваются, смеются. А я будто с луны свалился, ни с кем не знаком. И, слава Аллаху, меня никто не знает. Наверное, в тот день я напоминал мальчика, который пришел в театр с родителями, - повсюду следую за республиканским начальством.

Минтимер Шаймиев, Мухаммат Сабилов и я уселись на одном из первых рядов. Кажется, на третьем или четвертом. Впрочем, зрительный зал здесь своеобразный: куда бы ни сел, всюду чувствуешь себя близко от президиума.

В зале, который только что гудел словно сельский клуб, вдруг воцарилась тишина. Мухаммат Галлямович ткнул меня локтем в бок. Я понял без слов - выходят...

Словно баран, возглавляющий стадо, первым, откинув голову назад, показался Горбачев. В светло-коричневом костюме, родимое пятно при нем. Горделиво обвел глазами зал и, выпятив губы, кивнул головой. Те, кто следовал за ним, почему-то напомнили мне утят, что, переваливаясь, спешат за уткой, возвращаясь домой с речки. Я не хочу унижить их, просто именно так мне тогда показалось. Утята ведь тоже такие: кто посмелее - идет впереди, а остальные следуют сзади. Не всех отчетливо помню. Там было всего, кажется, человек пятнадцать. Но вот Рыжкова, Лигачева, Медведева, Воротникова, Капитонова, Яковлева, Манаенкова, Усманова помню хорошо. Расселись по порядку за начальственным столом, свободных стульев не осталось.

Все знакомые лица. В то время ведь только их и показывало телевидение. Но вот фамилии и имена знаю слабо. Поэтому при удобном случае незаметно расспрашиваю у Мухаммата Сабирова. В этом мире он, видимо, тоже был еще новичком, поэтому не всех знал как следует. В свою очередь Сабиров получал информацию у сидящего дальше Минтимера Шаймиева. В то время Минтимер Шарипович возглавлял Татарскую областную партийную организацию, ему-то уж по штату полагалось всех знать.

Совещание открыл и повел Егор Кузьмич Лигачев. Он был членом Политбюро, которому в то время приклеили ярлык «консерватора», его активно ругали разного рода демократы, его имя по всякому поводу склоняли на страницах газет. А я живого Лигачева

увидел тогда впервые. По тому, как он вел себя, как говорил, он показался мне человеком открытым и прямым. И вот сегодня, спустя много времени, я подумал: из тех, кто сидел тогда в президиуме, пожалуй, только Николай Рыжков и Егор Лигачев по-настоящему, искренне болели душой за судьбу Отчизны (я имею в виду СССР).

Коль зашла речь о Лигачеве, припомню еще один эпизод. Где-то в октябре 1992 года, когда КПСС была уже распущена и члены Политбюро остались без работы, мне довелось еще раз увидеться с Лигачевым, уже пенсионером. Встретились мы на Центральном стадионе Москвы в Лужниках во время футбольного матча. На трибуне, куда вхожи исключительно большие начальники, мы сидели только втроем: Лигачев, я и еще один знакомый депутат, который привел меня на этот матч. По всей вероятности, игра была не очень важная. Все, кто имел право сидеть на этой трибуне, почти не вылезали из престижного буфета. Получилось так, что мой спутник довольно хорошо знал Егора Кузьмича. Меня Лигачев, конечно, не знал и не помнил. Познакомились и с удовольствием побеседовали. Всего сейчас не расскажешь, остановлюсь лишь на одной-двух подробностях.

- Егор Кузьмич, вам теперь, наверное, трудно приходится, ушли на пенсию, от власти отошли? — спросил я между прочим.

- Трудно, - сказал он, глубоко вздохнув. - Очень трудно видеть, как страна, народ катятся к пропасти, и не иметь возможности воспрепятствовать этому.

- Вы, оказывается, все еще консерватор, Егор Кузьмич, — пошутил мой знакомый депутат.

Лигачев улыбнулся. И даже залился отрывистым смешком, словно мужик деревенский. Но ответил серьезно:

- Вам еще покажут ваши демократы, как разрушать и разваливать экономику!

Похоже, он оказался провидцем. Интересно, кого именно он имел в виду, когда говорил, что они «покажут»?..

- С Горбачевым встречаетесь? — спросил я.

- Не напоминайте, - махнул рукой Лигачев. - Нашли, о кого язык пачкать...

В перерыве в буфете сидели за одним столом. Лигачев от рюмки коньяку отказался. Попил чаю с бутербродом. Когда матч кончился, выходили вместе. Нас с приятелем, как депутатов, ждали «Волги». Предлагали Лигачеву ехать с нами - в машину не сел.

— А я вот пешком научился ходить. Так хорошо, - сказал он и бодрым шагом направился в сторону метро.

... Сопровождение продолжается. Первым Лигачев дал слово секретарю ЦК Медведеву. Последний, хоть и картавит немного, говорит увлекательно. Всю жизнь ведь читал лекции, язык у него подвешен. Но вот то, о чем он говорил, не запомнилось; кажется, и других он не сумел увлечь. И все же одно его сравнение не забылось. Потому что месяцев за семь-восемь до этого, когда я был на месячных курсах в Академии общественных наук, он говорил там те же слова.

«Страна, которая идет по пути перестройки, напоминает сегодня большой корабль в океане, - сказал он. - Волны сильные, то справа бьют, то слева. А иногда, когда совсем не ждешь, бьют спереди. Словом, сопротивление со всех сторон. Но для большого океанского лайнера все это не страшно, корабль уверенно идет в заданном направлении. Я бы так сказал о нашем сегодняшнем состоянии...»

Когда слушал секретаря Центрального Комитета, вдруг вспомнилось другое сравнение, которое привел в своем выступлении с одной из больших трибун писатель Юрий Бондарев:

«Наша страна сегодня оказалась в положении поднявшегося в воздух лайнера. Летим на большой скорости. Аэропорт, с которого мы поднялись, остался позади, возврата туда нет. Но в каком летим мы направлении?.. Какой аэродром нас примет?! Никто не знает», - сказал Бондарев. Не оказался ли он прав?!

И Медведев, и Бондарев говорили о большом лайнере. Первый из них - секретарь Центрального Комитета партии, а второй - председатель правления Союза писателей России. Кто из них прав? Будущее покажет, конечно. Мне же не давал покоя рой других

мыслей. В каком направлении мы движемся? На верном ли мы пути? Какое будущее ждет Татарстан? Сможем ли мы стать хозяевами своей судьбы? Нет числа этим вопросам...

Наконец, перешли к обсуждению кадровых вопросов. Было открыто и категорично заявлено, что Центральный Комитет намерен выйти на съезд народных депутатов с кандидатурой тогдашнего Председателя Совета Министров России Александра Власова. А в качестве кандидата на пост его первого заместителя назвали мою фамилию.

Когда Егор Лигачев объявил эти два имени, я почувствовал слабость в коленях и в глазах у меня потемнело. А тем временем начались прения. Один выступил, второй... Все выступающие хвалят Власова, но и меня тоже не обходят вниманием. И это люди, которых я не знал и в глаза не видел. Судя по выступлениям, Власову, оказывается, за заслуги уже давно заготовлено место в Мавзолее. Мне тоже можно в будущем рассчитывать примоститься рядом с ним. «Выступает секретарь Центрального Комитета товарищ Манаенков. Готовится Мухамадиев, - сказал Егор Кузьмич. И добавил: - Тем, кто собирается выступить с мест, придется подождать, тут еще много записавшихся...»

Сквозь землю бы провалился, лишь бы не выступать. Все переворачивается с ног на голову. К тому же еще посоветовали говорить без шпаргалки. Я - как кандидат в зятья на смотринах, должен создать о себе хорошее впечатление перед руководителями всей страны, всех республик и областей. Знаю, будут сидеть и выискивать у меня недостатки, вопросительно думать: «Откуда еще выискался этот петушок?»

«Иди, маху не давай...» - шепнул мне Мухаммат Сабилов. А сидящий рядом с ним Минтимер Шаймиев чуть приподнял сжатый кулак: будь, дескать, тверд, как бы за тебя еще краснеть не пришлось.

Поднимаюсь на сцену в полной нерешительности. К тому же ведь не далее как сегодня утром ответственные товарищи из орготдела ЦК возложили на меня еще одну специальную задачу: «Ты человек молодой... представитель национальной республики. Писатель. Следовательно, говоришь от имени всего народа. Ты должен в своем выступлении разоблачить Ельцина как популиста...»

Пусть у читателя не сложится превратное мнение: ни Горбачев, ни Усманов, ни его помощники об этом со мной не говорили.

По правде говоря, из всех больших политиков в то время особую симпатию я питал именно к Борису Ельцину. В семейном кругу и в кругу друзей об этом тоже все знали. Он привлек мое внимание своими неординарными, критическими выступлениями, бунтарским духом. Впрочем, в то время Ельцин действительно был лучом света в темном царстве.

Своим выступлением на Октябрьском пленуме он буквально потряс все общество. Разве мыслима была такая смелость среди представителей руководящих кругов? Его выступление было подобно грому среди ясного неба...

И свежо еще было в памяти, как на Октябрьском пленуме набросился на него с критикой наш уважаемый земляк Гумер Усманов. Помню, когда дома по телевизору смотрели его выступление, я невольно сказал себе: «Эх, Гумер-абый, как ты ошибся...» Ему, по всей вероятности, тоже «посоветовали». И, возможно, те же люди. А он, первый секретарь Татарского обкома, не смог отказаться, у него положение было другое. А я же писатель, человек свободной профессии. Что я теряю...

Поднялся на трибуну. Оказывается, зал довольно большой. Равнодушных лиц не видно. Все словно смотрят мне в глаза: «Ну, татарин, что ты скажешь?..»

Конечно, волнение было. Но я уже успел немного взять себя в руки. И стал обстоятельно, своими словами говорить о том, что перестройка является процессом, которого давно ждала творческая интеллигенция республики, что она не может себе представить будущее без последовательной демократизации общества.

Тут Генеральный секретарь, прервав меня, подхватил мою мысль, которую я начал было излагать. Вообще Горбачев раза три поддержал сказанное мною. Я терпеливо слушал его, дожидаясь удобного момента, чтобы продолжить... Лигачев тоже подхватил слова Горбачева и в двух словах поддержал меня. Татарстанские руководители, несколько не скрывая, открыто выразили свое удовлетворение и жали мне руку. Сидевший за столом

президиума Гумер Усманов тоже засиял улыбкой и знаками дал понять, что вполне мной доволен.

Наконец я немного успокоился. Кажется, я не говорил ничего такого, о чем можно было бы пожалеть. Не поддался и уговорам. Ничего не сказал о Ельцине. И волки остались сыты, и овцы целы.

На сцену, почти без разрешения, на ходу препираясь с Лигачевым, поднялся незнакомый мне человек. На удивление смел и упрям. В поношенном коричневом костюме. Представился Владимиром Исаковым. Избран народным депутатом от Свердловска.

- Уважаемые товарищи, прошу выслушать меня внимательно, - обратился он к залу. Видно, желая угодить большим начальникам, сидящим за столом президиума, заполнившие зал руководители без всякой причины начали шуметь, пытаюсь помешать Исакову.

Положение Исакова сложнее моего. Волнуется. На лице и шее появились красные пятна. Несколько раз делал вид, что поправляет очки. Видно, ждал, когда зал хоть немного успокоится...

- У вас есть что сказать? - чуть повысил голос Лигачев. Потом обратился к сидящим в зале - Давайте, товарищи, не будем нарушать демократию, послушаем товарища. Давайте...

- От имени делегации Свердловской области кандидатом в Председатели Верховного Совета России предлагаю Бориса Николаевича Ельцина. Сегодня, в период перестройки и нового мышления, надо избрать человека, способного увлечь за собой народные массы, завоевавшего симпатию людей. Ельцин - единственная личность, обладающая всеми этими качествами...

Владимир Исаков высказался убедительно и заразительно. Затем прошел в зал и сел где-то в середине. Вам, наверное, приходилось видеть, как смотрят на человека, появившегося невесть откуда и испортившего все застолье. Таково было отношение зала к Исакову. Следуя примеру других, оглянулся и я. Оказалось, что на несколько рядов сзади нас сидел Борис Ельцин. Вижу его впервые. То, что Ельцин высокого роста, успел заметить, когда он, чуть приподнявшись, пропустил Владимира Исакова.

Столько дней прошло после этого, сколько воды утекло! Борис Николаевич не забывает тех, кто сделал ему добро. Исакова избрали Председателем Совета Республики. Избрали и... крепко пожалели. Исаков оказался профессиональным, грамотным юристом, смелым и прямолинейным. Вы, наверно, помните, как против авторитарной политики, которую повел Борис Ельцин, одним из первых из парламентского руководства, вместе с шестью другими, выступил Владимир Исаков. Подручные московские журналисты всячески поносили его, называя «шестеркой», навешивая другие обидные ярлыки. Все шестеро выступивших были «съедены» - один за другим Светлана Горячева и Борис Исаев лишились должностей заместителей Исакова ожидала такая же судьба. Не дали спокойной жизни и Вешнякову с Сыроватко. Сумел уберечься от дождей и ветров только один персонаж - Рамазан Абдулатипов. Впрочем, об этом человеке - хитром и умном, непотопляемом Рамазане - у нас разговор еще впереди...

Кстати, Владимир Исаков тоже не потерялся. Но за место под солнцем — я это могу сказать с уверенностью — он боролся сам. Наделенный недюжинными природными способностями, талантом юриста, он всегда находился в центре внимания. Снятие с должности не сломило его цельную натуру. Будучи в открытой оппозиции к власти имущим, он был избран в Думу, а там стал председателем комитета.

Удивительная шутка - судьба. Она опять свела нас с Владимиром Исаковым, сделала единомышленниками. И эти теплые отношения продолжаются по сей день, хотя знакомство началось с противостояния.

...А совещание в Центральном Комитете еще не завершилось. На трибуну поднимался то один, то другой оратор. Говорили быстро и горячо, но сказанное в памяти не сохранилось.

Впрочем, говорил и первый секретарь Свердловского обкома партии. Заметил, что Владимир Исаков выступил не от имени свердловчан, а по своей инициативе. Аргументировано доказывал, что такого человека, как Ельцин, нельзя допускать до столь высокого поста. Видимо, старался угодить членам Политбюро. Впрочем, наверное, говорил не только ради них. Он, похоже, хорошо знал Ельцина и открыто называл многие его отрицательные качества. Упомянул, что Ельцин мстителен и коварен. Справедливым ли было выступление, нет ли - сказать трудно. Но когда Ельцин был избран Председателем Верховного Совета, этого товарища сняли с работы, а вскоре с треском лишили и депутатского мандата.

Если мне не изменяет память, на первом съезде народных депутатов кандидатура Ельцина прошла только с пятого голосования. И то с превышением в два голоса. А какое было оказано при этом давление на народных депутатов! Сколько было дано обещаний! Законы, Конституция были позабыты... Газетчики, работники радио и телевидения запутали мозги не только депутатам, но и всему обществу, всей стране, будто околдовали ее. В тот самый день, когда был избран Председатель Верховного Совета, Борис Николаевич Ельцин вызвал меня к себе и сделал предложение стать его первым заместителем.

- Спасибо, - сказал я. - Но это невозможно, я не верю, что ваше предложение искренне. Да и не нужно это мне. В конечном счете, я к этой работе не готов. Хватит с меня и того, что пошутили в Центральном Комитете.

- Предложение серьезное и продуманное. Прошу вас его принять.

Я оказался в очень неловком положении. Но, решив, что мне терять нечего, сказал:

- Я ведь, Борис Николаевич, в первом туре проголосовал против вас. И многие об этом знают. Я, наверное, не смогу работать с вами...

- Это неважно. Предложение - продуманное. Мы будем работать одной командой, - проговорил он и похлопал меня по плечу. - Вот ведь какой ты! Давай, хватит сомневаться.

На этом мы расстались.

На другой день, когда готовились к избранию первого заместителя, у дверей Большого Кремлевского дворца меня подозвал к себе Мухаммат Сабилов, который тогда работал Председателем Совета Министров Татарстана.

- Как дела, Ринат? - спросил он. - Терпимо, - сказал я. И тут же понял, что мой собеседник собирается сказать что-то очень, серьезное.

- Ну как, будешь участвовать в голосовании?

- Предложение есть. Но изберут или нет - трудно сказать.

- Послушай меня, - сказал Сабилов довольно серьезно и, я бы даже сказал, строго. - Если выставят твою кандидатуру - откажись.

- Почему? - невольно вырвалось у меня. - Почему это я должен отказаться? Я же дал согласие. Знаю, что не изберут, но отказаться не могу, Мухаммат Галлямович. Не обижайтесь на меня, я вас уважаю, но послушаться сейчас не могу.

- Ты такую глупость не сделаешь, - сказал он, стиснув зубы, в его голосе слышались угрожающие нотки.

- Это ваше личное мнение?

- Понимай, как хочешь. Но оно окончательное и должно быть выполнено.

- Я не марионетка, Мухаммат Галлямович. Не могу на каждое предложение вытягиваться и отвечать «слушаюсь». Я уже дал слово Ельцину. Да к тому же ваше личное мнение...

- Нет, не так... Это мнение Центрального Комитета, если уж хочешь знать.

- Как?! - почти вскричал я удивленно. - Так ведь они сами втянули меня в эту игру.

- Может быть... Но ситуация изменилась. Теперь нужен другой человек, чтобы противостоять Ельцину.

- Я этому не верю, - сказал я. Дело в том, что всего минут за пятнадцать до этого у меня была встреча с ответственным работником Центрального Комитета, заведующим

отделом Бабичевым. На случай, если будет предложена моя кандидатура, они даже подготовили мое выступление. Ведь концы с концами не сходятся!

- Значит, ты идешь против мнения Центрального Комитета, - сказал Мухаммат Галлямович.

- Нет, - ответил я, - я остаюсь самим собой.

- Не считаешься и с мнением руководства республики, - гнул свое мой собеседник, становясь все строже.

- Нет, - и я стоял на своем. - Я против не иду. Я сегодня утром в вестибюле гостиницы «Россия» встретился с Минтимером Шариповичем Шаймиевым. Он пожал мне руку и сказал: «В добрый час».

- Ну ладно, раз так, смотри сам, — довольно сухо сказал Сабилов. - Я тебя предупредил. Учти, что татарстанская делегация будет голосовать против тебя.

Мы попрощались. Я прошел в зал съездов Большого Кремлевского дворца и уселся в одном из последних рядов. Настроение было преотвратное: мне казалось, что подо мной качнулась земля. В этот миг я был одинок и несчастен. «Почему согласился, - не давала покоя мысль. - Впрочем, еще не поздно прийти к иному решению. Но неудобно. Сколько было разговоров. Сколько колебаний... В конечном счете, я дал обещание Ельцину. Да и Сабилов, наверное, не от себя лично говорил. Что же они в таком случае играют со мной? Я ведь, в самом деле, не марионетка, чтобы можно было дергать за веревочку».

- Будь что будет, - сказал я про себя и с каким-то упрямым ожесточением решил рискнуть.

Настроение, однако, из рук вон скверное. Пытаюсь думать о чем-то, но мысли перепутались, ничего не разберешь. Оглядываюсь по сторонам. И кажется мне, что все кругом следят за мной, обращают внимание. Как потом выяснилось, это было действительно так. Секрет раскрыл один депутат, которого я тогда еще не знал (позднее мы с ним работали в одной комиссии и подружились. Он теперь руководит парламентом Республики Тува, его зовут Кичелдей Кадыров).

- Вы Ринат Мухамадиев, не так ли? - сказал он, подойдя ко мне.

- Да, это я.

Он положил передо мной листок бумаги.

- Это вам знакомо?

- Нет, а что это?

- Это? - переспросил он, встретившись глазами с моим вопросительным взглядом. - Это пачкотня какая-то. Грязная писанина. Должно быть, провокация. Не обращайте внимания.

То была ксерокопия статьи из газеты «Комсомолец Татарии». Не аноним. Подписано Талгатом Бариевым. Читаю. Статья, наспех написанная явно по чьему-то заказу, чтобы очернить меня, обвиняла в национализме и карьеризме...

- Где это вы взяли? - спрашиваю депутата, все еще стоявшего рядом со мной.

- Вот там, у двери, раздают. Всем депутатам, - сказал он и отошел.

Не знаю, кому понадобилась эта трехкопеечная статейка в двухкопеечной газетенке, но ее распространяли целую охапку.

Позднее, спустя пять лет, все тот же сомнительный журналист Талгат Бариев, после того как я был выдвинут кандидатом в депутаты Татарстана, снова опубликовал свой очередной опус обо мне в той же газете, сменившей свое название уже на «Молодежь Татарстана». На этот раз обвинял меня в том, что я настроен «пророссийски», ставя меня рядом с Василием Лихачевым. В обоих случаях редактором газеты была Римма Ратников. Она теперь не осмеливается смотреть мне в глаза. Что же поделаешь, не все решаются не выполнить указание сверху. Вот так-то!

...Скоро должен начаться съезд. Среди множества бумаг наткнулся на текст выступления, который мне принесли представители ЦК. Начал читать. Красиво написано, но я это не буду говорить. Если прочту, стану всеобщим посмешищем. Я стал готовить свое собственное выступление. Тем более, что никогда до этого не читал речей, написанных другими, не стану и впредь.

На должность своего первого заместителя Ельцин прежде всего выдвинул меня. Альтернативно были предложены кандидатуры сотрудника Центрального Комитета Рамазана Абдулатипова и первого секретаря обкома Хакасии Штыгашева.

И вот я получил возможность выступить с самой высокой трибуны страны. Говорил о том, что сам действительно думаю, ни к кому не приспособливался. После тайного голосования ни один из кандидатов не прошел... Конечно, трудно было рассчитывать на поддержку российских депутатов после того, как я в своем выступлении излагал требование, чтобы Татарстан стал равноправной союзной республикой. Вероятность моего избрания, впрочем, оказалась бы минимальной даже в том случае, если бы я выступал за единую, неделимую Россию.

Настроение, конечно, прескверное, не без этого. Не дождавшись перерыва, я покинул зал. Во дворе Кремля присел на скамейку рядом с памятником Ленину. День стоял солнечный. Кругом цвели тюльпаны, пели птицы. Но не успел я вздохнуть спокойно, наконец, оставшись один, как ко мне подошли двое мужчин. Один из них был мне знаком, только я не помнил его имени.

- Асланбек Ахметович, — протянул мне руку знакомый.

Я чуть подвинулся в сторону, предложив ему место рядом с собой.

Асланбек Аслаханов сел. Я знал, что он генерал, занимающий большой пост в московской милиции.

И тут я обратил внимание на его спутника, как-то застенчиво стоявшего чуть в стороне. Лицо его было бледным, словно бескровным. Я прежде всего и обратил внимание на эту его бледность.

- Это мой земляк, Руслан Хасбулатов, - сказал Аслаханов. - Профессор Института имени Плеханова.

Хасбулатов подошел ближе. Я приподнялся и протянул ему руку.

- Мы голосовали за тебя, - сказал Асланбек Аслаханов. - Но что делать, русские нас не любят. Но ты не расстраивайся.

- Спасибо, - сказал я. - Да я особо и не надеялся, что выберут.

Вот что, сказал Асланбек, переходя на дружескую ногу. - Ельцин теперь ищет себе заместителя среди представителей национальных республик. Если сможешь, предложи Руслана, поддержим его. Он будет нашим человеком. Ко всему прочему, он еще всемирно известный ученый-экономист.

- Попробую, - пообещал я и в тот же день выполнил свое обещание.

Конечно, Руслан Хасбулатов мог подняться и другим путем, но еще через два дня я поздравил его с избранием на пост первого заместителя Председателя Верховного Совета, и он ответил, что благодарен мне.

В один из вечеров кто-то постучал в дверь моей комнаты в гостинице «Россия». Открыл. На пороге стоял молодой, невысокого роста человек с черными усами и приветливо улыбался. На госте темно-синий в белую полоску спортивный костюм...

- Привет, - говорит он. - Ты меня узнаешь?..

- Вроде узнал. Сергей Шахрай?

- Он самый. Можно зайти?

- Конечно, добро пожаловать, Сергей Михайлович.

- Ну, ты брось, называй просто Сергеем. Если разрешишь, то и я буду обращаться к тебе просто Ринат.

Шахрай поставил на стол бутылку коньяку и закуски.

- Я зашел познакомиться, посидеть, поговорить. Чует мое сердце, нам суждено стать друзьями...

- Ну раз суждено, тут уж ничего не попишешь. Остается сесть и выпить...

Весь вечер мы провели вдвоем, беседовали. Коньяку как раз хватило. С этой поры мы с Шахраем начали через каждые два-три дня поочередно ходить друг к другу в гости. Он хотя и был москвичом, тоже жил в гостинице «Россия». У Шахрая, работавшего заведующим лабораторией в Московском государственном университете, в то время не

было даже квартиры в столице. Со своей семьей он жил в Подмоскowie в тесной комнатухе.

Борис Ельцин держал нас обоих постоянно в поле зрения, предлагая разные руководящие должности. Шахрая он хотел видеть своим заместителем. Меня же предложил на пост председателя Совета Национальностей. И... в очередной раз я не был избран. Но вскоре мы стали председателями комитетов и членами Президиума.

Мы постоянно общались с Ельциным. И в эти дни мне пришлось узнать немало его положительных качеств. К примеру, сохранилось в памяти одно воспоминание, связанное с днями работы первого съезда народных депутатов. Как-то меня разыскал Наиль Махиянов, избранный от Нижнекамска, он был одним из самых молодых депутатов. Хорошо подготовленный, самостоятельный, здравомыслящий, смелый.

- Ринат-абый, - обратился он ко мне по-татарски. - Требуется ваша помощь. У Спасских ворот стоит муфтий Талгат Таджетдин со своими помощниками. Их не пускают в Кремль. А ему хочется встретиться с Борисом Николаевичем. Говорит, что вопрос очень важный...

У коменданта Кремля взяли пропуска. Муфтий и его помощник были одеты в зеленые чапаны с эмблемами духовного управления. И те, кто пропускал их через ворота, и те, кто допускал в Большой Кремлевский дворец, смотрели на них с удивлением и даже с подозрением. Видя все это, я почувствовал в душе тайную гордость. Пусть все видят - это наши идут! Благородные цвета, со вкусом подобранная одежда. И рост, и внешний вид, и внушительная осанка. Не обделил их Всевышний.

По широким мраморным лестницам поднялись на второй этаж, прошли мимо изваяний со множеством Георгиевских крестов. Мы шли, напоминая зеленые волны луга, плавно перекачивающиеся вперед. По сторонам духовенство не смотрит. Подбородки вскинуты вверх, бороды торчком, а взгляд устремлен только вперед. Все расступаются. Сила ауры муфтия безгранична.

На полном ходу спрашиваю у Таджетдина:

- Неужто дело такое серьезное? Удастся ли нам поговорить с Ельциным... Дни-то у него такие суматошные.

- Дело серьезное, нужен сам Ельцин. И незамедлительно, - ответил он.

Мы вошли в зал, сплошь состоящий из зеркал и хрусталя, он является красой и гордостью Кремлевского дворца. В зал, носящий имя Екатерины Великой. Муфтий сел в роскошное кресло, стоящее рядом с зеленым столом в самом центре зала.

- Я жду здесь, - с достоинством сказал он и посмотрел на часы.

Меня восхитило, как гордо и свободно он держит себя. Мы вот уже десять-пятнадцать дней ходим по этому дворцу, по этим залам и до сих пор не можем избавиться от застенчивой скованности. Сколько бы ни убеждали себя, что уже освоились, но то и дело совсем некстати невольно подкашиваются ноги...

В работе съезда был перерыв. Вернее, он уже подходил к концу. Сказали, что Ельцин прошел в комнату президиума, но к нему не подступиться. Его обступила свита и те, кто желает ему услужить. Общение закрыто и для журналистов. Я подошел к одному из приближенных Бориса Николаевича - Илюшину, рассказал суть дела. Но он только покачал головой:

- Сам подумай. Через несколько минут продолжится съезд. Вопросов, требующих решения, - по горло. Он сейчас не сможет оторваться...

Я и сам вижу, что надежды никакой. Но ведь муфтий очень торопит. Как я ему объясню? Тут я поднял глаза и уставился на Ельцина. Разговаривая с другими, он как-то через головы взглянул в мою сторону. Взгляды наши случайно пересеклись. И он поднял руку, приветствуя меня. Я потянулся к нему. Раздвинув кольцо окружения, Председатель Президиума Верховного Совета России, протягивая руку для приветствия, направился ко мне.

- Ты что так в стороне стоишь? Ты духом не падай, будь тверже, - сказал он, пожимая мне руку. Тогда как раз шла полоса моих «избранных и неизбранных». И он намекал на это.

Пока Ельцин не повернулся и не отошел, я набрался смелости и решился сказать:

- Борис Николаевич, у меня ведь к вам дело.

- Что там у тебя? Говори, - сказал он.

- С вами хочет встретиться главный муфтий мусульман Европейской части России и Сибири Талгат Таджетдин. Он там... Вас ждет, - сказал я, кивнув в сторону Екатерининского зала. Ельцин посмотрел на часы. Сжал губы, давая понять, что времени в обрез...

- Что, так срочно?..

- Очень...

И он не стал реагировать на обращенные к нему: «Борис Николаевич... Борис Николаевич...».

- Где он, веди меня к нему.

Муфтий приветствовал Ельцина стоя. Сели друг против друга, обменялись вежливыми фразами о здоровье.

- От имени всех мусульман России я поздравляю вас с избранием на пост Председателя Верховного Совета России, - сказал Талгат Таджетдин и тут же взял быка за рога. - Я к вам пришел с просьбой чрезвычайной важности, Борис Николаевич.

- Что случилось? Какая нужна помощь? Рассказывайте...

- В Москве собралось более трехсот правоверных мусульман, паломники, следующие в Мекку... Мы сегодня же должны отправиться в путь. Это наше первое священное путешествие за семьдесят лет. Все было заранее обговорено, получены обещания. Но вот сегодня нам говорят, что самолетов нет.

Ельцин поднял голову. Окликнул помощников.

- Доведите до сведения министра гражданской авиации Бугаева, чтобы самолеты были готовы без единого часа опоздания. - И тут же обратился к муфтию: - Сколько вам самолетов понадобится?

- Два самолета ТУ-154.

- Вы слышали?! Два ТУ-154. О выполнении распоряжения пусть министр лично доложит мне через час. - Ельцин посмотрел на Таджетдина. - Считайте, что этот вопрос решен.

- У нас есть еще один.

- А что еще?

- Нам необходимо обменять деньги из расчета одна тысяча долларов на каждого паломника, - сказал муфтий. - А нам отвечают: «Долларов нет!» Конечно, мы можем уехать и без валюты. Король Саудовской Аравии готов принять нас как своих гостей, бесплатно. Но мы, граждане великой державы, предпочитаем ехать за свой счет.

- Вызовите министра финансов России, - сказал Ельцин.

Министр не пришел - прибежал через несколько минут. Ельцин объяснил ему суть дела.

- Такого количества долларов у нас нет, - сказал министр финансов. - И никогда не было, обмен такой суммы запрещен по закону.

- Я вам советую выполнять мои распоряжения, товарищ министр, - чуть повысил голос Ельцин.

- Ничего не могу поделать, Борис Николаевич. Валютой ведает только министр финансов СССР.

- Раз так, иди отсюда. Почему ты считаешься министром? Нефть российская, татарстанская, башкирская. А долларов нет... А есть заместитель у этого министра? Если есть, пусть идет сюда.

Побежали разыскивать заместителя министра, министр же стоит рядом.

- Борис Николаевич, может, переговорю от вашего имени с товарищем Павловым?..

- А кто вы такой? - сказал Ельцин, давая понять, что не собирается его слушать. - Вы не министр, я вас знать не знаю. Уходите...

Тот вконец смешался и отошел. Только что был министром, а теперь остался его тенью, безработным. Никто за ним не последовал, не посочувствовал, кому он нужен, если уже не министр.

Тем временем, запыхавшись, подбежал его заместитель. Распоряжение было отдано ему. Не знаю, понял он указание или нет, но ничего кроме «будет сделано» не сказал.

«Хорошо, Борис Николаевич... Да, Борис Николаевич...»

А вот этот обязательно станет министром. Он просто рожден для этой должности... И действительно, долго ждать не пришлось - его назначили.

И вопрос с валютой для паломников на этом был решен. Правоверные мусульмане России под руководством Талгата Таджетдина на двух ТУ-154 поднялись в воздух с аэродрома «Шереметьево-2», направляясь в Саудовскую Аравию. Доллары были найдены. Нетрудно понять, что означала в то время тысяча долларов для каждого отъезжающего.

А перерыв, объявленный в работе съезда народных депутатов, затянулся тогда ровно на пятнадцать минут. Многие, кажется, этого и не заметили.

Шел 1990-й год. Кажется, было начало июля. Как-то помощник Бориса Ельцина Виктор Илюшин пригласил меня к себе.

- Ринат Сафиевич, Борис Николаевич в ближайшие дни собирается ехать в Татарстан. Ты бы не помог мне составить маршрут этого путешествия и график встреч? - сказал он.

- Хорошо, подумаю. Сколько вы дадите времени?

- А вот прямо сейчас сядем и приступим к работе, - сказал Илюшин с присущей ему спокойной деловитостью.

- Но надо же немного подумать, обменяться мнениями, - возразил я.

- Визит продолжится два дня, самое большее три. После Казани предполагается ехать в Уфу, Башкирию.

Мне вдруг пришло в голову: почему я должен составлять этот маршрут? Есть ведь Татарский обком партии, руководство республики, большой аппарат. Естественно, я спросил об этом:

- Вы, наверное, поговорили с областным комитетом? У них большой опыт организации таких поездок...

Илюшин посмотрел на меня искоса.

- Областной комитет рассуждает с оглядкой на Кремль... На Горбачева. А мы хотим приехать без особого шума. Сообщим, конечно, загодя. Впрочем, в принципе с Горбачевым согласовано.

- Ну, раз знают руководители республики, мне и делать нечего...

- Давай-ка, садись, - с досадой, проговорил Илюшин, обеспокоенный тем, что попусту тратится время. - На столе карга Татарстана. Покажи...

Сел. И нехотя стал рассуждать:

- Раз намечено из Татарстана проследовать в Башкортостан, то, по-моему, надо будет двигаться по маршруту Казань - Набережные Челны - Альметьевск. Башкортостан как раз рядом. За два дня вы проедете через весь Татарстан.

- Нет, - сказал Илюшин. - Ты рассуждаешь по общепринятой схеме. А если мы сделаем наоборот, если сначала встретимся с нефтяниками, автомобилестроителями, хлеборобами, а потом поедем в Казань? Нужны неординарные встречи. Посоветуй, где их провести.

- Что Ельцин скажет, если вы остановитесь в самом обыкновенном татарском ауле и пообедаете там?

- Так-так-так, - протянул Илюшин и что-то пометил на бумаге. - Давай-ка дальше продолжим. А где расположен этот татарский аул?

- К примеру, в Мамадышском районе.

- А чем он примечателен?

- Прежде всего тем, что это - моя родина.

- Вот это хорошо! - рассмеялся Илюшин. - А что еще скажешь?

- Это обыкновенный сельский район. Московское начальство его не особенно жалует. Народ там хороший, не испорченный. Первый руководитель тоже молодой. Похож на Бориса Николаевича, высокого роста, здоровяк!..

- Это мы решили, - сказал Илюшин и потер руки. - А что будем делать в Казани?

- Наверное, будут встречи в областном комитете партии... В Верховном Совете...
 - Нет, нет. Боже упаси. Я же сказал, нужна неординарная программа.
 - Можно встретиться с творческой интеллигенцией, с писателями, у нас к ним относятся с большим уважением...

- Где?

- Можно в помещении какого-нибудь театра... А если бы Ельцин смог увидеться с писателями в самом творческом Союзе, это было бы незабываемым событием. У нас есть клуб на 160 мест.

- Это тоже хорошо будет, - он опять потер руки.

- Хорошо бы ему побывать в Казанском университете, поговорить там со студентами, с научной интеллигенцией.

- Это тоже неплохо.

- Вообще говорят, что ни один человек не может стать великим, не поучившись в Казанском университете, - попытался я состричь. - Взять хотя бы Ленина, Толстого...

- Ты что, тоже там учился? - подхватил шутку Илюшин. Он избавил меня от попыток поиска других гениев, учившихся в Казанском университете.

...Вертолет с Борисом Ельциным и Минтимером Шаймиевым на борту опустился на клеверном поле в шести километрах от Мамадыша с большим опозданием. Предшествовавшую этому поездку в Набережные Челны и Альметьевск я не видел. Сопровождающих и встречающих было немного.

Гостей мы встретили вместе с первым секретарем Мамадышского райкома Фатыхом Сибатуллинским и, долго не задерживаясь, отправились в поездку по району на микроавтобусе «Тойота», принадлежавшем Берсутскому зверосовхозу. То была единственная тогда в районе заграничная машина.

На голову шофера Шамсутдина Назмиева, которому до того не доводилось возить даже директора совхоза, в тот день сразу свалилось неслыханное счастье. Вот ведь он везет самого Ельцина и Шаймиева. Ельцин даже раза два по-свойски похлопал его по плечу своей большой, как лопата, рукой.

- Ну, как дела? - спросил он шофера.

- Хорошо, - ответил Шамсутдин.

- А как тебя звать?

- Хорошо, — повторил Шамсутдин, не поняв второго вопроса. Ведь его глаза и все внимание были на дороге. И лишь после того, как мы рассмеялись, он понял смысла вопроса и поправился: - Шамсутдин

- А как жизнь? Зарплата...

Оказалось, что у Шамсутдина и тут все «хорошо».

По дороге, остановив машину, гость подошел к комбайнам, которые молотили пшеницу. Поговорил с комбайнерами, сфотографировался с ними.

В ауле Нижний Сон Борис Ельцин остановился на обед. Это обыкновенное татарское селение, что стоит где-то в километре от большака. Люди там живут тоже вполне обыкновенные. Чтобы увидеть Ельцина, все они вышли на улицу. Хотя это и не предусматривалось протоколом, Борис Николаевич подавал руку всем, кто выстроился по обе стороны дороги, - женщинам, мужчинам и детишкам. Ельцин был в сорочке с короткими рукавами, три пуговицы расстегнуты. То было время, когда он был популярен в стране, был парнем хоть куда.

Завернув с главной улицы, немного прошли по переулку, заросшему лапчаткой. Нас завели в простой крестьянский двор. Из трубы идет дым - затоплена баня. Ворота сарая раскрыты.

Там торжествует только что снесшая яичко рябая курица. Можно подумать, что она снесла золотое яичко. Могла бы вообще-то вести себя поскромнее, коли приехал сам Председатель Президиума Верховного Совета России. Да у хозяев, оказывается, и петух какой-то нетерпеливый - не считаясь с тем, что прибыл высокий гость, счел за благо притопать к своей хохлатке.

Посреди двора стоит телега, заваленная свежескошенным клевером. Рядом привязана лошадь. Словно никогда не видела еды, самозабвенно жует. Ельцин постоял, наслаждаясь запахом клевера. А Минтимер Шаймиев подошел к лошади и ласково потрепал ее по шее, погладил по гриве.

Фатых Сибагатуллин пригласил гостей в дом, обедать. Столы были приготовлены в двух местах. В дальнюю комнату провели Ельцина, Шаймиева, хозяина района Сибагатуллина и меня в качестве земляка. Сперва принесли лапшу, потом вынесли бляшиш. Председатель колхоза Гусман Бадретдинов угощал гостей стоя. Парень он остроумный, за словом в карман не полезет...

Справившись с едой, Минтимер Шаймиев посмотрел на часы: «Надо ехать в Казань, опаздываем». Мы все разом стали подниматься.

Я тоже встал. Но не успел сдвинуться с места, как ботинок сорок пятого размера наступил под столом на мою ногу. Оказалось, за столом остались Ельцин и я.

- А ты сядь, - сказал он дружески грубовато, как бы шутя. И стал что-то искать глазами, оглядываясь по сторонам. Оказалось, ему был нужен Гусман.

- Где он, этот черноволосый шустрый татарин? Может, он тоже убежал?..

- Говорят, что пора ехать, Борис Николаевич. Мне тоже неудобно сидеть тут одному...

- А я кто?! Разве я тебе не руководитель? Садись давай и не шебуршись. Когда еще придется посидеть вот так.

Тем временем Ельцин опять завертел головой, на этот раз силясь увидеть кого-нибудь из домашних. В простенке показался хозяин дома.

- Ты ведь хозяин этого дома? - подозвал его Ельцин.

- Да, хозяин.

- Почему же я этого не чувствую? Надеюсь, это не от твоей скупости. Ну-ка, давай, поставь сюда что-нибудь... И сам садись. Давай побалуемся на троих.

Хозяин дома быстренько сходил в простенок, и на столе появилось «Золотое кольцо». Ельцин почти насильно усадил его рядом с собой. И тут же обратился к хозяйке, которая прибежала, чтобы узнать, не надо ли еще чего.

- Апа, - сказал Ельцин и сделал движение рукой. - Нет ли еще этой большой круглой штуки? Уж больно она вкусная.

Хозяйка сообразила сразу, побежала и тут же вернулась обратно. На столе появился дышащий паром бляшиш. Она тут же разрешила его на порции; поставила перед нами и стала угощать. Высокий гость заполнил до краев граненые стаканы. Сколько мы ни сопротивлялись, но пришлось подчиниться.

- Что это такое, сидеть и пить рюмками с наперсток, - пожаловался он, имея в виду ту официальную обстановку, которая только что была здесь. - Давай, давай, пусть будет по-нашему, по-мужицки. Чтобы ни капли не осталось. - И стал разливать оставшуюся водку. Я удивился: получилось как раз поровну.

Нам было хорошо, исчезла скованность. Плохо было только то, что мое место оказалось как раз напротив окна, выходящего во двор. Каждую минуту нам махали руками, приглашали, торопили. Фатых Сибагатуллин стал что-то объяснять, жестикулируя огромными ручищами.

Я-то все понимаю. А ты попробуй объясни это высокому гостю. И лучше свои кулачища показывай ему...

- Не оставаться же ей... Под этот бляшиш еще пойдет немного, не так ли?.. - сказал Ельцин, похлопывая хозяина по спине.

«Упаси нас Аллах! - взмолился я про себя. - В своем ли он уме? Опозорит меня, пропала моя головушка...»

Аллах помог, Ельцин не стал больше настаивать... Засмеялся громко на весь дом и встал.

- Большое вам спасибо, - сказал он. Потом обратился к хозяйке: - Апа, мне очень понравился этот бляшиш. Испечете, если приеду еще раз?

- Испеку, испеку, Борис Микулаевич, - сказала хозяйка и, подтянув краешек платка к глазам, прошла в меньшую половину дома.

Казалось, что улицы аула стали еще краше. И сколько бы ни торопили, Ельцин останавливал машину, чтобы еще раз приветствовать жителей. Он был приветлив и счастлив от оказанного внимания. Но и молодцом оказался. Ни разу не зашатался...

Толпа у здания, в котором располагается Союз писателей, колыхалась словно море. Улица Комлева забита до отказа. По ней не то что пройти, даже перейти ее невозможно. Все пришли увидеть Ельцина. То было время, когда он, разрушая прошлое и обещая золотые горы в будущем, становился все популярнее...

Писательский клуб был также забит до отказа. Створки окон распахнуты настежь. Нет места не только в зале, но даже на подоконниках. Одних киношников с кинокамерами было больше десятка.

Зал небольшой, поэтому туда были допущены одни писатели и несколько журналистов. На маленькой сцене разместились Ельцин, Шаймиев, Сабиров и Геннадий Зерцалов, работавший тогда первым секретарем Казанского горкома. По правую сторону от Ельцина, как организатор и ведущий, расположился я. А сзади Бориса Николаевича занял место Виктор Илюшин.

Когда бы еще татарские писатели имели возможность встретиться вот так с будущим Президентом России, поговорить с глазу на глаз? Из зала один за другим посыпались вопросы. Мне кажется, особенно большую активность проявили Амирхан Еники, Роберт Батулла, Ризван Хамид, Рашат Низамиев, Фаузия Байрамова.

Ельцин не из тех, кто за словом лезет в карман. Отчеканивал каждое слово в ответ, резал правду-матку. Как раз во время этой встречи были произнесены те исторические, впоследствии ставшие расхожими слова: «Берите суверенитета столько, сколько проглотите». Недаром спустя дней десять-пятнадцать после отъезда Ельцина именно Союз писателей Татарстана первым поставил вопрос о суверенитете республики.

Ельцин умел шутить. У меня остался в памяти эпизод, когда разгоряченный, покрасневшийся Роберт Батулла говорил из зала, Борис Николаевич спросил меня шепотом:

- Это кто, не Чингиз-хан ли?

То было время, когда Батулла ходил с бритой головой, с кинжалом на поясе.

- Это? Это - Батулла-хан. Внук Бату-хана, - ответил я шуткой на шутку.

У гостя рот растянулся до ушей.

Именно в этот день на виду у всей татарской интеллигенции мы надели на голову Ельцина наш национальный головной убор. Я до сих пор с чувством неловкости вспоминаю сказанные мною тогда слова. Надевая на голову Ельцина вышитую татарскую тюбетейку 60-го размера и пожимая ему руку, я сказал: «Пусть эта священная татарская тюбетейка убережет вашу мудрую голову и пошлет ей долголетие». Позднее заскорузлые татарские газеты до того разжевали эту тюбетейку, что она превратилась в очески. «Отдай обратно нашу тюбетейку... Верни тюбетейку, Ельцин», — петушились на их страницах несуразные политики. Упоминали в статьях, кричали на митингах. Поговаривали даже, что у потерявших чувство меры людей хватило ума написать об этом самому Ельцину...

Похоже было на то, что эта тюбетейка прибавила Ельцину смелости и решительности. Когда встреча закончилась, мы по коридору Союза писателей направились к выходу. Тюбетейка была на голове, снять ее Ельцин не спешил. Его дергали слева и справа, протягивали руки, просили автографы. Кто понахальнее - вставал прямо на пути. У Ельцина настроение бодрое, все время улыбается... Поэтому он отвечал добродушно, желая угодить всем. Кто не любит обращенного к нему внимания!

Еще сидя в зале, Ельцин то и дело повторял, что у него «во рту пересохло». А предложенный нарзан пить не стал. «Когда сидит полон зал людей, не спеши выпить принесенную воду. В зале ведь есть немало зрителей с пересохшей глоткой. И они смотрят на тебя. Потерпи, не пей! Иначе противопоставишь себя залу», - наставлял он меня. И велел убрать со стола стакан и воду.

Когда шли по коридору, он успел шепнуть мне на ухо:

- Что у тебя есть в кабинете, в холодильнике? Есть шампанское?

- Есть. Оно с нетерпением ждет нас...

Гость удовлетворенно улыбнулся и по-дружески скосил на меня глаза. А я вел уже его по коридору под руку. Мы опять задержались у лестницы, ведущей на второй этаж к моему кабинету. А я ведь еще к тому же должен был не спускать глаз с руководства республики. Гость приехал и уехал, а они остаются. Жить надо и дальше.

Наконец, почти оторвав Ельцина от группы людей с протянутыми руками, повел его вперед. Не успели мы пройти и половину пути, как голова Ельцина в тюбетейке повернулась назад... Через настежь распахнутые большие двери видны улица и двор. А там яблоку негде упасть — везде народ.

- Для чего они там собрались? - спросил Ельцин с детской непосредственностью.

- Чтобы вас повидать... Встретить и проводить, - сказал я.

После этих слов с Ельциным что-то случилось, его словно подменили: глаза заблестели, как горячие угли, он будто птица, потянулся на улицу.

- Как так?! Значит, они меня ждут? - сказал он словно растерявшийся ребенок. И стал тянуть меня вниз. - Не заставляйте же их ждать. Выйдем на минутку и поприветствуем. Когда они разойдутся, мы с тобой спокойно выпьем шампанское.

Я знал, что поворачивать нельзя ни в коем случае. Но воспротивиться не смог. Ельцин, словно разгоряченный бык, тащил меня на улицу. Выйдя на крыльцо, взял в руку тюбетейку и стал махать ею, приветствуя толпу. Одни закричали «ура», другие засвистели. Окружили нас плотным кольцом. И людской поток стал теснить нас сперва на середину улицы Комлева, а потом в сторону улицы Бутлерова.

Ни телохранители Ельцина, ни милиция не были готовы к такому повороту событий. Было похоже, что он и сам перепугался. Толпа двигалась на нас лавиной, теснила все сильнее. Если остановишься или, упаси Аллах, упадешь, пожалуй, растопчут. Держа одной рукой тюбетейку, другой, ухватившись за меня, спасаясь от беды, Ельцин побежал. Тем временем сотрудники милиции и какие-то люди стали расчищать дорогу, подоспев на помощь. Это продолжалось до самой улицы Бутлерова, до трамвайной остановки. На остановке стоял трамвай. Мне даже в голову не пришла бы мысль сесть в вагон. А Ельцин, не предупредив меня, прыгнул на подножку уже уходящего трамвая. И уехал, даже не махнув рукой. А я остался на остановке. Мы расстались...

Слова Ельцина «берите суверенитета, сколько сможете проглотить» упали на благодатную почву. Эти его слова тут же подхватили в кругах татарских писателей и татарской интеллигенции. И, кажется, в середине августа 1990 года, по инициативе Союза писателей, мы собрат и объединенный пленум творческих союзов. Организация и ведение этого важнейшего совещания легли на мои плечи. Итоговые документы и общая резолюция были подготовлены специальной комиссией, состоявшей из членов правления нашего Союза.

Руководство республики не проявило благосклонности к проведению совещания. И все же уже после его начала в зал без шума, незаметно вошли и сели в одном из задних рядов два человека. Один из них был первый заместитель Председателя Совета Министров Мансур Хасанов, второй, если не ошибаюсь, - секретарь областного комитета партии Рево Идиатуллин. Но они в работе пленума не участвовали: как вошли незаметно, так, кое-что записав в своих блокнотах, незаметно и ушли.

На этом пленуме были очень горячие выступления. Писатели, театральные деятели, композиторы, художники - все они были настроены на одну волну. Я не помню другого такого случая, чтобы творческая интеллигенция выступала так смело, в едином порыве за интересы народа и страны. То был, как отметил поэт, «первый день после пробуждения», период романтических надежд. Позднее к нашему порыву присоединился чуть было не весь народ. Мы почти два года жили с этой эйфорией независимости, у нас словно выросли крылья, а ноги будто не чуяли под собой земли.

Сразу после окончания пленума мы, семь председателей творческих Союзов, отправились в областной комитет партии и потребовали, чтобы нас принял Председатель Президиума Верховного Совета Татарстана Минтимер Шаймиев.

Шаймиев от встречи не уклонился, она продолжалась более двух с половиной часов. Естественно, доведение решений пленума, ведение беседы легли в основном на мои плечи. Но неправдой было бы сказать, что остальные председатели Союзов сидели там молча. Особенно запомнилась горячность и смелость председателя Союза композиторов Рашита Калимуллина. Человек, на первый взгляд, немногословный, корректный и миролюбивый, Рашит не растерялся перед первым руководителем республики. С этого дня он стал моим другом и единомышленником. Председатель Союза театральных деятелей Ринат Тазетдинов тоже в решительные минуты смог стать надежным сподвижником. Словом, мнение у нас было общее. Даже представитель Союза кинематографистов Эдуард Гуцин и тот выступил в нашу поддержку.

Главная мысль пленума была такова: Татарстан должен перестать быть второсортной республикой, ему необходимо подняться до уровня союзной. Пусть с большим трудом, пусть через большие сложности, но мы сумели расстаться с господином Шаймиевым склонными к пониманию друг друга. Во всяком случае, мнения наши заметно сблизились.

30 августа Татарстан принял историческую декларацию о своем суверенитете. В этот день каждый татарстанец, тот, чья душа болела за Родину, был на улицах и на площадях Казани. Во главе тысяч людей - участников митинга, окруживших здание правительства, была творческая интеллигенция. Они - Роберт Батулла, Рашит Ахметзянов, Ахмет Рашитов и Вафира Гизатуллина неустанно скандировали «Азатлык - Свобода!»

На сессии Верховного Совета первое слово сказали депутаты-писатели. Горячие выступления Равиля Файзуллина, Рената Хариса, Разиля Валеева, Фаузии Байрамовой и Роберта Миннуллина были объединены одной мыслью: Татарстан должен быть суверенным государством. Слово дали и мне, хотя я не являлся народным депутатом.

Коль речь зашла об этом, надо оценить способность Минтимера Шаймиева пропорционально сплести противоречивые выступления. Он с таким исключительным мастерством чередовал у микрофона поборников свободы Фандаса Сафиуллина, Рузала Юсупова, Азата Зиятдинова, Дамира Сиразиева, Марата Мулюкова, что голоса оппонентов заглушались, пропадали. Может статься, что этот достойный всяческой похвалы дипломатический труд был замечен не всеми.

В Казани был праздник - торжествовал весь Татарстан, но на другой день на заре я вылетел в Москву, где на чрезвычайной сессии Верховного Совета России в повестку дня протащили «вопрос о Татарстане». Склоняли республику по-всякому.

Если не ошибаюсь, первым начал Николай Медведев, депутат-мордвин, избранный от Саранска.

- Надо сейчас же вызвать сюда руководителей республики Шаймиева и Сабирова, - кто-то внес предложение.

- А что станете делать, если не приедут? - крикнули из зала. - Они ведь теперь независимые...

- Если не приедут, заставим, - отреагировал другой депутат, тоже наш сосед, - представитель Чувашии Валерий Шуйков.

Я вскочил с места и подошел к микрофону:

- Уважаемые депутаты, остановитесь. Я только сегодня приехал из Казани. Там спокойно, праздничное настроение. Когда объявляли суверенитет России, я голосовал в его защиту. Радовался вместе с вами, стоя аплодировал. Пусть отсохнет язык у тех, кто кричит: «Русских гонят, хотят резню устроить русским» Сегодня в Татарстане, слава Аллаху, спокойно. Так будет и в дальнейшем.

- Вы слышали, что он говорит? - к микрофону подскочил Виктор Скрыпник. Он из Татарстана, из Набережных Челнов. Избирался, кстати, от моего района, Мамадышского. - Это тот самый Мухамадиев, один из тех, кто вчера на сессии Верховного Совета Татарстана горячо выступал в защиту сепаратизма. Он один из тайных идеологов национального движения. У нас же он - руководитель комитета и член Президиума

Верховного Совета. Я вношу предложение сегодня же освободить его от всех этих обязанностей.

«Эх, Виктор, - подумал я. - Если бы вы это сделали, я бы приехал в Казань с гордо поднятой головой. Там ведь тоже меня донимали: «Ты - депутат России. Что же ты там сидишь, приезжай в Казань». Все бы было хорошо, если бы по-вашему. Так ведь нет...»

Коль скоро зашла речь о Скрыпнике, не могу не обратить внимание на одну деталь. Жена у него татарка, растят двух девочек, одна красивее другой. И вот этот человек готов лопнуть от злости при одном упоминании слов «Татарстан», «татарин».

Я не понимаю, почему происходит так. Сами татары, на ком бы ни женились, за кого бы ни выходили замуж, к супругу относятся с уважением. А вот мужа или жену не могут заставить уважать свой народ. Почему это так?

В Казани говорят: «Мы суверенные. А Россия - чужое нам государство». Некоторые газеты даже пишут: «Иностранная Российская Федерация». А в Москве становится привычкой делать из татар образ врага. Я оказался между двух огней. Не могу остаться в стороне от казанских событий и в Москве вынужден бывать постоянно.

Это было, кажется, в начале августа. Состоялось закрытое заседание президиумов Верховного Совета и Совета Министров, открыл его Руслан Хасбулатов. А главное слово сказал Бурбулис. Он потребовал введения чрезвычайного положения в Чечне и Татарстане и имел много сторонников. Один за другим повскакивали с мест те, кто готов был разнести в клочья «сепаратистов».

Странно, но стоило мне поднять руку, как Хасбулатов тут же дал слово. Конечно, я выступил против. Кажется, даже предупредил: «Применение силы против национальных республик станет безобразной, позорной страницей в российской истории». Выступившая сразу после меня якутка Зоя Корнилова в очередной раз подтвердила, что она — настоящий джигит. Поставленный на этом совещании вопрос она назвала «черной авантюрой». К нам присоединились представитель Коми Николай Ген, москвич Сергей Ковалев и еще несколько человек. В результате Рамазан Абдулатипов и Сергей Шахрай, считавшиеся главными специалистами по запутыванию национального вопроса, немного насторожились. Вопрос «О введении чрезвычайного положения» не прошел. Это было нашей первой крупной победой. Таким образом были предотвращены ввод танков и последовавшее бы за ним кровопролитие.

А в Казани сделали вид, что не знают об этом. Там проходил митинг за митингом. Сразу же после чрезвычайного заседания Президиума я в очередной раз приехал в родную столицу. Вышел на площадь Свободы. Напротив здания концертного зала консерватории национальное движение, то есть Байрамова, Мулюков, Зайнуллин, проводят митинг. В Москве многие считают меня единомышленником и чуть ли не идеологом этих людей. Хотя это далеко не так. Я никогда и никому не навязывал свое мнение, никогда никого не подстрекал и, естественно, не мог быть их идеологом. Что касается этой компании, то я просто никогда не воспринимал ее всерьез.

Не успел я появиться на площади, как слово предоставили Заки Зайнуллину. В свое время я взял его первые произведения для литературного журнала «Казан утлары» и отредактировал их.

Он заметил меня издали и счел нужным «поприветствовать» по-своему. «Нация во всякое время имела своих угодников, своих подхалимов перед Москвой. Вот разве не таков депутат России Ринат Мухамадиев? Что ему в Москве?!» И пошло, поехало. После первых же его слов у меня в горле будто застрял горький ком. А Заки говорит, Заки продолжает. Площадь его слушает, площадь ему рукоплещет. Площадь кричит: «Позор!.. Позор!..» Кто-то тычет в мою сторону пальцем. Другие, здороваясь за руку, советуют быть терпеливым. Но и в их голосах сомнение. А я уже никого не вижу, не узнаю. Все мои силы направлены на то, чтобы не показать, как мне больно, не дать волю застилающим глаза слезам...

Тем временем вся площадь стала скандировать: «Азатлык!.. Свобода!..» Я тоже хотел присоединиться, но пропал голос. А тут еще меня окружила группа пожилых татарок.

Перебивая друг друга, они стали кричать: «Бессовестный! Продаешь свою нацию. Писатель называется!» А одна из них даже плюнула мне в лицо.

Но отвечать тем же нельзя. «Дорогие мои, - пытаюсь хоть как-то успокоить их. - Я ведь и там, в Москве, остаюсь татарским писателем, поборником нашей самостоятельности. Если добьемся настоящего суверенитета, я приеду. Там мне делать нечего».

Нет, не хотят слушать. Не хотят слышать.

- Что ты там оставил, в чужой стране?

- Но ведь Россия - не чужая страна. Давайте потерпим немного, - пытаюсь объяснить в очередной раз. - Независимость Татарстана объявлена в Казани. Но ведь Москва-то ее пока не признала. Не признало мировое общественное мнение. Не собираются признавать даже наши соседи, родственные народы. Борьба за независимость должна продолжаться парламентским путем, и главным образом в Москве...

- Эх ты, бессовестный... Подхалим российский, - махнула рукой одна.

- Пусть падает на тебя проклятье нации, - вторила другая, норовя плюнуть в лицо.

Я закрыл глаза и успел отвернуться. Третья, четвертая стали колотить меня по спине. Совсем взбесились. Сделай я неосторожное движение, тут же начнут звать на помощь и кричать «караул». Ничем не ответишь, ведь тетеньки-то нашенькие. Повязанные белыми шальями... Мне не оставалось ничего другого, как отойти в сторону.

Было, конечно, тяжело. Но что же делать, другого выхода нет, я был бессилен и одинок. А вся площадь требует «свободы», «азатлык»! Может быть, они, эти тетеньки, думают, что российские депутаты во имя этой свободы должны бросить свои дела в Москве и приехать сюда? Может, искренне верят в это? Эх, дай-то Бог, чтобы было так.

Между тем «национальные тетеньки» подошли к известной личности в такой же белой шали и стали пересмеиваться самодовольно...

В конце июля начинаются летние парламентские каникулы. Для отдыха предлагают много мест. Можно поехать на Кавказ, можно - в Крым. Для членов Президиума Верховного Совета предлагаются и более интересные варианты.

Но знали бы вы, до чего мне надоели эта политика и политики, эти «демократы». Не видеть бы их хотя бы дней пятнадцать-двадцать. Я не стал долго раздумывать, взял да махнул в ялтинский Дом творчества писателей. Мне ведь не до отдыха, надо закончить роман «Мост над адом». А в то время в домах творчества еще можно было и поработать, и отдохнуть.

Когда подошел день отъезда, ко мне зашел оргсекретарь Президиума Верховного Совета Сергей Александрович Филатов.

У нас с ним были дружеские отношения. Посидели, посудачили с внепротокольной теплотой. Он удивился, что я отказался от путевки в номера «люкс» государственных санаториев, советовал подумать.

Раскрыв деловую папку, принялся аккуратно записывать полученные от меня ответы.

- Значит, решили ехать в Ялту?

- Да, в Ялту.

- Где там остановитесь?

- В Доме творчества писателей, в 26-й комнате.

- Вы там будете еще в середине августа?

- Да, собираюсь быть там.

- Нет ли вероятности, что уедете куда-нибудь в гости на денек-другой?

- Вполне вероятно.

- Куда? Мне очень важно знать об этом заранее.

- Не могу сказать, Сергей Александрович. Есть мысль съездить в Бахчисарай.

Никогда не был в Севастополе...

- Ринат Сафиевич, мне поручено заранее доложить, где будут находиться члены Президиума.

- Кем поручено?

- Ельциным и Бурбулисом.

- Для чего я им могу понадобиться?

- Не ты один. Вот смотри, такие сведения мы уже собрали от всех членов Президиума.

- Как вы думаете, кому это понадобится?

- Ты же знаешь, Ринат Сафиевич, - сказал Филатов по-свойски. - В середине августа предполагается подписать союзный договор. Кто знает, может возникнуть любая ситуация. Если будет необходимость, придется собраться в тот же день, в тот же час.

- Понял, - сказал я. - Если Татарстану дадите «союзную», я и без вызова приеду.

Мы тепло пожали друг другу руки. Попрощались.

- Смотри, след не потеряй, - загадочно улыбнулся Филатов и, уходя, по-свойски подмигнул.

...Я в Ялте. Творю... Работы по горло. Дни стоят погожие, солнечные. Днем Дом творчества пустеет. Все, в том числе и моя семья, отправляются на берег моря. Устав работать, туда же иду и я, чтобы разок-другой окунуться в воду.

10 августа 1991 года. Часа в два бреду с пляжа на обед. Идущий навстречу писатель сообщает мне: «Тебя ищут...»

Перед нашим корпусом меня ожидала «Волга» с синей лампочкой на крыше.

Лейтенант вручил мне большой сургучный пакет. Расписался, взял. А он тут же уехал.

Что удивительно, в этом конверте, ставшем причиной такой большой суматохи, ничего нового не было. Туда был вложен проект союзного договора, имелась еще одна бумага, в которой указано: «После 15 августа просьба никуда не уезжать и остаться по тому же адресу».

13 августа письмо такого же содержания привезли вторично. А 17 августа еще раз.

Особого внимания я на это не обратил. Будет с них... Переливают из пустого в порожнее. Отпуск уже кончается, а я еще не сделал ни шагу из Ялты. А ведь было намерение побывать в Севастополе, съездить в Бахчисарай. Там меня ждет героический сын крымскотатарского народа Мустафа Джамилев.

19 августа. На заре тронулись в путь. Азербайджанец Гундуз, работавший в ялтинской газете, решил прокатить нас на своей машине. Путь наш не короткий. Первым делом направились в Севастополь. Никогда такого не было - возле каждого столба останавливают и проверяют документы. Много работников ГАИ и военных. Когда проезжали мимо Фороса, даже велели выйти из машины и обыскали.

- Вы не имеете права, я народный депутат, член Президиума Верховного Совета России, - распетушился было я, но тщетно. Пришлось показать документ.

- Видите, - сказал я. - Удостоверение за номером 16. Подписано самим Ельциным!

- Интересно! Очень интересно, - шмыгнул носом майор и с моим удостоверением в руке направился к стоящему поблизости вагончику.

- Пойдемте со мной, - позвал он меня за собой.

Протянул мое удостоверение сидящему за столом полковнику.

- Товарищ полковник, обратите внимание, член Президиума, - многозначительно сказал майор.

Полковник стал интересоваться, как я оказался здесь, где остановился и куда направляюсь.

Ответил все как есть. И заодно выразил недовольство тем, что меня так долго задерживают.

Меня выручило то, что в машине находилась моя семья. Полковник вернул мои документы и посоветовал:

- Эту книжку спрячьте подальше, товарищ Мухамадиев. Думаю, что она вам больше никогда не пригодится. Желаю вам счастливого пути.

- Что вы сказали? Повторите, не понял, - сказал я, не веря своим ушам.

- Я пожелал вам доброго пути. Можете продолжать его, - отрезал полковник. Было похоже, что он не шутит.

Я ничего не понял. Мои вопросы остались без ответа.

- Здесь отдыхает Горбачев, наверное, поэтому, — успокоил меня мой спутник Гундуз.

Севастополь осмотрели основательно. Доехали до Бахчисарая. По дороге нас больше не останавливали. Бахчисарай, с его караван-сараями, историческими памятниками, заставил забыть обо всем. День был теплый, солнечный.

Часа в два дня приехали в дом Мустафы Джамилева. Он встретил нас приветливо, стол был накрыт в тени фруктовых деревьев. Мило беседуем, но мне все кажется, что Мустафа-эфенди не в духе, что его что-то гложет.

Я не выдержал и, улучив момент, счел нужным спросить:

- Что с вами, Мустафа-эфенди, вы сидите словно у вас зубы болят.

- А что, разве у вас настроение хорошее? - спросил он в ответ.

- Я очень счастлив, Мустафа-эфенди. Хотя бы потому, что вы на свободе. Потому, что вот приехал в Бахчисарай. Потому, что имею возможность беседовать с вами с глазу на глаз. Мы с вами два татарина с разными судьбами.

- А события в Москве? - глубоко вздохнул он. - Они вас не беспокоят?

- Какие события? - спросил я поспешно. У меня вырвалось таившееся в груди напряженное ожидание грядущей беды. - Что там случилось?

- Там объявили ГКЧП. Вы что, ничего не знали, не слышали?

- Клянусь хлебом, не слышал, не знал.

У меня екнуло сердце. Вот, оказывается, что означали настойчивые расспросы Филатова. Засургученные письма через каждые два дня... Сегодняшние проверки... Странные слова того полковника... Значит, все было заранее предусмотрено, запланировано...

Когда закончилась наша встреча, мы самым коротким путем, через горы, поспешили в Ялту. В тот же вечер я вылетел в Москву. Я никак не надеялся, что смогу попасть в осажденное здание Верховного Совета. А на деле оказалось, что все обстоит совсем иначе. В машине, встретившей меня в аэропорту, без всяких остановок меня доставили, что называется, до самой моей комнаты. А вообще в городе были и суматоха, и танки, но в действительности оказалось, что улицы Москвы, по сути, стали тогда театральной сценой. А та суматоха, те танки нужны были лишь как декорации. Везде витал бугафорский дух. Мне сейчас больше нечего сказать об этом представлении и его главных персонажах. А мы, народные депутаты, понадобились только для «массовки».

«А тебе-то что надо было там делать?» - частенько спрашивают меня.

Жизнь дается только раз. Разве можно так бессмысленно играть ею? Прошел уже не один год с тех пор. Но как только возникает разговор о московских событиях сентября-октября 1993-го, как мне опять и опять приходится слышать то же сожаление, все те же упреки. Находились даже такие, что кидались на меня как разъяренные быки: «Кого ты там защищал, русских шовинистов?!» «Татарстан - суверенное государство. Ты там защищал чужестранный парламент. Неужели тебе, татарскому писателю, больше нечего было делать?!» - укоряли меня.

Один пожилой собрат по перу, услышав о том, что я живой-здоровый приехал в Казань, говорят, даже выразил сожаление: «Жаль, что сбежал, не подох там, было бы уроком для всей нации».

Для меня не удивительными, а естественными были и вопросы, и упреки, и даже угрозы. Всегда ведь находятся и советчики, и поучающие. Если бы московские события сентября-октября закончились по-другому, я уверен, те же люди жали бы мне руки, поздравляли бы. У двери моей толпились бы друзья. Это, наверное, в природе человека. Подобно тому как любовь и ненависть всегда бывают рядом, частенько соседствуя, уживаются правда и ошибки, радость и горе, поздравления и упреки.

Я не ставлю целью дать далеко идущие обобщения. По возможности постараюсь избежать и политических оценок и суждений. Вообще, наверное, пока невозможно делать какие-то поспешные, однозначные выводы о событиях последних лет. Но все же та борьба за власть, которая происходила в Москве в 1990-1993 годах в самых высших политических

кругах, вся та суматоха проходили в целом перед моими глазами. Я был единственным татарским писателем, активно или пассивно участвовавшим в тех событиях. Вот почему я не могу умолчать о них. Потому что знаю: сколько бы мы ни твердили о своей суверенности, московские события имели прямое отношение к судьбе татарского народа.

...Дома зазвенел телефон. Из Москвы звонил секретарь Президиума Виталий Сыроватко:

- Ринат, слышал? - начал он. - Надо срочно приехать в Москву. Если сумеешь, позвони и остальным депутатам, избранным от Татарстана.

Хотя многие советовали не ехать, у меня не было двух мнений относительно поездки.

- Понял, - сказал я.

Мы с Виталием Григорьевичем хорошо знаем друг друга. Он не ждал от меня другого ответа.

Но прежде, чем положить трубку, он счел нужным добавить:

- Я тебе одному говорю, положение крайне напряженное...

Ездить по маршруту Москва - Казань стало в то время для меня делом привычным. Дипломат мой всегда готов. А вот в тот день, если учесть, что время было уже позднее, доехать до Москвы не было никакой возможности. Самое лучшее - это лететь утренним шестичасовым рейсом.

Работавший тогда министром здравоохранения Рамил Хабриев обещал в пять утра заехать за мной на своей машине. Я успел переговорить с одним из высоких руководителей Татарстана и получить его «добро». Позвонил своему московскому шоферу и попросил его встретить меня в аэропорту. Оказалось, что на борту утреннего самолета нас, депутатов, набралось восемь человек. Ни один не одобряет Бориса Ельцина, который собирается силой разогнать Верховный Совет и Съезд народных депутатов России. Вообще в те дни мне не пришлось встретить ни одного человека, который бы одобрил действия Президента. Даже те, кто тогда открыто считали себя его сторонниками, были в растерянности. «Поторопился, не надо было доводить дело до этого», - рассуждали они. В аэропорту Домодедово нас никто не встретил. Куда ни глянь - везде суетящиеся депутаты. Из Самары, Уфы, Перми и многих других городов. Земляки, которые прилетели вместе со мной, просили: «Ты здесь постоянно работающий депутат, член Президиума, найди же какой-нибудь выход».

Тут только я стал соображать, что ситуация довольно серьезная, Ельцин взялся за нее не на шутку.

В день, когда начались августовские события 1991 года, я, как уже рассказал, был в Ялте. В Симферопольский аэропорт была послана тогда телефонограмма с указанием не брать на борт депутатов. Но я и депутат Починок, который, кстати, работает сейчас в руководящих кругах, прилетели тогда в Москву по билетам, купленным в городской кассе. Несмотря на то, что в городе был комендантский час и все дороги перекрыли, во Внукове меня встретил один из постоянных шоферов - Сергей Ионов. И хотя на каждом перекрестке поперек дороги стояли танки, он доставил меня до здания Верховного Совета, проскальзывая по узким улочкам и дворам. По правде говоря, оказалось, что тогдашние действия ГКЧП были просто детской игрой. То было всего лишь заранее запланированное представление, рассчитанное на раздел СССР. А депутаты, толпы народа и в особенности журналисты сыграли отведенные им роли статистов. По сути дела, не было никого, кто бы собирался прибрать к рукам власть и стремился осуществить режим чрезвычайного положения. Молодежь, столпившаяся у Белого дома на углу Калининского проспекта, галдела и пыталась спровоцировать, втянуть в конфликт солдат, спокойно сидящих на танках и БТР.

И в этот раз меня встретил все тот же шофер, что и в августе 1991 года.

- Конечно, встречу, - сказал он накануне по телефону. - Вы же знаете, не родился еще тот сотрудник ГАИ, который бы смог задержать меня.

На деле оказалось, что, как только был прочитан указ Президента, все организации, обеспечивающие работу Верховного Совета, в том числе и транспортное предприятие, тоже оказались взятыми под контроль военными.

Кто-то ловит такси, кто-то торгуется с шофером. Чтобы доехать до города, не хватит и месячного заработка. И тут, скрипнув тормозами, рядом остановились «Жигули». Неожиданно открылась дверь и из машины выскочил водитель. «Ну, - подумал я, - сейчас отругает меня на чем свет стоит». Я поднял голову, глянь - передо мной стоял не кто иной, как все тот же Ионов. Рот у него до ушей.

«Кажется, заставил подождать немного!» - говорит он.

Смеется. А между делом ругает политических деятелей, которые и сами не живут спокойно, и другим покоя не дают. Я и поныне восхищаюсь добросовестностью и обязательностью этого простого московского парня. Утром он пришел на работу - не пустили, сказали, что, мол, народных депутатов уже нет, а шоферам дается выходной. Но Сергей нашел выход. Сел на свою старенькую машину и приехал, будто встречал близкого родственника, друга.

Московские улицы, все подступы к зданию российского парламента напоминали августовские дни 1991 года. Толпа, обступившая Белый дом, была занята строительством баррикад из кусков железа, дерева и камня. Если подумать, до чего же наивны люди: кого могли задержать эти баррикады?! В то же время нельзя без уважения отнестись к ним, неделями не покидавшим свое место у здания Верховного Совета ни днем, ни ночью. Это были пусть и наивные, но благородные, самоотверженные люди...

В самом здании Верховного Совета царил та же атмосфера, что и два года назад. Можно было подумать, что попал в улей. Кого там только нет?! В поисках сенсаций целыми роями снуют журналисты. Несут на себе камеры, фотоаппараты, микрофоны, стрелялки... То и дело попадаются дипломаты разных рангов. Лидеры политических партий, военные, деятели литературы и искусства. И кто-то еще, коих я никогда не видел, не встречал, не знал... Каждый куда-то спешит, суетится, говорит, машет руками, жалуется, ругает Ельцина и его окружение.

Захожу в кабинет, чтобы раздеться. Весь аппарат, обеспечивающий работу постоянной комиссии, на месте. А депутаты кто уже здесь, кто еще в пути.

Мне вручили целую охапку документов. Вечером было заседание Президиума. В 12 часов ночи открылась внеочередная сессия Верховного Совета. Там на основе статьи 121 действующей Конституции было принято решение, в котором говорилось, что полномочия Президента Ельцина приостанавливаются и управление страной поручается вице-президенту Александру Руцкому.

Руководимый Валерием Зорькиным Конституционный суд тоже обвинил Ельцина в совершении государственного преступления.

Я думаю, что вы поймете состояние человека, прошедшего ночь без сна, рано утром прилетевшего в Москву. А тут события, которые трудно понять уставшим мозгом. Я положил документы на стол и пошел в кабинет своего непосредственного начальника Рамазана Абдулатипова. У двери толпой стояли люди, но я прошел без очереди.

- Вот так обернулись события, Ринат, - встретил он меня. То ли в результате бессонной ночи, то ли от сомнений и испуга он был не похож на себя и бледен.

Я кивнул, давая понять, что согласен с ним.

- Мы только что с самолета. Рамазан. Я пока ничего не понимаю.

- Твое счастье, что не понимаешь, - как-то равнодушно промолвил он.

Я почувствовал, что у него на уме другое. Он хотел идти куда-нибудь? Может, кого-то ждал?

Я было раскрыл рот, чтобы заговорить, но он приставил палец к губам, советуя не спешить, а потом кивнул в сторону выстроившихся телефонных аппаратов: «Здесь нельзя говорить, подслушивают...»

Впрочем, я и без него знал, что это так. «Уши» имеются в каждом кабинете. Мне довелось разговаривать со специалистами этого дела. Оказывается, когда это нужно, они записывают, о чем ты шепчешься в постели со своей женой...

Рамазан положил правую руку на мое плечо и пригласил в комнату отдыха. Сели друг против друга. Он приготовил кофе, налил в маленькие рюмочки терпкий дагестанский коньяк. Мы промочили горло, выпили в память тех дней, что работали вместе.

Тост произнес Абдулатипов. А я спросил:

- А почему ты говоришь «поработали вместе», разве впредь не будем работать?

Он увернулся от прямого ответа. А я прикинулся дурачком и не показал виду, что все вижу и все понимаю.

Пересказать другим мужской разговор - не бог весть какое мужество. И все же меня, надеюсь, не осудят, если я вспомню два-три вопроса, что я задал тогда Абдулатипову.

- Рамазан, мы с тобой оба знаем, что происходящее в стране - не что иное, как где-то (!) давно и тщательно запланированное событие. Так что нам не следует играть в прятки, не так ли?!

Он кивнул в знак согласия. Но не решился высказаться вслух. Промолвил только:

- Ты прав, «процесс пошел», и мы с тобой не сможем ни остановить его, ни изменить...

Я перебираю в памяти давно возникшие и ни с кем до того не разделенные мысли:

Представление, происшедшее в 1991 году, понадобилось для того, чтобы развалить такую державу, как СССР, именуемый еще и «империей». А на этот раз какова она, эта цель?

Разогнать Верховный Совет... Парламент...

А дальше?

Увидим...

Я знал, что Абдулатипов за последний год заметно сблизился с Шахраем. А ведь раньше они ненавидели друг друга... Много было случаев, когда бранили, унижали один другого на людях. Как человек, поддерживающий дружественные отношения с ними обоими, я иногда оказывался в очень затруднительном положении. Теперь времена другие. Подружились. И старательно пытались скрыть от других свою дружбу.

Я осмелился и задал прямой вопрос:

А Шахрай что думает?

Рамазан не ждал этого. Он даже не захотел обезопасить себя словами: «Откуда мне знать?». Потому что мы с Шахраем старые знакомые, а они подружились на моих глазах.

Активно не одобряет, сказал он многозначительным полупшепотом.

Значит, одобряет, но свое одобрение скрывает. В каждом промахе, сделанном Президентом России, по национальному вопросу была доля вины этого очень рьяного политика. Таков результат моих четырехлетних наблюдений за ним.

Что же в таком случае остается делать нам, уважаемый друг Рамазан?

Активно противостоять. Защищать парламент.

Мы немного отошли от серьезного разговора, но хотя сидели по-дружески, искренности нам не хватало. В большой политике нет и не может быть веры. В ней нельзя полностью довериться кому бы то ни было. За свои слова, за свои шаги каждый ответственен только сам. На первый взгляд кажется, что ты ходишь среди добрых знакомых, среди друзей. И, глядь, ты уже один-одинешенек, как в темном лесу. А тебя окружают волки, шакалы и хитрые лисицы.

- Не означает ли наше активное сопротивление, что мы боремся против нашего общего друга Шахрая?

Нет, не означает.

Ответ был хоть и таинственный, но категоричный. И, как оказалось, он был и искренний. Настоящий смысл этих слов я понял много дней спустя, после того как была поставлена кровавая точка в октябрьских событиях.

Нашу дружескую беседу прервало сообщение по внутреннему радиоприемнику. Всех находящихся в здании депутатов приглашали в большой зал.

Зал сессий. За четыре года, что я работал в парламенте, мне пришлось стать свидетелем множества событий. Мне довелось пожимать руку и вести беседу с Горбачевым, Ельциным, Хасбулатовым, Руцким и с десятками других политиков самого различного масштаба. Помню, как зал этот рукоплескал мне, когда сессия приняла закон о языках народов России, проект которого был подготовлен руководимой мною группой. Сколько раз я сгонялся с трибуны Хасбулатовым, когда выступал в защиту прав наций на самоопределение. Не раз, когда вставал в защиту суверенитета Татарстана, я переживал трудные минуты, встречая холодные взгляды из зала. Работавший тогда Председателем Президиума Верховного Совета Татарстана Фарит Мухаметшин тоже хорошо знает, как в этом зале образовалось настоящее половодье ненависти, когда обсуждался вопрос о независимости Татарстана. Сколько раз он проявлял здесь недюжинное мужество, не сломался, оставаясь в полном одиночестве.

Это тот самый зал, где пробил последний час КПСС. Зал, лишивший Горбачева власти. Запомнилось, как Ельцин пожимал здесь руку Михаилу Сергеевичу и при этом, глядя ему в лицо, насмешливо-горделиво засмеялся как победитель. В этом зале были утверждены Беловежские решения и окончательно положен конец СССР. В том зале я часами разговаривал с Волкогоновым, по-дружески общался с когда-то недостижимыми космонавтами Андрияном Николаевым и Виталием Севастьяновым. Здесь Ельцин обнимался с Хасбулатовым, возносил до небес Руцкого. Здесь Шумейко, сидя рядом со мной, писал заявление о приеме его в члены нашей комиссии. Сергей Филатов раздавал нам здесь затребованные нами документы, каждый день подходил к нам и, склонив голову, пожимал мне руку. Здесь бушевали эмоции и принимались вызывающие бурю страстей документы. Здесь у многих вырастали крылья, люди поднимались, крепили, а многие с треском проваливались. И мне тоже предлагалось немало высоких кресел. Спасибо депутатам, что не избрали меня однажды вместо Хасбулатова. Отказаться же от многих предложений помог Аллах и мое терпение. Вот таким был для меня этот зал.

Сейчас в нем начался чрезвычайный X съезд народных депутатов. И, наверное, впервые в истории цивилизованного мира в конце XX века собравшийся в самом центре Москвы съезд народных депутатов проходил при пламени свечей. Очевидно поэтому, все принятые на нем законы так и остались на бумаге, несмотря на то, что принимались на основе действующей Конституции Российской Федерации. Впрочем, эти бумаги тоже оказались недолговечными - сгорели и пущены по ветру.

Российское радио и телевидение, все газеты, стоящие близко к правительственным кругам, в сентябрьско-октябрьские дни вещали и писали сплошную ложь, показывая белое черным и черное белым. Как человеку, близкому к журналистам, мне было очень тяжело видеть все это. А в те дни не было недостатка во лжи и фальсификациях.

Сейчас, спустя четыре года, я пришел к мысли, что СССР развалили не политики, а журналисты. Политики одни бы не справились с этим. Москву тогда заполнили корреспонденты иностранных агентств. Им были предоставлены неограниченные права и свободы. А наши люди тонули в потоках лжи, принимая их за свободу слова и печати. В действительности, получившие свободу журналисты, с одной стороны, собирали нужную им информацию, а с другой - создавали соответствующую общественно-политическую атмосферу. У меня не вызывает никакого сомнения: многие из них служили иностранным разведкам. А те, открыто предлагая работникам прессы деньги и технику, нанимали к себе на службу наших нищих журналистов. Через представителей информационных агентств спецслужбы забирали к себе на работу даже политиков, генералов и некоторых депутатов, падких на «зелененькие».

Уже в дни проведения первого съезда народных депутатов России кадрами руководил не ЦК КПСС, не оставшийся в роли стороннего пассивного наблюдателя КГБ, а разведчики, принявшие обличье журналистов. К каждому депутату, способному как-то повлиять на ход событий, были приставлены два-три «журналиста» или сотрудника посольства. Вот кто умеет работать!.. Можно преклоняться перед их преданностью своему делу и профессиональным талантом. Я с чувством уважения вспоминаю некоторых крутившихся вокруг меня талантливых и приветливых ребят, хотя уже тогда знал, кто они

такие. Интеллектуалы с яркой внешностью, с трезвым и быстрым умом, эти парни, кем бы они ни были, оставили о себе хорошую память.

А российские журналисты писали о московских событиях сплошную ложь. Грязную ложь. Некоторым из них даже руку после этого не подам - до того они омерзительны. Потому что в отличие от тех симпатичных парней эти служили не интересам своего народа, своей Родины. Наоборот, они встали на путь лжи и клеветы, торговали своей совестью.

Возьмем для примера председателя телерадиокомпании Олега Попцова. Я знаю его с начала восьмидесятых годов, когда он еще работал секретарем Союза писателей России и секретарем партийной организации. Был тогда безмерно «красным». А теперь он безмерно «демократ». 23 сентября в 10 часов утра Попцов присел в зале рядом со мной. На двух местах сидели втроем: Хабриев, он и я. Вертя головой, Попцов наблюдал за набитым депутатами залом. Я помню, как он шептал мне:

- Смотри, как много собралось!..

Посидев час-другой, ушел, сославшись на то, что ему надо передавать информацию. Он все видел воочию. Видел, что в зале сидят не менее 700-800 депутатов. Через полчаса после его ухода начался перерыв. Российский канал передавал информацию: «Группа прежних депутатов, - а их число, судя по информации из надежных источников, не более 125-135 человек, - собралась в здании Верховного Совета и делает вид, что открывает съезд...»

На другой день мы опять встретились с обладателем «надежной информации». Я спокойно спросил его:

- Почему вы говорите эту ложь, Олег? Он вздрогнул, в глазах появился испуг.

- У нас работа такая, - сказал он, не найдя других слов.

Правильный ответ. Конечно, у них работа такая. Если говорить по-другому, можно лишиться места, машины и других жизненных благ. Да, журналист не свободен, по-настоящему не свободен в нашем обществе. И не много таких, кто даже в экстремальных условиях остается свободным и борется. Но они имеются. Были такие и у Белого дома.

Несмотря на откровенную ложь телевидения, радио и газет, съезд открылся. Несмотря на то, что не доходили телеграммы, адресованные депутатам, что им чинили препятствия на местах, а в некоторых областях даже арестовывали, чтобы они не смогли выехать в Москву. Несмотря на все это, кворум для открытия съезда был. Что касается нас, татарстанских депутатов, нам препятствий с выездом не чинили. И вообще у нас в Татарстане не было такого, чтобы местные власти косо смотрели на избранных отсюда депутатов. Зато были случаи, когда избранных народа просто не замечали. Впрочем, они имеются и поныне.

Я не ставлю себе целью рассказывать подробно об этом съезде, который собрался в чрезвычайных условиях, принятых на нем документах, о прозвучавших на нем горячих выступлениях. Об этом писалось и говорилось много. В Москве уже успели выпустить об этом книги.

Я делюсь здесь только своими личными впечатлениями. Потому что впечатления эти и наблюдения интересны даже для меня самого. Нелегкое дело - дать оценку тогдашним московским событиям. А те, кто сегодня пытаются обнаружить собственное мнение или суждение, - хотят они этого или не хотят - комментируют их с точки зрения своих политических взглядов. Очень трудно быть объективным. Впрочем, с этой точки зрения мое положение немного легче.

Я - татарский писатель. Нас нельзя обвинить в том, что мы - «красно-коричневые». Мы можем оказаться лишь жертвами какой-либо организованной силы, если таковая у нас имеется. Говорили, что в парламентском доме собрались «русские шовинисты». Возможно, были и такие. Но разве можно обвинить в великодержавном шовинизме, скажем, дочь якутского народа, профессора-экономиста Зою Корнилову; чувашина, космонавта Андрияна Николаева; прославленного работника сельского хозяйства из республики Мари Эл Геннадия Петухова; ногайца, религиозного деятеля Мурата Заригишеева; знаменитого врача, представителя малочисленного народа чукча Майи

Эттырынтыну; единственного народного писателя эвенов (не путать с эвенками), пишущего на родном языке, Андрея Кривошапкина и десятки других - тех, кто до последнего часа защищал здание Верховного Совета?!

А еще писали: «Коммунисты держатся за свои ускользающие из рук привилегии». Это, наверное, тот случай, когда говорят: «На воре шапка горит». Народные избранники, работавшие в ответственных партийных органах, давно управляют «демократическим» государством. В первый же год они разбежались, найдя себе «теплые» местечки.

На депутатов, осмелившихся забыть свои личные интересы, защищать дух парламентаризма, навесили невесть какие ярлыки.

Действительно, мне-то, мне-то что надо было делать среди депутатов «шовинистов-коммунистов»?!

Я никогда не желал и не желаю сейчас возвращения атмосферы и порядков, царивших в стране до 1985 года. А ведь, что скрывать, была заражена такой целью некоторая часть депутатов, которые днем и ночью громко выступали в Белом доме и на площади перед этим зданием.

Я не могу встать в один ряд с тем, кто носится с портретом Сталина. Сколько натерпелись от этого тирана и татарский народ, и татарская литература, и татарский язык! У нас больше нет сил, пришествие «второго Сталина» мы не переживем. Было много таких, кто остался без работы и хлеба. Многие из них вышли в те дни на улицы Москвы. А я, слава Аллаху, не был тогда ни безработным, ни голодным. Раз так, что же объединяет меня с этими людьми?! Что я там оставил, среди упрямых российских депутатов? Как говорили мне мои казанские «советчики»: что потерял ты, татарский писатель, там, среди парламентариев иностранного государства?

Я не смог уйти. У меня и в мыслях не было покинуть коллег. Если бы бросил, то с этого дня подверг бы себя жесточайшему наказанию - не смог бы взять в руки перо.

- И чего же ты добился? - спросите вы.

Ничего не добился. Может быть, потерял. Но душа у меня спокойна. Никто никогда не скажет: «Среди депутатов, предавших парламент, был татарский писатель».

Из 600 тысяч избирателей моего округа ни один не сказал: «Мы тебя отзовем, брось Москву. Теперь нет нужды в татарстанских депутатах». Насколько я знаю, депутата избирают не для того, чтобы он ел черную икру в кремлевском буфете. Он должен уметь забыть свои личные интересы, достойно перенести трудности.

Мне передали, что 22-23 сентября заместитель руководителя аппарата Президента Сергей Красавченко несколько раз звонил и спрашивал меня. Это московский интеллигент, хорошо знающий мир литературы и искусства. Только недавно он ушел из парламента. Я потянулся было к телефонному аппарату, но оказалось, что «Кремлевская АТС-1 отключена. Перестала «дышать» и АТС-2. А связь ВЧ была отключена еще раньше. «Сами просят позвонить, и сами же отключают связь», - подумал я и решил не связываться по городской линии, не мучиться, уговаривая секретарей... В этот день связаться с Сергеем Николаевичем так и не удалось.

Но меня все равно разыскали. Приглашали первым заместителем министра в одно из важных министерств.

- Я подумую, - сказал я.

- Мы ждем от вас ответа в течение суток, - сказал выходящий на связь. Это был бывший депутат. Сейчас он занимает важный пост во властных структурах.

Такое предложение, конечно, было сделано не только мне. Выходили на многих членов Верховного Совета. И многие не устояли перед заманчивым предложением и ушли. Разумеется, это делалось не потому, что мы незаменимые кадры, а с целью развалить изнутри Верховным Совет. Среди депутатов даже распространили анкету с вопросом: «Где бы вы желали работать?» Желание заполнивших такую анкету, как правило, удовлетворялось. В некоторые министерства за один день были назначены по четыре-пять заместителей.

Кто и кем был обманут, кто кого обманул - сказать трудно. И все же тех, кто ушел из Верховного Совета, позарившись на высокие должности, можно было пересчитать по пальцам.

Еще через день принесли телеграмму, содержащую требование к татарстанским депутатам выехать в Казань. Но то была неофициальная телеграмма, и я даже не помню сейчас, кто ее отправил.

23 сентября в Москве пролилась кровь. И источники ложной информации (нельзя оценить по-другому работу телевидения, радио и центральных газет) пытались представить это провокацией со стороны Верховного Совета.

Примерно в 9 часов вечера здание штаба вооруженных сил стран СНГ было обстреляно из автоматов группой неизвестных. Был убит капитан милиции и тяжело ранен один милиционер. И, что странно, погибла женщина-пенсионерка, которая наблюдала за происходящим из окна своей квартиры, расположенной в доме напротив здания штаба. Причем ее поразила не случайная пуля, а прицельный выстрел!..

Как раз тогда проходил митинг перед Белым домом. К этому времени радио и телевидение еще не получили информации. Между тем кто-то из участников митинга уже кричал по громкоговорителю: «Здание штаба объединенных вооруженных сил стран СНГ захвачено офицерами, защищающими Верховный Совет. Это наша победа!»

И слышались крики «ура!».

Тем временем в толпу был брошен еще один призыв:

- Давайте, братцы, все вместе поспешим на помощь захватившим штаб.

Раздались голоса:

- Давайте... На борьбу... Ура!..

Но тут же со стороны здания Верховного Совета один за другим появились два генерала: А. М. Макашов и М. Г. Титов. Им удалось выступить и удержать спешивших. А призывы действительно были провокацией.

Может быть, помните, какой шум тогда был поднят на каналах радио и телевидения? Назвали инцидент не иначе как организованным Верховным Советом мятежом, обвинили Союз офицеров, объединяющий военных пенсионеров. Даже руководителя этого Союза Терехова взяли под стражу, когда он больной лежал у себя дома. Пытались обвинить также уличного лидера Анпилова и генерала Макашова. Была даже информация, что эти трое были арестованы на месте преступления. Словом, постарались показать депутатов Верховного Совета причастными к трагедии у штаба.

Серьезная оценка этому преступлению не дана до сих пор. Раз арестованы причастные к нему лица, известны руководители, казалось бы, нетрудно осудить их... Ан нет. Между тем оборвалась жизнь двух человек. Но никто не ищет истинных виновников.

После этого события генерал Кобец пришел в Совет Министров с предложением: «Надо ответить атакой на атаку. Надо без промедления штурмовать Верховный Совет».

Эх, генерал, генерал... Ты же сам был нашим коллегой - депутатом. Острослов, весельчак, приветливый человек. При встречах сиял от радости, готов был обнять собеседника. Не хочется верить, что именно от тебя первого исходило предложение об обстреле Белого дома (так писала «Комсомольская правда»). Помнится, как в дни работы первого съезда народных депутатов мы вдвоем шли от гостиницы «Россия» до Большого Кремлевского дворца. У меня в памяти твои тогдашние слова. Может быть, ты тогда просто хотел «прощупать» меня?

Еще через день попал под машину и погиб офицер ГАИ, который был занят тем, что перекрывал движение на Садовом кольце.

Представьте, еще до приезда машины Скорой помощи место было уже окружено журналистами. Когда они успели? Как? Один Аллах знает. Журналисты даже не обращали внимания на объяснения свидетеля случившегося, сотрудника ГАИ. Телевидение, радио и газеты и тут нашли способ приписать происшествие тем группам, что защищали Белый дом. Они призывали Ельцина не тянуть, проявить большую решительность. Когда-то считавший себя писателем Юрий Черниченко призывал «раздавить, как

тараканов», находящихся в Белом доме. И такие призывы по многочисленным теле- и радиоканалам в течение суток распространялись на всю Россию, на весь мир.

А народ наш доверчив. Он принимает на веру 70-80 процентов из того, что передается по телевидению или пишется в газетах.

У меня остался в памяти один эпизод, случившийся в городе Бугульма. Я встречался с группой молодых избирателей. Разговор шел на русском языке. Засыпали вопросами один злее другого. Я отвечал, особенно не задумываясь. Тут один из собеседников спросил меня в упор:

- Вот вы писатель, скажите прямо: вы за Черниченко или за Распутина?

- Черниченко слушать слушал, а читать не приходилось. А Распутин - один из любимых писателей, - начал я.

Парень прервал меня:

- Нет, вы скажите прямо: кто из них вам ближе как личность?

- Валентин Распутин.

- Пошли, ребята. Нам не о чем говорить с этим депутатом, - сказал парень и, встав, поглубже нахлобучил шапку. За ним последовали если не ползала, но точно человек семь-восемь.

Я немного растерялся.

- Скажите, - говорю, - как ваша фамилия? - Хотел узнать, какой он национальности. Может быть, это протест, связанный с каким-нибудь национальным движением?

- Для чего вам моя фамилия?

- Вы русский?

- Из деревни. Настоящий русский.

- А Распутина почему не любите? Он ведь такой же, как вы, из русской глубинки и пишет о трагедии русской деревни.

- Он - консерватор, - промямлил парень. - Как бы сказать... Ну, одним словом, фашист. Красно-коричневый...

- Откуда вы знаете? Вы читали его произведения? Есть в них идеология фашизма?

- Я читаю только «Литературную газету». Там правду пишут, - сказал парень и демонстративно вышел из зала.

Поучительный пример. Вот до какой степени влиятельна периодическая печать.

В здании парламента специальная связь была отрезана в первый же день, а на другой день была прервана междугородная и международная.

Умеют работать наши связисты! Из Верховного Совета позвонить невозможно, а нам звонят. Эта односторонняя связь работала почти сутки. Пробивались мои друзья из разных регионов.

Как-то под вечер разговариваем с одним знакомым о том, о сем. Естественно, казанец интересуется московскими новостями. Я говорю спокойно, объясняю...

- Ты слышишь, прислушайся-ка, кто-то переводит наш разговор, - выразил удивление мой собеседник.

Мы обомлели. А в трубке чужой голос: «Ты слышишь, прислушайся-ка кто-то переводит наш разговор...»

С ума сойти! Подслушивание телефонных разговоров в демократическом обществе считается преступлением, за него предусмотрено надлежащее наказание. Однако у нас, будь то в СССР, будь то в сегодняшней стране, широко распространено подслушивание чужих бесед. Депутат ты или преступник, рядовой гражданин или Президент - знай, твой телефонный разговор подслушивается.

Ничего удивительного в том, что подслушивают Белый дом, нет. Естественно, что имеются и переводчики. Но как разговор с ходу переводится на русский язык и как перевод этот слышат обе стороны, было для меня ошеломляющей новостью. Переводчик до того увлекся или оказался до такой степени беспечным, что наполовину перевел даже нашу обращенную к нему ругань...

А через день телефоны замолчали по обе стороны. Потом в здании, в котором находились отрезанные от всего мира народные депутаты, отключили свет, прекратилась подача тепла, воды, перестала работать канализация. Прекратилась доставка продовольствия. Как известно, даже в фашистских лагерях узники не были лишены некоторых из этих «удобств». Вот тебе и демократия, вот тебе и «права человека».

Все же в некоторых кабинетах еще работали радиоприемники. По ним мы слышали ложь. В кабинетах Хасбулатова и Руцкого установлены радиотелефоны. Вести из внешнего мира поступали в основном оттуда.

23 сентября в 53 субъектах Российской Федерации состоялись сессии Советов народных депутатов или заседания малых Советов. В основном все они потребовали от Президента незамедлительно отказаться от действий, направленных против парламента. Края и области Сибири в категорической форме потребовали снять блокаду здания Верховного Совета. Губернатор Новосибирской области Виталий Муха выступил с предложением о временном перенесении столицы в Новосибирск. Кемеровец Аман Тулеев, не покладая сил, искал пути справедливого разрешения конфликта, боролся. Десятки и сотни глав администраций, руководители, политики, воинские командиры выступили в защиту депутатов, стоящих на страже Конституции.

В те дни выступающие в защиту демократии и Конституции депутаты были в центре внимания. Из различных регионов России шли многочисленные телеграммы, письма с пожеланиями твердости и выражениями солидарности. Словно предвидя будущее, из близлежащих к Москве областей избиратели привезли своим депутатам теплую одежду, постельные принадлежности, различные консервы. Порой я с завистью смотрел на своих сослуживцев, постоянно ощущающих солидарность тех, кто их избрал.

От Татарстана я этого не ждал и поэтому не стал обижаться на кого бы то ни было. Но вот в один из дней поступила странная телеграмма: «На основе пожеланий трудовых коллективов и в целях безопасности депутатов просим В. Морокина, Р. Мухамадиева, Н. Неласова и Н. Репина вернуться в Казань. Комитет телевидения и радиовещания Татарстана».

Эта телеграмма вызвала много сомнений и вопросов. И до сих пор я не могу найти ответа на них. Почему она адресована только этим четырем депутатам? Почему не упомянули Наиля Махиянова, Хасана Хабибуллина, Вакифа Фахрутдинова и еще нескольких наших земляков? С чего это наши трудовые коллективы обратились именно к сотрудникам телевидения? Кто именно подписал телеграмму?

Конечно, есть люди, знающие ответы на эти вопросы. Но они молчат. Служба у них такая.

Естественно, не дремала и противоположная сторона. Вдруг один за другим стали пропадать командиры, заявившие о своей готовности защищать Верховный Совет. Одни были освобождены от должности, другие якобы покончили с собой. За то, что осмелились выступить в защиту Верховного Совета, в кабинеты брянского губернатора Юрия Лодкина и представителей областной администрации врываются вооруженные омоневцы, заставляют встать к стене и нацеливают автоматы. А губернатора Лодкина зверски избивают и выбрасывают на улицу.

Обстановка с каждым часом обостряется. На московских улицах - настоящее светопреставление. Здание парламента со всех сторон окружено милицией и омоневцами в пуленепробиваемых касках с металлическими щитами. Мало того, улицы и переулки перегорожены машинами-водовозами. Не то что человек — кошка не проскользнет. Эти машины с голубыми кабинами и желтыми баками были новенькие, только что с конвейера. Им нет счета. Приставлены одна к другой. Все с набранной водой. Потрудившись вдоволь, избивая стариков и старушек увесистыми резиновыми палками, омоневцы заходят в кабины и «подкрепляются».

Чтобы отрезать собравшихся от здания Верховного Совета, всего этого, наверное, хватило бы с лихвой. Ан нет! Натянули еще два ряда колючей проволоки. Вы крепко ошибаетесь, если думаете, что она похожа на ту, что окружала фашистские концлагеря. Я тоже раньше полагал: она должна напомнить те линии, что в детстве мы видели в

кинофильмах. Тут творилось такое, что не поддается описанию. Многослойная спираль радиусом в один метр. Колючки острые, словно иглы. При одном взгляде дрожь берет...

Но дело не только во внешнем виде проволоки. Эту штуку, называемую спиралью Бруно, на основе международных соглашений запрещено применять даже там, где идет война. Так же, как бактериологическое и химическое оружие. Я своими глазами видел, что она собой представляет. Какой-то разгоряченный парень, чудом пробившийся через плотную стену из омовских щитов и машин, решил проскочить на площадь Свободной России. Хотел с разбега перепрыгнуть спираль, но зацепился ногой и упал в самую середину колючей змеи. Вернее, спираль сама притянула его к себе, и железные ее зубья стали буквально резать его, как ножовки, извиваясь и кружась. Парень дернулся разок-другой и замер. Но железные кровавые петли, многократно обвившиеся вокруг его шеи, туловища, рук и ног, все сжимались, все душили его. Как будто он попал в кишасщее змеями логово. Люди с обеих сторон заохали. Милиционеры и те отпрянули в разные стороны. И тут же стали дубасить фотокорреспондентов и кинооператоров, сбежавшихся, чтобы запечатлеть трагедию. Отобрали у них технику и бросили наземь.

- Вот того, того не упустите, - крикнул полковник, спрятавшийся за спиной омовцев.

Расстояние небольшое. Нам изнутри видно лучше. Несколько ребят стянули с капота машины телеоператора, на которого указал полковник, и стали пинать его ногами. Бьют в голову и в пах... Зверствам нет конца. К ним подскочил полковник. Думалось, что он попытается их остановить. Нет! С ходу отобрал у лежащего спрятанную на животе кинокамеру и обеими руками ударил ее об асфальт.

- Но, но!.. - успел лишь проговорить окровавленный журналист. Бедняга, видно, хотел сказать: «Ладно, избили меня, но техника-то тут при чем?»

Оказалось, это был иностранный журналист. Говорили, со шведского телевидения.

Это лишь один эпизод из того сплошного зверства, которое торжествовало на улицах Москвы в течение десяти-пятнадцати суток.

А ведь были еще депутаты, оказавшиеся в семикратном окружении, москвичи, что собрались у здания парламента и стояли на ногах целые сутки, и патриоты, собравшиеся со всех концов России.

Тут уместно будет сказать, что оказавшихся в окружении людей в город выпускают. После тщательной проверки получаешь несколько увесистых ударов в спину и пинков под зад и иди на все четыре стороны. Но назад не пускают. Чинят преграды представителям Красного Креста, старавшимся пронести для оставшихся в окружении теплую одежду, медикаменты и продовольствие.

- Если хотят есть, пусть выходят, - отвечал им министр Ерин.

По всей вероятности, для него нет важнее заботы, чем набить желудок. Еще совсем недавно, когда его утверждали министром, он показался мне исполнительным, воспитанным человеком. Был в Афганистане. Голосовали за него, считая вдобавок, что он наш земляк. И вот тебе и на...

Кстати, о земляках. Тут ими хоть пруд пруди. Что ни «нэчэнник», тот татарстанский... Оставшийся в окружении Верховный Совет утвердил генерала Ачалова министром обороны. Это не знающий страха молодой смелый мужчина, завоевавший в армии большой авторитет. Не случайно, что он был избран народным депутатом.

У вас, наверное, еще в памяти прошедшие весной 1990 года выборы. Это первое и последнее демократическое волеизъявление народа. Тогда не принимались во внимание спущенные сверху списки, политическая активность народа была очень высока. Это я говорю потому, что сам немало времени провел в борьбе за голоса избирателей, исколесив республику вдоль и поперек.

Генерал Баранников, который до последнего времени был председателем Комитета государственной безопасности, тоже из Татарстана. Родился и вырос в русской деревне в Елабужском районе. Его вынудили уйти в отставку за несогласие с политикой Ельцина. 22 сентября Верховный Совет принял решение о том, чтобы вернуть его на прежнюю должность. Баранников был чрезвычайно спокойный, скромный и интеллигентный

человек

Пусть земля будет ему пухом, его уже нет. Вполне вероятно, что ему «помогли». Уж слишком много знал. Недаром говорят: «Много будешь знать, быстро состаришься».

Первый заместитель Хасбулатова Юрий Воронин тоже из Казани. Он находился в гуще политических события. Все вопросы в Российской Федерации, связанные с финансами и экономикой, решались при его непосредственном участии. Во всяком случае, он, начиная с 1991 года и до разгона Верховного Совета, вращался в высоких кругах.

Таким образом, Баранников, Воронин, Ачалов, Ерин - люди, которые были на виду в дни большой трагедии, все они были связаны с Казанью и Татарстаном. Если первые трое - сторонники парламента, то последний дал команду расстрелять этот парламент, избивать людей, вышедших на улицы, чтобы защищать Верховный Совет.

Все они - люди несчастливые. Потому что при Советах старательно поднимались по служебной лестнице. Наверное, всем понятно: для того, чтобы в сорок - сорок пять лет сделаться генералом, нужны недюжинные ум и энергия. И все же, если подумать, отложив в сторону симпатии и антипатии, ни один из них не совершил поступка, способного положительно повлиять на судьбу России, и этим войти в историю. Все они в той или степени повинны в пролитой крови во время сентябрьско-октябрьских событий, в гибели нескольких тысяч людей. Одному, может быть, не хватило решимости, другому - смелости, третьему - трезвого ума. А четвертый, быть может, вообще позабыл, что такое человечность...

Мы - поколение, родившееся и выросшее после войны. Мы росли, проникаясь верой наших родителей в то, что войны больше никогда не будет, не должно быть... Игра в войну была для нас, мальчишек, самой любимой. Мы росли, валяясь в снежных окопах и прижимая к груди вырезанный из доски автомат. Наши любимые фильмы были о войне. Когда наши шли в атаку с криком «Ура!», мы, сидящие в сельском клубе, вторили этим крикам, бросали в воздух шапки. Однажды, помню, один из нас до того увлекся, что ухитрился проткнуть головой белый кусок материи, служивший экраном.

Война для нас была лишь занятным зрелищем, игрой. И казалось, что так будет всегда...

И кто бы мог подумать, что в самом центре России новое поколение, игравшее в детстве в войну, превратит эту игру в реальность!.. И мне никогда не приходила в голову мысль о том, что я встану в центре этой «игры всерьез».

Белый дом в окружении. Стали получать пайки. В нем не что хочется, а то, что попадется. И оглядываемся по сторонам: досталось ли соседу, не остался ли он без пищи. В такое время обнаруживается во много крат возрастающее чувство товарищества. Оказывается, нехватка пищи не такая уж страшная вещь. В те дни я вообще не встретил ни одного человека, который бы заботился только о своем желудке и жаловался на нехватку еды. Люди осунулись, ремни затянули ту же, но сила духа никого не покинула.

Коль уж разговор зашел о еде, то было бы грешно не упомянуть еще об одном нашем земляке, Сергее Шашурине. Его я знал только понаслышке. Этот человек сделался среди депутатов легендой. Отыскав пути, про которые не знали даже москвичи, он доставил в Белый дом много продуктов. И делал это, рискуя головой. Используя молоковоз, привез нам дизельное топливо. А это уж было настоящим героизмом. Оказалось, что в помещении есть двигатель - наибольшая электростанция. Топливо, доставленное Шашуриным, помогло несколько дней поддерживать тепло, укрепило надежду в людях. Как не вспомнить добрым словом этого мужественного человека.

Все же что особенно подействовало на нас в дни осады? Не голод. И не то, что в кабинетах не было ни тепла, ни света, ни воды. Самое трудное - это остаться без связи, без информации. Впрочем, и это можно было бы терпеть... Если не ошибаюсь, самые значительные события начались утром 25 сентября. На крышах близлежащих домов установили усилители-громкоговорители. И окружившие Белый дом милиция, и омовцы, и колючая проволока - все это было ничто по сравнению с этим.

На находящихся в здании обрушился страшный шум. С утра до вечера и даже среди ночи передавали обещания Президента Ельцина тем, кто покинет парламент и выйдет из

Белого дома. Горы денег, квартира в центре Москвы, дома отдыха и санатории, пенсия и работа на самых высоких должностях... Машина... И многое другое...

Порой молча сидишь погруженный в свои мысли. Оказывается, все равно думается, если даже не хочешь. Думаешь о Казани, семье, вспоминаешь о родных, друзьях, Союзе писателей. Как они там?! Конечно волнуются. Мы ведь каждый день перезванивались, справлялись о делах, новостях, здоровье. А тут уже столько дней невозможно даже позвонить. Хорошо, если они там получают правдивую информацию о нас. Московскому телевидению и радио верить нельзя. Уже не раз и не два убеждались в их способности белое показывать черным.

Мысли уносят тебя словно в пропасть. Сидишь в кабинете, и тебя клонит ко сну. Уже который день, которые сутки не раздеваешься, не спишь по-человечески. Даже горячего чая не удается попить. Вдруг... словно гром раздаётся, здание вздрагивает. Невольно вскакиваешь с места. Снова и снова начинают передавать все те же бесконечные призывы и обещания. От этого шума не спрячешься, он до самых пят пронизывает тебя, словно мозги переворачивает...

Говорят по-русски... Но или нарочно, или случайно говорят с акцентом. Уговаривают, пугают народных депутатов с чужим для всего бывшего СССР акцентом, угрожают. В кинокартинах, которые мы смотрели в детстве, часто повторялись подобные сцены «психических атак» на оказавшихся в окружении партизан или советских солдат. «Рус, здавайся... Курить дам, шнапс дам...»

28 сентября перед зданием Московской мэрии появился серый БТР. Он колесил по площади, а оттуда все доносилось: «Сдавайтесь!.. Сдавайтесь, дам хлеб и воду...» Я нисколько не преувеличиваю, все так и было. Ничем не отличишь от повадок геббельсовских пропагандистов. Невольно усмехаешься про себя. Все же это действует на нервы...

После сильного потрясения лучше всего выйти на улицу и пройтись по прилегающей к Белому дому площади. Здесь днем и ночью не прекращается движение, как в улье. А ведь люди вот уже столько дней находятся в окружении колючей проволоки, полуголодные и замерзшие. Ведь уже конец сентября, по ночам прохладно. Нет постели, нет крыши над головой. И все же терпят...

Одинокó прогуливаюсь в окрестностях Белого дома. Наблюдаю... Кого только нет здесь. Есть молодые, есть пожилые, даже старики и старухи. Каждый занят чем-то своим. Там и сям горят костры: варят кашу, кипятят чай, греются. Есть и такие, что поют песни под гитару, поют злые частушки про политиков, управляющих (вернее, не умеющих управлять) страной. Встречаются группы беседующих о чем-то своем. Некоторые кого-то ругают, слушают какого-нибудь депутата. Здание парламента обклеено стенными газетами, хлесткими политическими лозунгами, фотографиями. Тут же рядом стоят их авторы. Стиснув кулаки, на чем свет стоит ругают Ельцина, Чубайса, Бурбулиса, Шахрая.

Чуть поодаль группу людей окружили московские журналисты. Тут же Александр Невзоров, ведущий по Ленинградскому телевидению программу «600 секунд». Запомнилось одно его высказывание: «Что вы тут толкаетесь,- зло сказал он московским операторам. - Чего снимаете, все равно ведь не покажете!..»

Рядом другая группа. Здесь люди окружили коммуниста Геннадия Зюганова. Он, как всегда, говорит спокойно, взвешенно. Мне запомнились его слова: «Вот и сравните демократию с коммунизмом».

Тут же призывает к борьбе уличный лидер Виктор Анпилов. Стуча сапогами, проходит генерал Макашов. А еще дальше люди взяли в кольцо Бабурина.

Самая большая группа, пожалуй, собралась вокруг Жириновского. Его многие недолюбливают, но слушать любят. Интересно, зажигательно говорит, шельма. И друзья, и враги слушают его, разинув рты. Может часами говорить, за его речами не угонишься. На любой вопрос отвечает остроумно, никогда не теряет.

В отношении каждого из этих политиков у меня имеется свое суждение. Со всеми мне доводилось встречаться и беседовать с глазу на глаз. Каждый в отдельности, когда остаешься с ним наедине, интересный человек. Все они - продукт своего времени,

лидеры, рожденные суматохой и нестабильностью. А стоит им увидеть людей, способных слушать их, в момент меняются, превращаются в игроков. Все они разные. Но в одном сходятся: в национальном вопросе не понимают нас и не могут понять. Они часами могут говорить о демократии и правах человека. Но вот когда заходит речь о предоставлении татарину или башкиру, чеченцу или калмыку каких-нибудь прав или самостоятельности, уподобляются железобетонному столбу. Это мое многократно проверенное впечатление.

У меня осталось в памяти наша беседа один на один с Жириновским.

- Ты ведь нас не любишь, - сказал я ему.- Не ты ли говорил, что сошлешь татар в Монголию?

- Это неправда, - он тут же прервал меня. - Не приписывайте мне слова вражеского радио и телевидения. Я хорошо знаю татар, люблю их. Они - настоящие россияне. Как только стану Президентом России, в тот же день выступлю по Центральному телевидению и выскажу свое отношение к ним на татарском языке.

- На татарском языке? - переспросил я.

- Да, на татарском, и если нужно, скажу это в самой Казани.

Самое интересное, что он сказал все это именно по-татарски. Акцент, правда, был.

«Неужто скажет?» - спросите вы. Нет, лучше не надо. Конечно, было бы интересно услышать несколько татарских слов из уст российского руководителя. Но лучше не нужно, это может закончиться плачевно. Один ведь уже приезжал в Казань и говорил: «Сколько захотите суверенитета, столько и берите». А как далеки его действия от его же слов. Он показал свое отношение к нациям, стремящимся к свободе. Я имею в виду зверства его посланцев в Чеченской республике.

...Я уже сыт по горло политической трескотней, поэтому быстрыми шагами старюсь уйти подальше, иду в уголок площади, к баррикадам, сложенным из железобетонных плит. Всего в ста-пятидесяти-двухстах метрах отсюда -гостиница «Мир» и американское посольство. Там милиция и БТРы. Естественно, много народа. А здесь два парня в военных бушлатах затачивают напильником копыя из арматуры... это показалось мне странным. В одном конце ОМОН, милиция, БТРы. А в другом собираются защищать Верховный Совет Российской Федерации, действующую Конституцию.

Немного поодаль группа юношей занята тем, что разливает какую-то жидкость по пол-литровым бутылкам. С десятков бутылок было уже готово.

- Что это? - спросил я, подойдя ближе. Единственная женщина среди них ответила:

- Атомная бомба!

Ответ показался им смешным, мне тоже. На противоположной стороне, на площади, отделяющей здание Верховного Совета от Москвы-реки, началось какое-то движение. На ту площадь пускают не всех. Показал депутатское удостоверение и прошел. И получилось так, что я случайно оказался свидетелем исторического события. Там происходило формирование полка, составленного из военных, пришедших сюда для защиты Верховного Совета и народных депутатов. Кто-то узнал меня (я ведь, плохой ли, хороший ли, являюсь членом Президиума Верховного Совета), взяв чуть ли не за руку, отвел в сторону к группе народных депутатов; рядом со мной оказался генерал Ачалов. Человека через три стоял Руцкой.

Тем временем раздалась команда:

- Полк, смирно!

Какой-то офицер в бушлате без погон строевым шагом приблизился к нам.

Руцкой принял парад. Потом, если мне не изменяет память, человек двести-триста военных прошли строевым маршем. Одеты они были не ахти как. Но чувствовалось, что это были профессиональные военные или мужчины, прошедшие военную службу. Все были серьезны и подтянуты.

- Это настоящие защитники Российской Федерации, - прошептал генерал Ачалов. И после некоторой паузы добавил: - Среди них есть и татары.

Ачалов похлопал меня по спине и приветливо улыбнулся. А потом счел нужным поделиться со мной еще одной новостью:

- Между прочим, - сказал он, - руководство Татарстана отказалось послать своих омовцев в Москву. Таких регионов не так уж много.

То была действительно приятная новость, потому что уже несколько дней я не получал никакой информации с родины. Даже в груди потеплело.

Впрочем, сказать, что с Татарстаном нет никакой связи, было бы не совсем правильно. Потому что среди тех, кто постоянно находился около здания Верховного Совета, была группа казанцев. Представились мне как посланцы блока трудящихся... Там не только русские, были и татары. Все среднего возраста - от тридцати до пятидесяти лет. Ребята с трезвым умом, здоровые. Поскольку никого из них я прежде не знал, то не решился откровенно общаться с ними. Удивительно, что после октябрьских событий я никого из них не встретил. А ведь мы договорились видеться друг с другом. Иногда приходит тяжелая мысль: спаси Аллах, неужто всех их уничтожили?.. Не знаю, вообще-то ребята казались несколько странными, может быть, с ними случилось что-то другое.

Вообще, собиравшиеся на площади перед зданием Верховного Совета, в том числе и те, у кого было право входа и выхода из здания, люди разные. Нельзя не ошибиться, полагая, что все они сотканы из одного материала. К примеру, те депутаты, что решили остаться в здании, разделяются на несколько групп. Скажем, внутри Белого дома, окруженного колючей проволокой, в один и тот же час могут проходить три-четыре совещания. И всеми ими руководят члены одного и того же Президиума одного и того же Верховного Совета.

В Кремле тоже находились бывшие члены Президиума Верховного Совета: Б. Ельцин, руководитель аппарата Президента С. Филатов, его первый заместитель С. Красавченко, В. Шумейко, С. Шахрай, Ю. Яров и перешедшие туда всего несколько дней назад С. Степашин, Н. Рябов и другие.

Вполне естественно, в воздухе кабинета Хасбулатова витал вопрос: «Что делать?» Вероятно, рядом с Русланом Имрановичем были Ю. Воронин, В. Агафонов, В. Сыроватко, В. Исаков и другие члены Президиума.

В штабе Руцкого - уже упомянутые три генерала: Ачалов, Баранников, Дунаев и депутаты-генералы: Макашов и Рафкат Загидуллоевич Чеботаревский. Рафкат всего на несколько месяцев старше меня. Татарин, родившийся и выросший в Челябинске. Командовал подводным флотом, контр-адмирал. В совершенстве знал родной язык и любил разговаривать по-татарски, несмотря на то, что всю жизнь провел вдали от Татарстана, бороздил моря и океаны. После ухода Степашина он стал в Верховном Совете председателем комитета по безопасности. Он был одним из самых заметных фигур среди защитников здания парламента. Позже мы вместе выходили из Белого дома с заломленными назад руками.

Прошли всего-то считанные дни. Меня догнала страшная весть, словно молния ударила среди ясного неба. Сказали, что сердце Рафката перестало биться в Югославии, куда он ездил в составе какой-то делегации. Привезли его в цинковом гробу и, даже не показав родственникам, предали земле... Не верю, убей меня, не верю... Не знаю, кому понадобилось убить сорокашестилетнего здоровяка-богатыря. Ему так хотелось приехать в Казань, которая всю жизнь притягивала его таинственной мечтой...

Так же загадочно (об этом я уже вскользь упоминал) вскоре ушел из жизни другой наш земляк, Виктор Баранников, родившийся и выросший в Елабужском районе. Это был пятидесятилетний здоровый мужчина. В этом случае тоже сослались на сердце. Баранников - честный русский человек, бывший министр внутренних дел и председатель Комитета государственной безопасности.

Исправников - руководитель высшего экономического совета. Работает в Верховном Совете, а мечтает попасть в высшие руководящие круги. И уходить не решается, и остаться боится. Группа умных депутатов, сплотившихся вокруг него, искала пути выхода из создавшейся ситуации без политической игры. Жалко, такой случай им не представился.

Переговоры, которые велись в кабинетах Руцкого и Хасбулатова, и даже деятельность В. Исправникова не были секретом для других. Но в то же время председатели обеих

палат Верховного Совета были заняты своей политикой. Р. Абдулатипов по одному прощупывал их, чтобы узнать настроение. Но стоило собраться небольшой группе, как он тут же умолкал. Сам на чем свет стоит ругал Ельцина, аппарат Президента обвинял в глупости. А в душе думы были совсем другие. Тайный ли был его умысел - в те дни я никак не мог понять.

А Председатель Совета Союза Вениамин Соколов, сплотив вокруг себя большие силы, готовился ставить вопрос об освобождении Хасбулатова от руководства. Его целью было не отступление от принципов, а коренное изменение руководства Верховного Совета. Было ли уместно в такое время ставить такой вопрос - дело другое, но в один прекрасный день он поставил-таки его.

Шла сессия. Обстановка крайне напряженная. Депутаты - полуголодные, небритые, неумытые. Все ждут, что не сегодня, так завтра начнется штурм здания Верховного Совета. А тут ставится все тот же неуместный вопрос о дележе власти: заменить Хасбулатова. Выступление В. Соколова было горячим и аргументированным. Нашлись такие, что тут же подхватили его предложение.

Слов нет, Хасбулатов - личность противоречивая. Я уже упомянул в свое время, что в мае 1990 года, на первом съезде, Б. Ельцин на пост своего первого заместителя выдвинул три кандидатуры, в том числе и мою. Спасибо депутатам - меня не избрали. И тогда всплыла кандидатура Руслана Хасбулатова. На одном из узких совещаний я, памятуя просьбу Асламбека Аслаханова (он тоже избран Чечено-Ингушской республикой, работал в Министерстве внутренних дел, генерал), выступил в защиту Хасбулатова. Два раза его прокатили. Он прошел лишь после третьей попытки. Потому что депутаты в большинстве своем русские. Если ставятся рядом Иван и Мухаммет, будь ты хоть самым пророком, тебя все равно вычеркнут, а Ивана оставят... Сам я с уважением отношусь к русскому народу, особенно велико мое уважение к русской литературе, среди русских у меня много друзей. В период работы в Верховном Совете я постоянно помогал деятелям русской литературы и искусства. Но вот многим русским братьям все же не хватает духа интернационализма.

Хасбулатов служил Ельцину. В развале Союза ССР, во многих других преступлениях большую роль сыграл именно Хасбулатов. И он помог Ельцину сделаться Президентом. В первые два года работы он служил Борису Николаевичу, готовый вылезть из сорочки. Он забыл про национальные республики, которые выступали в его защиту. Подобно индюку, кидающемуся на красное, первым бросался на произносившего словосочетания «национальная республика», «суверенитет республики».

Это случилось 9 декабря 1990 года, я очень хорошо помню, потому что вечером в одном из прекрасных уголков Москвы мы должны были отметить день моего рождения. Ельцин поздравил меня с трибуны съезда, вручив цветы. Пожал мне руку и тряс ее секунд пятнадцать-двадцать.

А вот друг мой Хасбулатов поздравил по-другому. Когда я с трибуны Большого Кремлевского дворца поставил вопрос о суверенитете Татарстана, он прерывал меня несколько раз, не давая говорить. Дошло до того, что отключил микрофон и согнал меня с трибуны. Все же по требованию съезда позднее мне была дана возможность закончить свое выступление.

Тот день был для меня историческим. Кто бы, что ни говорил, мне удалось во всеуслышание сказать, что татарский народ имеет право на независимость и на свою государственность. И это слышали не только сидящие в Большом Кремлевском дворце, но слышал и весь мир. Представилась такая возможность, и я высказался. И ничего... Не повесили и не расстреляли. Зато на другой день в Кремлевский дворец на мое имя пришло около ста поздравительных телеграмм со словами благодарности. От знакомых и незнакомых мне людей. Мне никогда не доводилось слышать столько искренних, добрых слов...

После этого дня и до разгона Верховного Совета мне приходилось много раз встречаться с Хасбулатовым с глазу на глаз. Я не держал в душе обиду на него.

- Ты знаешь, Ринат, - сказал он мне, когда мы сидели наедине в гостинице «Хилтон» в Стамбуле, - если бы я этого не сделал, меня бы ни одного дня не держали на этом посту.

- А потом, как бы оправдываясь, добавил: - Против Татарстана было предпринято много действий, и я всегда выступал за смягчение, за урегулирование взаимоотношений. И хотя порой говорил совсем противоположное, на деле старался не вредить вам.

Я знаю, Хасбулатов тоже относился ко мне с уважением. Кажется, то было зимой 1992 года. На совместном заседании Президиума Верховного Совета и Совета безопасности рассматривался вопрос о вводе воинских подразделений в Чечню. Перебивая друг друга, его участники говорили, что надо незамедлительно начать войну. Заодно кто-то, кажется Медведев (этот льстец был избран от Мордовской республики), попытался внести предложение навести порядок и в Татарстане, а Шаймиева с Мухаметшиным арестовать. Естественно, там, где раздаются подобные слова, я не могу молчать. Меня задели за живое, и я разгорячено говорил, доказывая, что национальный вопрос нельзя решать силовыми методами, что в корне неверно предложение о вводе войск в Чечню. А заодно сказал, что руководство Татарстана избрано народом, и потребовал от Медведева принести извинения за неуместные заявления.

С этого момента обмен мнениями принял другое направление. В мою поддержку выступило еще несколько, членов Президиума. После этого выступления в защиту чеченского народа я почувствовал, что отношение Хасбулатова ко мне в корне изменилось. Правда, открыто он не стал благодарить, но воспринимал меня уже по-другому.

Впрочем, все это к слову. Убрать Хасбулатова и избрать вместо него другого - то было, кажется, предложение, которое чаще всех остальных ставилось на голосование. Сначала его сделали коммунисты, потом русские национал-патриоты. А со второй половины 1992 года за него взялись радикал-демократы. И Хасбулатов, не задумываясь, ставил на тайное голосование этот вопрос, решающий его судьбу. За год-полтора процедура голосования проходила раз десять-пятнадцать.

И теперь, когда судьба самого парламента висела на волоске, не знаю, для чего понадобилось В. Соколову еще раз пытаться убрать Руслана Имрановича. Возможно, он надеялся, что удалось бы спасти Верховный Совет, если бы на место Хасбулатова избрали другого человека. Если так думал, то, конечно, ошибался.

Разве это было время, когда можно было заниматься кадровыми перестановками?! Парламент, который без того расколот на части, в этом случае вообще развалился бы сам собой, а при Хасбулатове как-то можно было еще сохранить такие понятия, как демократия и парламентаризм. Впрочем, и то относительно, потому что руководству страны надо было во что бы то ни стало уничтожить последнюю преграду на своем пути - Верховный Совет. В противном случае ему самому было бы несдобровать.

Народные массы на глазах нищают, все достояние страны, накопленное как государственное в течение семидесяти-восемидесяти лет, постепенно переключивается в руки руководителей-ловкачей и преступных групп. Думаете, граждане страны ничего не замечают? Каждый поодиночке это видит, но люди разрозненны. У них свои заботы, своя судьба. У некоторых, быть может, теплится еще надежда, но бедность заставляет человека замкнуться в себе. А поумневший за последнее время Верховный Совет стал разоблачать суть этих злоупотреблений и преступлений. Вот почему надо было распустить его.

26 октября в нашем здании распространились тревожные вести: в ночь на 29-е начнется штурм дома, в котором находятся депутаты. Желаящим было разрешено покинуть Белый дом. И вообще, за все время никого силой не удерживали. Говорили, что в кольце, семикратно окружавшем здание Верховного Совета, оставлен проход. Но движение одностороннее - только для выходящих. А в сторону Верховного Совета - даже муха не пролетит. Ждать помощи бесполезно...

Депутатов не сломали ни жизнь впроголодь, ни холодные стены. Среди нас было много пожилых людей и женщин. И хоть бы один сказал: с меня хватит, вы оставайтесь, а я выйду. Было много больных, когда собираемся, слышно, как простудно кашляют. В здании вообще нет постельных принадлежностей. Бесполезно и мечтать о горячем чае. Наши спальные места теперь - рабочие кабинеты. Наденешь на себя, что у тебя есть из одежды, и прикорнешь в каком-нибудь кресле или соорудишь себе «ложе» из стульев. У меня, правда, со стульями ничего не получалось. Стоит чуть повернуться, как словно

ребра отделяются друг от друга, и стулья со скрипом расходятся. Поэтому я предпочитал спать на полу, на ковре, хотя так было гораздо холоднее. Впрочем, «спать» не то слово - скорее, мучиться, пытаюсь вздремнуть.

В ночь на 27 сентября «демократические» журналисты разлетелись стаями, подобно буревестникам. Значит, действительно, час штурма приближается. Кто-кто, а журналисты знают. Потому что больше половины из них внедрены сюда спецслужбами с целью собрать нужную информацию. Если им нужно у кого-то получить сведения, то они суют ему под нос диктофон или кинокамеру. И обрушивают на интервьюируемого лавину вопросов. А лишённые политического опыта российские депутаты клюют на эту удочку. Они говорят о том, что знают и чего не знают. Любят покрасоваться на телеэкранах...

Военные и гражданские, пришедшие защищать Верховный Совет, в тот день были на улице за баррикадами. Чего-чего, а вот огнестрельного оружия у них не было. Тем не менее радио и телевидение распространяли про них невесть что. Якобы у них имеется несколько тысяч автоматов, много пулеметов и гранатометов. Мало того, передавали, что они владеют даже зенитными ракетами «Стингер» и еще Бог весть чем... Странно, что ни у кого не хватило фантазии сказать: депутаты были вооружены атомными бомбами. Какой получился бы эффект!

Я и сам был когда-то журналистом, среди людей этой профессии у меня много друзей. Но я даже не предполагал, что среди журналистов столько продажных душ, способных на такую гадкую ложь. Даже в советский период, когда процветала цензура, не было такого двуличия.

Около 11 часов ночи из Комитета государственной безопасности были получены уточненные данные: штурм начнется в 4 часа...

В ту ночь сон не шел на ум. Народные депутаты ходили взад и вперед по темным коридорам. У некоторых в руке свечи, а иные осваивают способ передвижения вслепую, держась за стены. Но, что удивительно, нет ни паники, ни суматохи.

Более ценные вещи и бумаги я спрятал в сейфе. И, взяв в руки свечу, тоже пустился в путешествие в сторону зала сессий.

В 3 часа 30 минут ночи, соблюдая процедурные правила, приняли решение о продолжении работы съезда. Таким образом, штурм - может, это последние часы нашей жизни - мы встречаем на рабочих местах. Тревожные и мистические минуты ожидания... При свете свеч на трибуну один за другим поднимаются знакомые депутаты. Анатолия Леонтьева, депутата от Чувашии, сменяет доктор экономических наук из республики Саха, женщина с мужественным сердцем - Зоя Корнилова. Потом берет слово спокойный, уравновешенный Валерий Хайрюзов, летчик, известный писатель. Продолжает Владимир Исаков. Говорят искренне... Нет радио, нет телевидения, даже, я думаю, протокола никто не вел. Позабыты думы о том, чтобы попасть в историю, о власти. Только жизнь... и страх смерти...

А душа все равно живет в тревожном ожидании. Если одно ухо слушает то, что говорят в зале, то другое настороженно прислушивается к улице.

Стрелка часов уткнулась в цифру 4, притягивая к себе стремительно движущиеся минуты и секунды. Что часам!.. Им терять нечего...

Вот наконец встретились часовая, минутная и секундная стрелки. Мне показалось, они на какое-то мгновение задумались и остановились, словно решая, надо ли им дальше продолжать отсчитывать время.

Сердце сжимается, затруднено дыхание. Уж на что говорливый народ - депутаты, и те замолчали. Хотя бы один из них встал и подошел к микрофону... Реже стал раздаваться в зале привычный кашель. Наверное, как бы ни храбрился человек, страх все равно закрадывается в его душу...

Из чего, интересно, начнут стрелять?! Из автоматов? Или, как и грозились, из пушек станут палить? А что, если первая бомба взорвется прямо в середине зала?!

Я окинул взглядом сидящих рядом. Каждый погружен в свои мысли. Тревожная тишина... Депутаты-генералы ждут штурма! Здесь есть доктора наук, писатели,

религиозные деятели, колхозники, хозяйственные руководители, космонавты... Мы все ждем штурма...

Подумать только, в какое положение поставлены они, народные депутаты, призванные до последнего часа стоять на страже интересов народа, как они унижены. Они голодны, изнурены. Никто из них не знает, что будет с ними через считанные минуты. Когда, где, в какой стране парламентарии были доведены до такой степени безысходности, униженности? Диву даешься, видя, как народ России терпит подобного рода преступление... Терпит... До каких же это пор будет продолжаться жизнь по диким законам джунглей?!

По всей вероятности, самый большой генерал, долженствующий дать команду на штурм, или какой-нибудь другой начальник просто напился и уснул. Видать, будили-будили его и, так и не добудившись, махнули рукой: пусть себе досыпает... И по этой причине штурм не начался...

Ночь прошла. Взошло солнце. Депутаты, проведшие ночь не сомкнув глаз, вышли на балконы здания Верховного Совета. Не знаю, по какой причине, но люди на площади встретили нас криками «ура!». Это что, была наша первая победа? Во всяком случае, я сужу по себе: за ночь мы будто повзрослели, обогатились жизненным опытом.

Вышел на площадь, прошелся немного, потом зашел в кабинет и сел за стол. Впрочем, до работы ли было... Телефоны безжизненны, радио отключено, газет и журналов нет. Да и не такое время, чтобы читать. Брать в руки перо тоже не хочется...

Пока сидел в такой нерешительности, раскрыв дверь настежь, в комнату вошел секретарь Президиума Верховного Совета В. Сыроватко. Еще с тех времен, когда он работал заместителем Председателя Совета Национальностей, мы с ним были в дружеских отношениях. А после поездки в составе официальной делегации Российской Федерации в Австралию, Сингапур и Объединенные Арабские Эмираты мы еще больше сблизились. Он в свое время работал первым секретарем Брянского обкома. Спокойный, уравновешенный, скромный, умеет разговаривать и работать с людьми.

- На этот раз я по делу, - сказал он с ходу и сел на предложенный стул.

- Что так сухо... Может, посидим, поговорим...

Он улыбнулся:

- Что толку сидеть... У тебя же холодильник не работает.

- А что, есть настроение, Виталий Григорьевич? - кивнув я в сторону ящика стола. Там, конечно, ничего не было. Знаю, что и нужды в этом нет. Но вот, хотим мы этого или не хотим, разговор между двумя мужчинами обязательно упирается в эту проклятую бутылку и обычно оттого оживает.

- Слушаю...

- Вы ведь в хороших отношениях со Степанковым, не так ли?

- Вы же знаете, мы вместе работали. Были соседями. А когда он стал Генеральным прокурором, обращаться к нему не приходилось.

В свое время мы трудились в соседних комиссиях Совета Национальностей. Кабинеты тоже были рядом. Работали мирно, помогая друг другу. Во всяком случае, было похоже, что Степанков не зазнается, сделавшись начальником.

- Пошли, вызывает Хасбулатов, - сказал Сыроватко.

По длинному коридору направились к кабинету Председателя Президиума Верховного Совета.

На улице светло, а тут темно, потому что по обе стороны выстроились кабинеты. Двери их закрыты, так что свету падать неоткуда.

Хасбулатов был не один. У него находились Михаил Захаров и Алексей Орлов. Опытные, уже в годах, члены Президиума.

— Преступники, свившие себе гнездо в Кремле, забеспокоились, - начал Хасбулатов. - Республики и области показали, что они сторонники Конституции... В армии многие колеблются. Мировое общественное мнение тоже меняется. На стороне Ельцина остались лживые журналисты и еще... Клинтон. Но время работает на нас. Если

продержимся еще несколько дней, вся мировая общественность будет на нашей стороне... Но... Сейчас не то время, чтобы сидеть сложа руки.

Оказалось, что на нас, трех членов Президиума, возлагается особое задание. Одна из его составляющих - встретиться лично с Генеральным прокурором...

Таким образом, 28 сентября после обеда мы, трое мужчин, пройдя через кольцо окружения, оказались по ту сторону. Это было нелегким делом. Во-первых, было очень трудно снести недвусмысленные взгляды оставшихся в окружении. Казалось, что они говорят нам: «Что, испугались? Пришел конец терпению, интеллигентности?» Всем ведь не расскажешь, куда мы и с какой целью идем. Во-вторых, было унижительно тяжело проходить через милицейскую чащобу, переносить обыски, обшаривания, проверки, оскорбления по каждому поводу.

А. Орлов, который долгие годы работал директором завода, не выдержал, попытался что-то им объяснить. И тут же получил сапогом под коленку.

Я просто не смог не вмешаться:

- Что вы делаете, ребята, он же пожилой человек! - И в ответ тут же получил по шее милицейской резиновой дубинкой. До чего же, оказывается, страшная это штука, до сих пор шея болит.

Решил по-своему уколоть проверяющий документы милицейский полковник:

- Тебе-то че надо, татарин?

Мы сами допустили ошибку, нам следовало молчать. Они нарочно провоцируют, ищут причину, чтобы арестовать нас, запереть где-нибудь. В течение десяти-пятнадцати минут сколько бы потом они ни старались унижить, мы молчали. И это нас спасло.

А вот самое трудное было, когда мы, пройдя через омовский кордон, оказались в гуще собравшихся на улице. Нас тут же окружили. Простые люди, бабушки и дедушки, журналисты закидали нас вопросами.

- Вы что, испугались?..

- Как там, много умерло с голоду?..

- Как вас выпустили?.. Это правда, что Руцкой приказал стрелять выходящим в спину?..

Кое-как избавились и от этих любопытствующих. Направились к станции метро «Баррикадная». Слов не хватит, чтобы обрисовать творящееся на улицах. Куда ни глянь — везде милиция и ОМОН. Укрывшись касками и щитами, они дубасят собравшихся на улице стариков, подростков резиновыми дубинками. А кто падает, того топчут ногами, не обращая внимания, что у некоторых разбиты головы. У храбрых парней из ОМОНа глаза налиты кровью, они словно с цепи сорвались. Откуда такая жестокость и зверство?! У меня много знакомых, друзей, работающих в милиции. Неужели и они станут избивать людей, если будет приказ сверху? Где корни этой разнузданности? В чем причина? Ведь не было такой жестокости несколько лет назад.

Полагаю, в последнее время в милиции образовалась прослойка людей, стоящих на, мягко говоря, невысокой ступеньке интеллектуального развития. И им за труд платят гораздо больше, чем другим. Многим из них деньги эти достаются легко. Это ведь не потом добытые деньги, не как у тех, кто валит лес, режет металл, выращивает хлеб. Что скрывать, они к тому же еще не в меру корыстны. Деньги требуют денег. Заработная плата — одно дело, ее платит государство. Вдобавок к этому в милиции достаточно и взяточничества. Ведь говорят, что сейчас каждое нарушение, каждое преступление имеет свою «таксу». Заплатил и иди на все четыре стороны. Мало этого, тебе могут приписать любое преступление, шантажировать и таким путем вымогать деньги.

Немало таких стражей порядка входят в контакт с открыто мафиозными группами и служат им...

Конечно, много в милиции и добросовестных людей. Пусть они простят меня. Вам ничего, кроме слов уважения и благодарности не скажешь, самоотверженные сотрудники, стоящие на страже безопасности людей!

Так в условиях царящей в стране анархии милиция стала своеобразной кастой. Бьют, конечно, бьют с удовольствием, потому что так зарабатывают деньги. За охрану

безопасности граждан не платят, платят за то, что охраняешь начальство. Платят за то, что бьешь простых людей. Если верить разговорам, старшим офицерам, участвовавшим в оцеплении здания Верховного Совета, в избииении людей на улицах Москвы, за каждый «рабочий» день платили от ста до двухсот долларов. А рядовым милиционерам за каждый час — около пяти долларов...

Меня как-то спросили, что же это такое - ОМОН. Я и сам толком не знаю его природу. Но ОМОН есть, и омовцев довольно много. Знаю также, что эти омовцы несравненно более жестокие, более безжалостные, нежели простые милиционеры. Один их вид вызывает страх. А в те октябрьские дни ну и натешились же они, избивая москвичей, вдосталь насладились...

Пришедшие к власти в стране лжедемократы многое разрушили, продали, присвоили, уничтожили. Но они и создали кое-что. Это прежде всего ОМОН. Они создали его для того, чтобы охранять свои награбленные у государства, у простых людей богатства. А много ли надо парням, которые после армии никак не могут устроиться на работу?! Лишь бы платили. Сила есть, а есть ли у тебя ум или знания - об этом не спрашивают. Такие становятся омовцами.

К Генеральному прокурору России Валентину Степанкову мы пошли втроем: Орлов, Захаров и я. В это грозное учреждение, расположенное в театральном центре Москвы, никто из нас, слава Аллаху, до сих пор не приходил. Но нашли мы его быстро. Какой-то неприметного вида мужчина, который «хвостом» следовал за нами от самого здания Верховного Совета, остался стоять на улице, а мы зашли в будку у ворот.

У поста нас встретили несколько вооруженных автоматами военных. Мы показали депутатские удостоверения. Что удивительно, нашему приходу никто не изумился, никто не спрашивал, зачем мы пришли. Приняли приветливо.

Степанкова на месте не оказалось. Сказали, что он на заседании Совета безопасности и будет не раньше чем через два часа.

- Зайдите к заместителю Евгению Кузьмичу, - посоветовала женщина-секретарь.
- Он на месте и сейчас же вас примет.

Мы переглянулись, обратив внимание на слова «сейчас же примет». И медленно направились к выходу.

- Что будем делать, Ринат? - обратился ко мне Захаров. - Ты лучше знаешь Степанкова. И еще неизвестно, что за люди его заместители?..

- Заходить к Лисову бесполезно, - сказал я, потому что мне было известно: он не человек Степанкова... - Подождем немного, может быть, сам подъедет.

Тем временем открылась другая дверь, и оттуда вышла девушка в мини-юбке. Смотри ж ты, мы там в окружении, а тут в мини-юбках щеголяют...

- Евгений Кузьмич вас ждет, - заторопилась она, забыв поздороваться.

- Нам еще надо немного посоветоваться. Мы зайдем позднее, просим прощения, - сказали мы и пошли по коридору. Оказывается, как много у Генерального прокурора заместителей. «Славгородский М. Д.», «Шаклеин Н. И.» - читаем мы на ходу таблички на дверях. Когда дошли до очередной двери, я чуть было не вскрикнул от удивления. Посветлели и лица моих спутников.

- Оказывается, наш Сабир Гаджиметович Кехлеров тоже здесь работает, - сказал Орлов.

О том, что он работает здесь, я знал. Потому что с лезгином Сабиром мы в течение двух лет были соседями в гостинице «Россия», часто чаевничали. Но мне не хотелось втягивать его в эту политическую неразбериху... Он прямодушный, открытый и гостеприимный человек.

К счастью, оказалось, что Сабир уехал на заседание какой-то коллегии.

- Может быть, нам не помешает пообедать по-человечески? - предложил Захаров.

- Действительно... Возможно, за это время и Степанков появится, - подхватили мы это предложение.

У меня потеплело внутри. Вспомнился уже почти забытый горячий суп. Его запах словно щекотал нос и отзывался в желудке...

Только было нашли дорогу в столовую, как появился сам Генеральный прокурор. У нас глаза на лоб полезли. И, естественно, мы позабыли о еде.

Похоже, что Степанков знал о нашем приходе... Но о том, с какой целью мы пришли, спрашивать не стал, пригласил в свой кабинет. Отнесся к нам уважительно, попросил подать кофе. И вообще, не стал прикидываться дурачком и играть с нами в прятки.

- Я знаю, с какими требованиями вы пришли, - сказал он прямо. И, как бы чувствуя неловкость, продолжил: - Но помочь не могу.

Мы переглянулись: «Вот тебе раз!» Трое мужчин с сединой в волосах, три члена Президиума Верховного Совета проделали этот путь ради того, чтобы услышать такой ответ?

Самый старший из нас, Михаил Захаров, отодвинул в сторону чашечку с кофе.

- Мы пришли сюда не для того, чтобы кофе распивать, - сказал он. - Вы - Генеральный прокурор. Человек, который должен стоять на страже Конституции и закона. Мы не просим и не умоляем, а требуем от имени Верховного Совета. Почему до сих пор не возбуждено уголовное дело в отношении лиц, нарушивших Конституцию?! Вас ведь избрал Верховный Совет. Вы должны подчиняться не Ельцину и Черномырдину, а Верховному Совету. Генеральный прокурор вы или нет?!

Михаил Львович говорил правильные вещи. О том, что он прав, знал и Степанков. Но мы находимся в стране, где живут не по законам. Поэтому у нас за их нарушение с работы не снимают. А вот если ты не можешь угодить большому начальству, не умеешь манипулировать законодательством, - ты пропал, укладывай чемоданы. Вот так-то...

- Поймите вы, пожалуйста, если я решу возбудить уголовное дело, на это никто не обратит внимания. Разве вы не видите, никто не считается даже с Конституционным судом, — с сердечной болью в голосе проговорил Валентин Степанков. - Вот я только что вернулся из Совета безопасности. А там требуют, чтобы я незамедлительно возбудил уголовное дело против руководства Верховного Совета и против вас. Требуют, стуча по столу...

- Ну так возбуждай в таком случае. Будь послушным. Войдешь в историю как Генеральный прокурор, который дал санкцию на арест своего парламента.

Было видно: Степанкову нелегко. Если он не станет делать то, что ему говорят, его здесь не будут держать ни одного часа. Но он человек, который еще не испорчен работой в партийном аппарате, представитель сравнительно нового поколения. Поэтому он пусть не наяву, а хотя бы во сне не раз мечтал о правовом государстве.

- Никакого ордера я подписывать не стану, - сказал он решительно. Это Степанков говорил не столько нам, сколько хотел сказать, что не выполнит и приказ Ельцина.

Всем было понятно, что разговорами, уговорами ничего не добьешься. Оставили официальные бумаги, что были в папке Орлова, и, попрощавшись, засобирались в обратный путь. Однако время было не такое, чтобы получать удовлетворение от хлопанья дверьми. И если настроение у нас, надо прямо сказать, преотвратительное, то у Генерального прокурора оно было, пожалуй, хуже нашего. Уж насколько спокойный, уравновешенный он человек, но и у него терпение лопнуло.

- Только, пожалуйста, войдите в мое положение, - сказал Степанков, пожимая нам руки Последним подошел ко мне. - Может, минут на пять останешься, - добавил он, перейдя на шепот.

Захаров и Орлов, конечно, это заметили.

- Может быть, минут пять подождете.

- Конечно ... конечно подождем, - сказали мои спутники.

Валентин Георгиевич почти за руку отвел меня в темный угол, где стоял сейф.

- Тут будет спокойнее, Ринат, - сказал он и включил на полную мощь программу лживого «Маяка». Если хочешь знать, мы все тут всего лишь пешки. И никто не обратит внимания на то, какой ход пешки делают. Течение событий не сможет изменить даже Ельцин. Он сам показался мне заложником. Значит, и ему так велено, так решено. В здании Верховного Совета прольется кровь. Это ты знай и прими меры предосторожности.

- Почему кровь? - вырвалось у меня, но я тут же умолк. - Без крови... без смерти разве нельзя?

- Помнишь, в 1991 году таким вот образом разыграли представление и разрушили СССР, КПСС. А в этот раз уничтожат Советы и парламентаризм. А ты сам понимаешь, такие дела без крови не делаются. Кровь - она пугает и заставляет подчиниться.

- Валентин, ты, почему это говоришь мне? По-видимому, наш разговор все равно подслушивают.

Степанков махнул рукой

- Чтобы работать на этом месте в такое время, надо совершать преступление за преступлением. А я за кресло не держусь. Что бы ни делал, я здесь не вечен.

- Знаю. Но все равно, лучше если здесь будет сидеть честный человек, пусть даже он не может принести пользу. Ладно, меня, наверное, ждут, пойду, - сказал я, показывая, что спешу.

Генеральный прокурор поднял палец, прося, чтобы я подождал. Он прошел в самый конец кабинета, вытащил из стола два листочка. Сложил их пополам. Не захотел показывать секретарю и, не найдя подходящего конверта, протянул листочки мне.

- Сам можешь прочитать. Только больше никому не показывай. Вручишь Сыроватко или кому другому, - сказал он.

Попрощались... И мы со спутниками поспешили обратно, чтобы выполнить очередное задание Верховного Совета.

Наступил вечер, стемнело. Мы побывали во всех местах, где было нам велено.

- Что дальше будем делать, ребята? - сказал Михаил Захаров, самый старший среди нас. - Может, пойдем по домам и поспим по-человечески?

- Это, наверное, будет некрасиво, когда наши там находятся в окружении. Надо все же вернуться назад...

Они лишь посмеялись надо мной. Мне и самому было известно, что это неосуществимая мечта. Умом понимаешь, сердцем не веришь. Как же можно народного депутата не пускать на его рабочее место?!

- Первым делом надо идти в Краснопресненский районный Совет и сообщить, где мы находимся, - сказал Алексей Орлов.

Договорились. Мы действительно должны были идти в Краснопресненский районный Совет, там проводят все дни депутаты, оставшиеся по эту сторону оцепления.

Едем в метро. На первый взгляд, москвичи живут обыденной жизнью: вокруг повседневная сутолока. У каждого свои заботы. А если взглянуть повнимательнее, то это отнюдь не так. В вагонах метро, на окнах - везде лозунги. То и дело встречаются надписи «Фашизм не пройдет», «Ельцин - палач!». Если разговаривают двое, то речь у них о митингах то в одном, то в другом конце Москвы, об избиениях людей. Если кто читает газету - его, прежде всего, интересуют вести с линии фронта, возникшего в самом центре столицы. На станциях метро люди, собравшись в группы, всю ругают Ельцина, Лужкова, Черномырдина. Еще минута, и их начинает разгонять вооруженная резиновыми дубинками и железными щитами милиция. Люди тут же расходятся, испаряются. Точь-в-точь как стаи мальков у берега: протягиваешь руку, чтобы поймать хоть одного, а они тут же исчезают. Не успевает милиция чуть отойти в сторону, как та же группа опять возникает, только становится больше, многочисленнее. Старушки расклеивают листовки, подростки распространяют отпечатанные в подпольных типографиях газеты. Поносят Ельцина, Бурбулиса, Чубайса и Шахрая. В ту же минуту из дальнего угла станции опять появляются милиционеры. Как в улье: весь город на ногах, весь город в движении, весь город копошится.

Станция метро «Краснопресненская». Поднимаемся наверх. Толпа народа, не уместаясь на площади, выплескивается на улицу. Оказалось, здесь идет митинг... Много знакомых лиц. Машину КамАЗ приспособили под импровизированную сцену и трибуну. И усилители довольно мощные. Не берусь судить, как работают москвичи, но вот говорить

научились. Куда ни глянь - оратор... На чем свет кроют руководителей, которые свели себе гнездо в Кремле. Их называют не иначе как «преступниками».

В Краснопресненском парке было полно милиционеров и омоновцев. Они понаехали на тридцати-сорока машинах и ждали только, когда разгорится митинг. Для наведения порядка? Я тоже по своей наивности так подумал...

Раздалась команда:

- Слезать с машин!

Мы не успели моргнуть, как они тремя-четырьмя шеренгами обложили митингующих с трех сторон. Люди даже не успели заметить, как все это произошло... Им что? Вот же на трибуне говорят один краше другого, читают нравоучения о «демократии» и «правах человека». А обыватель слушает, разинув рот, позабыв обо всем на свете...

Сидящий в крытой машине милицейский полковник громко приказал: «Окружить и теснить к станции метро». От одновременной поступи тысяч сапог площадь словно застонала. И омоновцы начали наступать на людей, напирать на них металлическими щитами. А того, кто не успел отступить, повернуть назад, тут же стали избивать резиновыми палками. Послышались женские крики, мужская ругань. Все пытаются протестовать, уговорить, устыдить. В ответ - удары. У многих изо рта и носа течет кровь. Если поднимешь руку, чтобы возразить, пиши пропало - тебя тут же ударят ребром металлического щита, растопчут и пойдут дальше... Они не задаются вопросом: пенсионер ли ты, ветеран ли отечественной войны, мать ли героиня. Давят... топчут... и идут дальше... Вот какой-то старик пришел со своим внуком. Все лицо у него в крови, кажется, и нога сломана, не может шагать. Хочет вскочить на ноги, но падает, опять вскакивает, опять падает. Но все равно внука не выпускает. Ребенок просит помощи, плачет, кричит:

- Убивают, дедулю убивают...

Мы стояли чуть в стороне. Видимо, посчитав за своих, «стражи порядка» нас не тронули. Я не выдержал, подбежал и поднял старика. Хочу вытащить их из этого ада, дед взялся за мое плечо и поскакал на одной ноге, все время повторяя:

- Внука, внучонка не оставляйте.

Вывести я его вывел, но сам успел получить еще несколько ударов по затылку. Бьют наотмашь. Бьют не для устрашения, а для того, чтобы угробить, искалечить; вручи им сейчас огнестрельное оружие - не задумаются застрелят...

Старика с внуком усадили в парке. Оказалось, они возвращались из детского сада. Но, увидев толпу, не удержались, решили посмотреть. Дед работал на ЗИЛе, вышел на пенсию. Запомнились его имя и отчество - Семен Денисович. Даже в гости пригласил к себе.

- Что же это такое, - удивленно уставился на нас Семен Денисович. - Народ-то за что избивают? Неужто они фашисты? Даже смотреть на них страшно.

Говорит, а сам ищет в карманах платок, чтобы остановить ручьем текущую из носа кровь. Не смог найти и тогда снял с шеи шарф и стал утираться им.

- Ребята, смотрите, что делают... - Захаров опять обратил наше внимание на происходящее на улице.

У меня не хватает сил, чтобы описать увиденное. Штук пять КамАЗов с разгона круто развернулись и, образовав одну шеренгу, дали задний ход. Спрыгнувшие с кузовов сотрудники милиции берут за руки и за ноги израненных и истоптанных стариков и старушек, раскачивают несколько раз и кидают в кузова машин. Не обращая внимания на крики и стоны, не интересуясь, как им там в кузове. Нагромождают людей одного на другого, словно поленья.

Когда мы были мальчишками, к нам в аул приезжали собачники. Они отстреливали животных и вот так же, взяв их за обе лапы, кидали в сани. Нагружали и уезжали. Жители аула, бледные, испуганные, застывали на месте, не смея сказать хоть слово...

За какие-нибудь пять-десять минут площадь была очищена полностью. КамАЗы, нещадно гудя, тут же скрылись из виду в неизвестном направлении. А мы так и остались стоять с открытыми ртами.

- Спасибо, сынок, - повернулся ко мне старик пенсионер, до которого уже дошло, что и он мог оказаться среди тех, брошенных в машины людей. Он не верил глазам своим.

- Вот что вытворяют, а ведь свои люди, русские... славяне...

«Дедушка, - захотелось сказать ему, - а ведь тебя спас от смерти татарин. Ты обратил на это внимание?»

Все кругом немного успокоилось, угомонилось. Только в дальнем углу площади у станции метро еще слышны крики и стоны. Омоновцы окружили людей с трех сторон, теснили их к дверям метро и били резиновыми палками. Толкуются люди, тычутся и никак не могут попасть в двери станции. В основном остались одни старики. А те, кто помоложе да пошустрее, давно уже разбежались. Они ведь дети своего времени. С малолетства росли среди матерной ругани, не веря красивым словам, не ведая, что такое душевность, человечность, сострадание. Воспитывались по законам джунглей: сильный побеждает слабого, если тот зазеваается - проглотит...

А старики и старушки, оказывается, везде одинаковы. Они и в Москве такие же наивные. Хотят словом подействовать на омоновцев, устыдить их.

Уже позднее мы услышали от человека, побывавшего в гуще этого содома, что здоровенные парни-омоновцы прямо зверствовали в помещении станции метро. Не только избивали, они отгесняли обезумевших людей к движущейся лестнице. Старики валились друг на друга, скатывались вниз головой по работающему эскалатору.

В тот вечер станцию «Краснопресненская» закрыли раньше времени. А потом всю ночь мыли ступеньки эскалатора. Но пятна крови были заметны еще и утром следующего дня.

Мы пошли искать здание Краснопресненского районного Совета. Орлов и я знаем Москву не ахти как, потому что постоянно там не живем. А что касается последних трех с половиной лет, то они прошли в основном в постоянной ходьбе между Кремлем, зданием Верховного Совета и гостиницей «Россия». Захаров же москвич, известный ученый-экономист. Но до этого вращался в высоких кругах, в Центральном Комитете и Совмине и не миловался с районными Советами.

Нашли. Оказалось, что Краснопресненский районный Совет располагается в пятистах метрах от Белого дома, на возвышенности у Москвы-реки. Это трехэтажный корпус из красного кирпича. Войдя в здание, мы с отвращением отвернулись. Перед нами стояли десять-пятнадцать все тех же омоновцев, вооруженных автоматами. Они расположились на лестницах на всех этажах. Но в отличие от тех, что на улицах давят людей, эти возрастом постарше и посolidнее сложением. Потом только стало известно, что это не омоновцы, а офицеры спецназа.

- Мы охраняем вашу безопасность и соблюдаем порядок, - сказали они. Немногословны. На депутатов смотрят исподлобья. Автоматы все время висят на плечах. При входе и выходе проверяют документы. Но не придираются, не грубят - и за это спасибо.

Поднялись на второй этаж. В зале заседаний - яблоку негде упасть, здесь депутаты и политики разного толка. И, конечно, стол президиума. В этой стране, видно, без него обойтись невозможно... И стол этот, конечно, не пустует. Сидящие за ним - хотя их никто и не избирал и не наделял полномочиями - разговаривают начальственно, подражая Хасбулатову.

- Как вы сюда попали? Мы думали, что вы среди тех, кто находится в Белом доме, - поднял голову, самый большой начальник, председательствующий за столом. Сам он, конечно, был народным депутатом. Но поскольку не являлся членом Верховного Совета, никто из нас троих не смог припомнить его фамилию. А у самого «руководящего» человека спрашивать как-то неудобно.

- Мы выходили в город, и вернуться обратно не удалось, - сказал кто-то из нас.

- Вот у двери сидят девушки, надо у них зарегистрироваться. Здесь - филиал съезда. Мы каждый день сообщаем в Белый дом сведения. Не могу сказать, что ходить на заседания обязательно... это дело совести каждого, - сказал он.

Мы получили важную информацию - значит, связь есть. Девушки, сидящие за столом у двери, нам знакомы, они из орготдела. Фамилии всех нас троих были уже внесены в список. Мы расписались. Кажется, я был сто шестидесятым депутатом, зарегистрированным на Красной Пресне. Тут же имелся другой список, куда заносились работники аппарата Верховного Совета. Оказалось, что здесь довольно много наблюдателей просто из любопытства или по специальному заданию. Много журналистов, в том числе иностранных. Кто-то, видно, успел сообщить, что мы только что из здания Верховного Совета. Они тут же взяли каждого в отдельности в плотное кольцо. Посыпались вопросы:

«Сколько в здании осталось депутатов? Что их силой удерживают? Есть ли чем питаться? Кем хотят заменить Хасбулатова? Правда ли, что депутатам раздали автоматы? Где разместили ракеты «стингер»? На крыше?»

Чуть позднее меня отвели в сторону и долго расспрашивали журналисты агентства Рейтер и Аргентинского телевидения. Мне запомнился один из их вопросов:

- Вы из Казани, выступали в защиту самостоятельности Татарстана. Совет вас не поддержал. Не должны ли были вы покинуть этот консервативный парламент?

Не помню точно, что я ответил. Но примерно следующее: «Я и сейчас сторонник независимости Татарстана. Но если в России не соблюдаются демократия и права человека, то это не может не повлиять на Татарстан...»

Потом оказалось, что Рейтер использовало это интервью. Поэт Равиль Бухараев, видевший его по телевидению, сообщил мне об этом позднее по телефону.

Спустя месяца три-четыре после октябрьских событий мне довелось поехать в Соединенные Штаты Америки. Мы сидели и пили чай в доме президента Ассоциации тюркских народов США Али Арслана. Чуть в сторонке работает телевизор, но никто на него не обращает внимания.

Вдруг Ахмет Али воскликнул:

- Смотри, Ринат, смотри, тебя показывают... И мы увидели полностью данное мной на Красной Пресне интервью. И что удивительно, ведущий говорил не в упрек мне, а в поддержку, осуждая царящий в России беспредел...

Краснопресненское окружение нам не понравилось. Здесь царила не искренность, а атмосфера игры. Мы решили уйти и направились к выходу. Навстречу нам попались окровавленные народные депутаты: Константинов, Уткин и кто-то еще. Оказалось, они были среди организаторов того митинга, случайными свидетелями которого мы стали. Тогда говорили, что нескольких депутатов зверски избили и увезли в зарешеченных машинах. Оказалось, это правда.

У двери я столкнулся с членом руководимой мной комиссии, народным депутатом из Иркутска Валерием Хайрюзовым. Он спешил куда-то с неприсущей ему деловитостью. Наскоро обменялись фразами. Он быстро отвел меня в сторону и таинственно шепнул на ухо:

- А я иду в Белый дом.

- Как это в Белый дом? Туда же невозможно пройти.

- Можно. Если на земле ставят охрану, то под землей ее нет, - гордо сказал он.

Оказывается, мужчины порой становятся настоящими детьми. Всегда медлительный, ничему не удивляющийся, Валерий был весь во власти тайны. Уже за пятьдесят человеку, а в душе остался ребенком.

- Так ведь подземные пути охраняет ОМОН, - сказал я шепотом.

- Есть дорога, про которую они не знают...

- В таком случае возьмите и меня. Мне тоже необходимо быть там, - сказал я. - У меня в кармане письмо, которое я должен вручить руководству...

- Это зависит не только от меня, Ринат, - сказал Валерий. - Ты держи связь с Иваном Савельевым. Он тебе поможет.

И он побежал за теми, кто его поджидал. А я остался понурый, немного завидуя Валерию Александровичу.

С этой минуты для меня уже не было ничего более важного, чем вернуться к тем, кто остался в неволе в здании Верховного Совета. Среди них ведь очень мало людей, которые знали, куда и с какой целью я уйду. Если пойдут разговоры, что «татарин сбежал» или «Ринат удрал», — буду готов провалиться сквозь землю.

Захаров и Орлов пошли по домам, к своим семьям, а мне спешить некуда. В голове лишь одна мысль: как бы побыстрее вернуться в здание Верховного Совета. Иван Савельев - известный русский поэт. Именно я устроил его на работу в Верховный Совет. Если правда, что он знает входы в здание парламента, то, значит, кому-кому, а мне-то он должен подсказать в первую очередь.

Ивана Савельева я в тот вечер не нашел. Зато встретил своего земляка, одного из самых молодых депутатов, нижекамца Наиля Махиянова. Впрочем, он тоже куда-то спешил. Только вот мне некуда идти. В душном зале я не усидел, а снующих в коридоре политиков и журналистов видеть не хотелось. Российский журналист может часами брать у тебя интервью. Не исключено, что за этот час ты допустишь какую-либо неточность и скажешь что-нибудь чрезмерно эмоциональное. Он может все остальное отбросить, а вот эту самую неточность отделить и подчеркнуто исказить. С такими лучше всего не встречаться и не знаясь.

Оказалось, что в метро пускают, а оттуда не выпускают. Поэтому нам пришлось распрощаться, не доходя до станции. Наиль Махиянов пошел чуть наклонившись вперед, большими, вразвалку, шагами. А я остался. Было примерно одиннадцать вечера; я стоял в одиночестве в самом центре Москвы на перекрестке улиц.

Впрочем, не совсем в одиночестве. Куда ни глянь - везде милиция. Про нее сказал поэт: «Моя милиция меня бережет», были же ведь времена. А вот эта милиция повернулась ко мне спиной. Выстроились рядами, стоят, повернувшись в сторону здания Верховного Совета. Нет, это еще не та блокада. Та, настоящая, - подальше, метрах в двухстах. Туда сейчас и близко не подпускают.

На мне кожаная куртка, фуражка, руки в карманах. Иду медленно. Стараюсь держаться метрах в трех-четыре от милиционеров, выстроившихся спиной ко мне. Все внимание - на них. О чем они думают, что говорят?.. Если подумать, то они ведь тоже деревенские мужики или дети рабочих.

Вдруг слышу: разговаривают по-татарски. Может быть, думаю, это мне просто слышится, ведь недаром говорят: курице просо снится. Нет, оказывается, это явь. Два парня в милицмейской форме разговаривают по-татарски. Остановился. Я ведь слышал, что из Татарстана в Москву не посылали ни милицию, ни омовцев.

- Ребята, - говорю, - вы откуда?

- Из Нижнего Новгорода.

- А что делаете тут?

- Вот разговариваем. Тут много девушек из нашего аула. Собираемся вечером улизнуть и пойти к ним в гости. Вот и толкуем об этом.

- Так идите, - говорю им, прикидываясь дурачком. - Мы в молодости мигом решали вопросы насчет девушек.

Подождал ближе к этим ребятам, а они ведь на службе, отойти не могут. Толкуем о том, о сем. Видя, что мы говорим по-татарски, подали голос еще несколько человек. Оказалось, здесь татар много. Стоящие рядом русские парни нам несколько не удивились.

- Это что, ваш земляк? - поинтересовался один.

- Москва - наш город, а Арбат - наша улица, - ответил татарин.

- А вы сами кто будете, казанский татарин?

- Да, - говорю. - Как вы узнали?

- Говор у вас не наш, не чисто татарский, - сказал богатырского сложения молодец и засмеялся. - Может, вам доводилось слышать про Хайдара Бегичева? Он из нашего аула. Певец он, жена тоже поет.

- Знаю, - говорю я. - Хайдара хорошо знаю.

- А вы сами кто, тоже артист?

- Нет, не артист я, а писатель.

- А-а-а, - протянул он, силясь вспомнить, что же это такое - писатель.

- Это который книги пишет...

Близко знающий самого Хайдара, я сделался среди нижегородских парней своим человеком. Кое-как объяснил им, что я тут делаю. То, что я народный депутат, не отдалило от них, наоборот, они стали смотреть на меня с большим интересом и уважением. Оказалось, они должны простоять два часа, потом к ним придет смена. Ребята отдохнут в течение двух часов, сидя в кузове машины. Все это повторяется через каждые два часа. Вот уже трое суток не видели горячей пищи. Тут волей-неволей пойдешь к девушкам-односельчанкам.

На другой день утром Иван Савельев сам разыскал меня в здании Краснопресненского районного Совета.

- Вы, оказывается, выходили втроем, но я могу провести только одного, - деловито сообщил он.

Мы переглянулись. Желание вернуться в здание осажденного парламента, оказалось, не угасло ни у кого. Но никто и не высочил: «Я пойду!»

Видно было, что у Ивана Савельева времени в обрез.

- Все трое хотят, не так ли? - сказал он, приняв решение. - Но я, если даже вы очень хотите, могу взять только одного. Подземная дорога обходная, там тесно, душно...

Никто не ответил. Мне тоже не хотелось высказываться.

- В таком случае, я хотел бы провести Рината Сафиевича. Во-первых, он моложе. Во-вторых, он мой непосредственный начальник. Иначе путешествие для меня может плохо кончиться, - попытался шутить Иван Савельев.

Старшие пожелали нам счастливого пути. Наше подземное путешествие началось из подполья церкви, что находится в полукилометре от здания Верховного Совета. Нас трое: Иван Савельев, я и еще один незнакомый человек. Думаю, что это был проводник. Взяли в руки карманные фонарики, кругом — кромешная тьма. Под ногами ухабы и камни. Над головой тянутся разного калибра трубы. Незнакомец счел нужным предупредить: по дороге не издавать ни звука, не разговаривать даже шепотом. А то можно запросто угодить в западню. Это была единственная не раскрытая еще подземная дорога.

В основном пришлось двигаться согнувшись. При моем росте это непросто. Кроме того, во мне с малолетства живет страх перед подземельями. Я еще в детстве пускался на всякие хитрости, чтобы не спускаться в погреб. А тут случай особый. Если наверху все улицы заполнили танки и БТР, то подземелья охраняют вооруженные автоматами омовцы со специально обученными овчарками. Коль встретятся, пощады не жди. Благословение Аллаху, не встретились. Эту дорогу они, как потом выяснилось, обнаружили только через два дня после нашего путешествия.

Люди, находившиеся в здании Верховного Совета, встретили меня с распростертыми объятиями. Конечно, я пришел не с пустыми руками. Принес три буханки хлеба, две палки колбасы, много сыра. Съестное смели моментально. Письма тут же были доведены до адресатов. Среди них оказалась и копия секретной телеграммы Полторанина средствам массовой информации. В ней было, в частности, сказано: «Рекомендуется поскромнее освещать события, которые произойдут в Москве 4-5 октября». Это дословно.

Насколько я знаю, содержание этой телеграммы Руцкому и Хасбулатову было известно еще раньше. И они не торопились ее огласить, чтобы не вызвать панику.

Таким образом, совершенно неуместно обвинять Верховный Совет за события 3-4 октября. Эти кровавые дни были заранее запланированы Ельциным и его свитой. И этот факт подтверждается документами.

Все субъекты Российской Федерации уже успели выступить в защиту Верховного Совета. Москве угрожали блокадой, забастовками. Президент Ингушетии Руслан Аушев, Президент Республики Калмыкии Кирсан Илюмжинов и Председатель Верховного Совета Республики Коми Виктор Степанков в те тревожные дни проявили особую активность. Проявили инициативу и некоторые религиозные деятели, в частности Патриарх Всея Руси Алексий I. Но для тех, кто сидел в Кремле, никакого соглашения не требовалось. Они жаждали крови. Радио и телевидение днем и ночью готовили народ к

кровапролитию. Дескать, в Верховном Совете собрались мятежники со всех концов страны, коммунисты и фашисты... С пеной у рта твердили: они вооружены чуть ли не атомным оружием... Дескать, «для того, чтобы спасти страну, народы всего мира от наступающего на нас фашизма», возможно, придется применить оружие. Вот так, как говорится, на воре шапка горит.

Жителей Москвы нещадно избивают вот уже две недели. Покалеченных и тех, кто отдал Богу душу, оказавшись под сапогами омовцев, уже десятки. С наступлением октября ОМОН совсем ожесточился. Я чувствую, что назначенный час и день приближаются. Так же не по дням, а по часам растет число тех, кто готов противостоять этому произволу, творимому властями. А это не тревожит тех, кто руками и ногами ухватился за свои кресла. И средство у них одно: не жалеть, бить, не оглядываясь, давить, разгонять. В России подчиняются только силе...

2 октября на Смоленской площади, что находится на Садовом кольце, собрались сотни тысяч людей. Стоило начаться митингу, как его окружили и начали теснить. Люди вынуждены были защищаться. Поджигаются машины, вооруженные железяками и камнями молодые люди оказывают настоящее сопротивление. Результат - как среди участников митинга, так и среди сотрудников милиции число убитых и попавших в больницы превысило сотню. И это происходит среди белого дня и не где-нибудь, а в самом центре столицы. А что говорят радио и телевидение по этому поводу - один Аллах ведает... Обвиняют оказавшийся в осаде Верховный Совет. Дескать, все идет от него. Допустим, что это так. Но ведь органам власти было за несколько дней известно место и время проведения митинга. Раз так, неужели нельзя было предупредить людей заранее или рассеять их, пока не собралась настоящая толпа?

Можно было! Но тут цель другая: нужна суматоха, нужен шум-гам. Нужна причина, точнее, повод для применения оружия.

3 октября. Это уже день, ставший подлинным «кровавым воскресеньем». На некоторых площадях Москвы около часу дня должны были начаться митинги. Позднее, как потом выяснилось, их участники собирались мирными колоннами направиться к зданию Верховного Совета, к Кремлю и к Останкинской башне. Депутатам об этом было известно заранее. Москвичи тоже загодя оповещены по телевидению и через местные газеты. Следовательно, милиция и органы государственной безопасности имели время принять свои меры. Ничего неожиданного для них не было. Часов около 11 в мой кабинет зашел знакомый депутат. Он и поныне работает на ответственной должности в Государственной Думе, поэтому не стану называть его фамилию.

- Что ты тут сидишь? - спросил он, забыв поздороваться. - Вся Москва на ногах, а татарин сидит сложа руки. Не к лицу это вам, Ринат Сафиевич!..

- Да вот сижу, думаю. Сидеть без дела надоело, и вот жду, пока пошлют в тайгу на лесоповал...

- Успеешь, - говорит он. - Пошли. Может так случиться, что этот день станет днем нашей победы.

- А говорят, что завтра будут обстреливать из пушек...

- О завтрашнем дне пусть ишак думает. Ринат, пойдем на Октябрьскую площадь. Там должно собраться около ста тысяч человек.

- А что будем делать вечером? Ты же знаешь, что пути в эту сторону закрыты?..

- Лучше быть вместе с народом. Кто знает, быть может, и блокаду прорвут.

Только что пришла в голову мысль: мой собеседник или был ясновидцем, или обо всем осведомленным заранее. В противном случае разве так допустили бы его во властные структуры. Удивительная штука эта жизнь...

Мы решили рискнуть и пошли в город. Как обычно, туда путь открыт. На сей раз обошлось без пинков и ударов дубинкой. Сели в метро на станции «Баррикадная» и направились на Октябрьскую площадь. Станция метро открыта, милиция соблюдает порядок, даже подбадривает: «Выходите, граждане, побыстрее, выходите живее».

На площади должен состояться большой митинг, об этом знает вся Москва. Но будто городская администрация еще не дала санкции на его проведение. Она получена

только от районной администрации. На станции из трех эскалаторов два едут наверх, оба переполнены. Женщин почти нет. Давясь и толкаясь, наверх лезут одни мужчины и юноши. А вот эскалатор, что движется вниз, пуст. Ребята, в коих сила переливается через край, забавы ради взбегают наверх по лестнице,двигающейся в противоположном направлении. Действительно забавно: бегут изо всех сил, а движения вперед совсем незаметно...

Толкаясь и протискиваясь, поднялись наверх, вышли на залитую солнцем площадь. А там уже яблоку негде упасть. Нет-нет, площадь забита не теми, кто пришел на митинг, а милицией и омовцами, защищенными бронежилетами, касками и железными щитами. На противоположной от станции стороне стоят семь-восемь машин Скорой помощи. В эти машины уже кого-то несут на носилках.

Доносятся громкие возгласы: «Ельцин - фашист! Убийца...» Там и сям старики и старушки, кому удастся приблизиться к сотрудникам милиции, ведут «агитационно-пропагандистскую» работу. Прислушиваюсь:

- Кому вы служите?

- Государству...

- А кто же это - государство? Бандиты, что заперлись в Кремле, или - народ?!

- Нам, бабуля, деньги платит государство. Мы находимся на службе.

- Вам платит не государство, сынок, а народ. Из нашего кармана платят, из кармана налогоплательщика.

- Ты уходи отсюда, бабуля, нам нельзя разговаривать, - говорит сотрудник милиции.

Точку в этом разговоре ставит подбежавший юркий офицер:

- Уведите отсюда эту старую суку, - приказывает он своим парням. - Что вы тут рассюсюкались с ней!..

Старушку пытаются оттащить под руки. Она кричит, зовет на помощь. Бабуля тоже не одинока, кто-то подбегает к ней. Опять идут в дело резиновые дубинки. А на стороне защитников бабули - одни кулаки. Начинается драка. Про старушку забывают. Кто-то шарахается в сторону с окровавленным лицом, кого-то уволят, кто-то остается лежать...

Вот такая картина на каждом шагу, в каждом переулке. Я обратил внимание, что бабули-пропагандистки к милиции приближаются совсем близко, а вот к ОМОНу - нет. Потому что на последних и смотреть страшно.

- А почему так? - спросил я у одной из старушек.

- Так те ведь, сынок, и на людей не похожи. Ты посмотри на них - точно в американских фильмах, - сказала пожилая женщина.

Впрочем, я и сам даже в мирное время боязливо озираюсь, проходя мимо этого самого ОМОНа. Вернее, стараюсь обойти их, если они встречаются на пути...

- Не похоже, что здесь будет митинг, - говорю я своему спутнику. Тот пожал плечами: «Как сказать...»

- Ты же видишь, на площадь никого не пускают, - беспокоюсь я.

- Ринат... Ринат, смотри-ка, что они вытворяют, - прервал меня спутник.

Группу мужчин, каким-то образом оказавшихся на Ленинском проспекте, окружили омовцы, защищенные щитами, касками. Для начала били резиновыми палками по головам, а потом, когда люди немного приходили в себя, валили на асфальт и остервенело начинали топтать, пинать сапогами. У тех, кто пытался как-то поднять голову и встать на ноги, положение еще хуже - их бьют ребром железного щита. По голове ли, по шее или позвоночнику - об этом никто не думает, всех подряд словно косами косят. Даже, подходя, проверяют лежащих неподвижно в лужах крови. Дескать, не притворяются ли мертвыми...

Поправляя на себе форму как после большого дела, омовцы отошли в сторону и присоединились к своим. Кто из них только что убил человека, кто совсем безвинен - не различишь. Вот, оказывается, все как просто. Обыденно поправляешь каску на голове или ремень на поясе и преспокойно встаешь рядом с другими. Всего и делов-то - никто ни о чем не спрашивает...

К безжизненным телам подъехали рядом стоявшие машины Скорой помощи. Никто не стал проверять, живы ли потерпевшие, нет ли - побросали на носилки и отнесли в эти

машины. И все три машины, выстроившись в ряд, с тревожным пронзительным ревом понеслись к центру города.

Но тут я обратил внимание, что двое из омовских парней, только что лютовавших на площади, приблизились к нам. Они прислонились к железной решетке, отделявшей их от толпы. Лица красные, взмокшие. О чем-то переговаривались, смеялись. Один из них стал переобуваться.

- Что случилось, натер ноги? - участливо спросил его товарищ.

- Палец, кажется, вывихнул. Пнул по голове, а она оказалась костлявой.

Тот, что постарше, поопытнее, посоветовал:

- Разве можно пинать по голове носками. Так можно без пальца остаться. А пятки сапог для чего?..

От услышанного у меня по телу пробежали мурашки.

Какая-то старушка, которая прислушивалась к разговору, стала по-своему увещевать молодых:

- Что вы делаете? А ответ короткий:

- Да так, поразмялись, - хохотнул один. Волной качающаяся толпа, не уместаясь на тротуарах, не знает, что и делать. Ненависть людей сливается в единые возгласы: «Убийцы!.. Фашисты!.. Убийцы!.. Фашисты!..»

Состояние у меня подстать общему. Кажется, сумею я преодолеть железную стену из щитов и выбежать на эту площадь, то вцепился бы в горло одного из этих омовцев... Сердце не помещается в груди...

Но и у меня нет иного выхода, как присоединиться к голосу толпы. И я кричу: «Убийцы!.. Убийцы!..»

Что стало с этими людьми? В чем причина их зверства? На виду у всех, среди белого дня! В центре столицы государства, провозгласившего себя демократическим?! У Ленинского проспекта, напротив памятника Ленину...

Допустим, на площадь выходить нельзя. Но ведь можно же было отогнать людей обратно на тротуары? Ну, на худой конец задержать их и увести куда-нибудь. Если нарушили закон — пусть отвечают.

Нет, они делают не так. Их не пугают свидетели, они не сторонятся иностранных журналистов. Бьют, давят, никого не боясь, бьют, упиваясь. Они уверовали в себя, в безнаказанность. Они крепко взялись и надолго. Долго еще это будет продолжаться!

Тут на память пришел один случай. Это было в мае 1992 года. Группа российских писателей - Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Борис Можжевель и я - приехали в Соединенные Штаты на встречу со своими братьями по перу. Встреча должна была состояться в штате Калифорния, в городе Лос-Анджелесе. Вскоре, после того как мы прилетели в Нью-Йорк, в Лос-Анджелесе объявили чрезвычайное положение. Конференция наша была отложена на три дня, и мы задержались в Нью-Йорке, в фешенебельной гостинице «Шератон». Я провел встречу в татарском клубе Нью-Йорка, был в гостях у его председателя Илдара Агиш и у Рустема и Гаты Камских.

Случилось же в Лос-Анджелесе вот что. Тамешние полицейские по ничтожному поводу избили до смерти чернокожего шофера. А местные власти попытались взять виновных под защиту. В знак протеста на улицу вышло массы людей. И за сутки в городе было все перевернуто вверх дном - разрушали, ломали, поджигали. Для усмирения взбунтовавшихся чернокожих сюда стянули многие службы охраны правопорядка, полицейских, военнослужащих, пожарных. Губернатор штата и Президент перед всем миром принесли чернокожим свои извинения. Были даны заверения, что впредь такое варварство не повторится. Только после этого на улицах установился порядок и люди разошлись по домам.

Когда мы приехали в Лос-Анджелес, там еще не успели убрать следы беспорядков: поднимался дым от обуглившихся зданий, повсюду были видны разбитые витрины, чувствовалось напряжение. И вот что удивительно: сколько полицейских противостояло взбунтовавшимся людям, но ни один человек не был избит или ранен.

Об этих событиях с горечью говорил весь мир. Американская общественность покаялась, она своими глазами увидела, к каким ужасающим последствиям приводит несправедливое нанесение обиды простым людям.

А вот у нас - будет ли когда-нибудь такое покаяние?! Или варварству нет конца?! Доколе станут торжествовать преступники, считая, что прав тот, у кого сила?!

Поистине - Москва слезам не верит. Ее мостовые не раз уже были политы кровью. И вообще в России недорого стоит человеческая жизнь. У всех должно быть в памяти, как Сергей Ковалев бил в набат по поводу нарушения прав человека в Чечне. Но не преступники, а сама Государственная Дума отстранила его от этого дела. Получилось так, что призывать к защите прав человека, к безопасности само по себе небезопасно. Что поделаешь...

3 октября. Москва. Вернемся на Октябрьскую площадь.

Я шел как в воду опущенный. Мимо меня быстрыми шагами проследовал депутат Илья Константинов. Узнал, но останавливаться не стал, лишь знаками предложил последовать за ним. Оказалось, на другом конце ту же миссию выполнял другой депутат, Уражцев. Тоже шагает размашисто. Прямо посередине улицы! Но я не пошел за ними. Честно говоря, недолюбиваю бородатых и не совсем доверяю им. А вот Илью, с его смоляной бородой, вообще не принимал всерьез, хотя и не питал к нему никакой антипатии. Мне казалось, что политика для него была чем-то вроде игры. Сперва он активно разрушал СССР, а теперь вот с таким же рвением решил «восстанавливать». Но он неугомонен, в нем так и кипит какая-то энергия. Вот и теперь одного его зова было достаточно, чтобы заполнившие тротуары и дворы люди дружно последовали за ним. Рассыпались по сторонам только что стоявшие сплошной стеной омоновцы. Не смогли оказать почти никакого сопротивления и милицейские наряды. А может, не захотели? Возможно, все возможно...

Мы, мой спутник и я, с удивлением наблюдали за всем этим. Народ валит валом. Октябрьская площадь волнуется как море. Откуда-то появились красные знамена. Кто-то встал у памятника Ленину и бросил в толпу какой-то лозунг.

Милиционеров и омоновцев, которые только что чувствовали себя хозяевами положения, — как ветром сдуло, все они побежали на противоположную сторону улицы, к своим «Уралам» и КамАЗам, выстроившимся в ровные ряды недалеко от Госбанка России.

Людской поток, пройдя площадь, резко повернул на девяносто градусов, прорвав цепочку милиционеров, выстроившихся в несколько рядов. И, целиком заполнив Садовое кольцо, двинулся в сторону Центрального парка культуры. Колонна шириной в тридцать-сорок метров не имеет конца. Первыми прошли богатырского сложения здоровенные парни. За ними последовали мужчины средних лет, женщины, люди пенсионного возраста.

Мы наблюдаем. У нас нет другого выхода. Вот идущие впереди уже вступили на Крымский мост, а Октябрьская площадь все еще не освободилась. Не будет преувеличением заметить, что я никогда до этого не видел такого скопления народа.

- Чу! - сказал мне мой спутник. - Посмотри-ка повнимательнее на Крымский мост...

- А это еще что такое?

На самой середине моста образовалась железная стена, через которую не пролетит и птица. Сотрудники ОМОНа каким-то образом смастерили ее двухъярусную из своих щитов. А самих омоновцев - не счесть.

У меня екнуло сердце. Людской поток все ближе подходит к этой стене. Сейчас вот-вот на самой середине моста через Москву-реку произойдет страшное столкновение. ОМОНу дан приказ не отступать ни на пядь. А колонну, растянувшуюся на километры, теперь уже ничем не остановить. Это ведь не Первомайская демонстрация, во время которой люди выстраивались строго по семь человек в ряд. Тут - естественная стихия, желание отомстить за избиения в течение десяти-пятнадцати дней. Москвичи уже почувствовали затылки друг друга. Факт, достойный внимания: здесь молодежь, собравшаяся из всех регионов России. Есть такие, что приехали с Украины, из Белоруссии, Молдовы. Я знаю, здесь же находится и казанская группа из 36 человек.

Мы не отрываем глаз от моста, а ноги сами идут вперед. Между передними рядами колонны и железной стеной осталось всего метров пятнадцать-двадцать. С той стороны стены из громкоговорителя раздался голос:

- Остановитесь! Образумьтесь! Проход на ту сторону моста категорически запрещен. Нам дано такое указание. Остановитесь! Остановитесь!..

В этом возгласе, кроме предупреждения, послышались и предчувствие беды, и страх...

Колонна на какой-то миг качнулась вперед. Установилась тревожная тишина. Сжимается сердце. Чем все это кончится?!

Вдруг из группы депутатов, которые вели за собой всю колонну, раздался хриплый голос Уражцева. Он потребовал:

- Освободите дорогу! Дайте дорогу народу!..

Даю тридцать секунд, - и тут же по-настоящему стал считать: - Осталось двадцать секунд... пятнадцать... Десять... Пять... секунд.

Расстояние между железной стеной и людским потоком сокращается на глазах. Осталось не более семи метров... пять... три... И вот передние ряды, словно сорвавшись с цепи, что есть силы бросились на железную стену из щитов. Площадка на мосту будто застонала. Железная стена с треском раскололась. Между двумя потоками началась не поддающаяся описанию схватка. Омоновцы орудовали резиновыми дубинками и железными щитами, а те, что шли впереди людского потока, сопротивлялись кулаками и ногами. Те, кто шел чуть сзади, начали бросать камни и куски железа. При виде этого екнуло сердце: надо бы знать меру! Ведь противостоящая сторона этого и ждет. Они, ни минуты не колеблясь, пустят в ход оружие...

«Хлоп да хлоп, тук да тук... Ах да ух...» - только и слышалось на первых порах. Тем временем кого-то, кажется, стали сбрасывать с моста. Отступать было некуда, и омоновцы, не найдя другого способа спастись, кажется, стали прыгать вниз, причем по своей воле.

В этот миг я впервые в жизни воочию увидел, на что способны народные массы: когда они сплываются воедино, какую они обретают силу! Здоровенные омоновцы, только что стоявшие стеной, рассеялись, как щепки. А людской поток продолжил свое движение в сторону Смоленской площади.

Когда чуть погодя мы оказались на Крымском мосту, нас ужаснуло увиденное. Молодые ребята с жалобным стоном лежали у кромки моста. У одного разбита голова, у другого вывернута рука или сломана нога. Похожие лица, похожие глаза... Говорят на одном языке, семизатжно ругаются. Это ребята, которые играли на одних и тех же улицах, учились в одних и тех же школах.

- Подойдем, узнаем, как он там. Может, сумеем оказать какую-нибудь помощь, - говорит мой спутник.

Мы подошли к раненому парню. Расспрашиваем. Отвечает неохотно.

- Плохо тебе?

- От ваших расспросов мне легче не станет, - отвечает он и то ли от нестерпимой боли, то ли не желая показать свое израненное лицо, окровавленными руками закрывает его.

- Неужели в глаз попали? - я вмешиваюсь в разговор.

- Чепуха, - говорит он. - Только лоб.

- А давно служишь в ОМОНе?

- После весеннего дембеля.

- А сам москвич?

- Нет, из Смоленской области.

- Из деревни? - Да.

- Почему решил идти в ОМОН?

- Квартира нужна... Деньги...

Я вытащил из кармана носовой платок и протянул парню. Деревня - мое слабое место. И парень этот мне как-то понравился. В деревенском жителе - русский он, татарин или чувашин - больше сохраняются добрые человеческие качества.

- Не надо, - отказывается он от платка. Но все равно спустя время вынужден взять и вытереть лицо.

- Чем ударили-то?

- Кажется, камнем.

- А сам бил кого-нибудь? Парень смешался, дернулся.

- Куда ж денешься, бьешь!.. Квартира нужна. Есть жена, ребенок. Они в деревне, ждут моего вызова.

Разговаривать с ним было больше не о чем. Состояние его не столь тяжелое, как мы поначалу полагали. Прислонили его поудобнее к столбу, а сами пошли дальше.

Тут я сделал для себя небольшое открытие. В этот день с обеих сторон было много убитых и раненых. Но вот что странно: те из потерпевших, кто в растерянности сидел прислонившись к столбам, были сотрудниками милиции. Мне показалось: они не знали, что делать. К ним никто не подходил, никто с ними не разговаривал. Было похоже, что они и между собой-то говорили неохотно.

А те, кто был на противоположной стороне, спешат поскорее встать и, вытирая кровоточащие раны, присоединяются к своим. В крайнем случае, стараются убежать куда-нибудь подальше. Именно таким чаще всего оказывают помощь.

Остался позади Крымский мост. Мы изрядно устали. В то же время не хочется пропускать события, отставать от людского потока. Я смотрю в ту сторону, куда направились люди. Кажется, они уже приближаются к Смоленской площади. Сейчас мы тоже не простые наблюдатели. То, что произойдет дальше, имеет большое, может быть, даже решающее значение для таких «парламентских узников», как и мы сами. Мы шли по самой середине улицы, пролагая дорогу в гуще старушек и подростков, которые, чуть поотстав от основного потока, наблюдали за зрелищем. Когда бы еще пришлось шагать вот так, по самой середине Садового кольца - трассы, которая в любое время суток всегда полна машин...

Оказалось, что происходившее на Октябрьской площади и на Крымском мосту было лишь прелюдией. На Смоленской площади, вернее, на повороте, недалеко от здания Министерства иностранных дел, толпу поджидали пожарные машины. Они были выстроены так, что загородили всю улицу.

Вдруг мы встрепенулись от неожиданности. Послышались хлопки, похожие на взрывы. Нам не видно, что произошло. Стреляют ли, взрывают ли - никак не поймешь.

- Начали стрелять, - говорит мой спутник. - Среди белого дня.

Оказалось, он ошибался. В толпу, приближающуюся к пожарным машинам, пустили так называемую «черемуху», слезоточивый газ.

Послышались крики, стоны. Тем временем мы тоже оказались в остановившейся толпе. Но в передних рядах паники еще не было. По всей вероятности, это не стало новостью для демонстрантов. Наоборот, передние восприняли это как сигнал к решительным действиям. Со всех сторон стали раздаваться возгласы «Ура!»... «В атаку!»...

На то, что творилось там, нельзя было понять. Кажется, «черемухой» сделали еще один залп. И по меньшей мере из двадцати машин стали поливать пенящейся жидкостью.

На площади, битком забитой людьми, начался настоящий потоп. Вскоре она превратилась в море: много воды и пены...

Оказалось, что по ту сторону от пожарных машин людей уже поджидали бравые омовцы.

Противная сторона тоже не растерялась. В стекла машин полетели булыжники. А вскоре стали стаскивать с кабин устроившихся там пожарных. Еще несколько минут спустя противопожарные брандспойты один за другим были направлены в противоположную сторону. Пеннистая влага теперь полилась на сотрудников милиции, они отступили. Колонны ценой смертей и крови стали бороться за каждый шаг. Когда мы подошли к месту побоища, пожарные машины были опрокинуты, отброшены на обочину, а одна даже была подожжена...

Что это? Милиция и ОМОН, призванные стоять на страже безопасности людей, избивают свой же народ. Что это? Люди в белоснежных сорочках и галстуках кидают

камни в милиционеров. Что это?! Один лежит бездыханный, другой не может двигаться, весь в крови. О Аллах, спаси нас! Наверное, это и есть конец света...

Случившееся произошло в самой середине Смоленской площади, напротив здания Министерства иностранных дел. Куда ни глянь - везде кровь, раненые, лежащие на мостовой в крови. Не превращается ли в настоящую гражданскую войну игра, начатая политиками и руководящими кругами? А ведь мы еще не знали, что в то же время такие митинги происходили еще в двух точках Москвы. И там участвовали сотни тысяч москвичей. И там кипели страсти, бурлило недовольство, вскипала ненависть.

После «взятия» Смоленской площади те молодеватые парни, что шли во главе колонны, совсем уверовали в свои силы. Потому что до конечной цели осталось совсем немного - до проспекта Калинина рукой подать. А оттуда - и до здания Московской мэрии (она размещалась в бывшем здании СЭВа), и до здания Верховного Совета, вот уже около двух недель находящегося в блокаде. Но как туда пробиться?

Как известно, Садовое кольцо не пересекается с Калининским проспектом, а проходит под мостом. Как раз именно там оборвалась жизнь трех ребят в августовские дни 1991 года. Подступы к мосту и на этот раз были перекрыты машинами «Урал» и автобусами. В кузовах - работники милиции. Я не понял, по какой причине, но они не пошли против народа. По всей вероятности, они были в резерве, поэтому продолжали сидеть на месте. А может, им поручено было охранять находящееся неподалеку посольство Соединенных Штатов. Во всяком случае, была, видимо, какая-то причина бездействия, иначе они не стали бы проявлять такую терпимость.

Людской поток не пошел к этим машинам, а по левой стороне двинулся на Калининский проспект. Как ни странно, он был безлюдным, словно встречали какую-нибудь иностранную делегацию.

Но то был выходной день, и большое начальство отдыхало на своих дачах. Почему же в таком случае остановили движение на проспекте? Причем оно остановилось не в эту минуту, а часа два тому назад. Кого ждут?! Если они предполагали, что люди пройдут здесь, то для чего нужны были барьеры, установленные на Смоленской площади и на Крымском мосту? А может быть, все это заранее запланировано?! Не станет же народ играть по загодя составленному сценарию. И все же меня взяло сомнение. Не успели передние ряды колонны выйти на Калининский, как в людей начали стрелять со стороны столичной мэрии. Стрельба шла из десятков автоматов. Были ли погибшие после этого залпа - не могу сказать. По-видимому, это было сделано скорее для предупреждения и устрашения. Все же вдоль улицы просвистели пули, посыпались разбитые стекла из окон домов...

Толпа снова качнулась вперед. Кто-то присел на корточки, кто-то лег. Другие прижались к тротуару или отступили назад.

Мы шагали по краю тротуара и подошли уже было к Калининскому проспекту. Идти вперед - бессмысленно, там стреляют. Я впервые в жизни услышал свист летящих ко мне пуль. Они, оказывается, издают свист, похожий на шипение майского жука. Но это не майские жуки, с ними шутки плохи... Мимо нас пробежали молодые ребята. Один из них кричал:

- Захватить машины! Под мост!.. Под мост!.. На этот раз мы с моим спутником оказались в самом центре событий. И все последующее происходило прямо на наших глазах.

К этой группе присоединились другие, их оказалось довольно много. С молниеносной быстротой они очутились у машин, что стояли под мостом. Не стали трогать сидящих в кузовах милиционеров, зато начали одного за другим вытаскивать из кабин шоферов и офицеров. Парни садились за рули и заводили большегрузы. Трудно сказать, почувствовали ли это те, что находились в кузовах. Все произошло в мгновение ока. Если даже допустить, что это было заранее запланировано и тщательно подготовлено, - операция была проведена блестяще. А среди милиционеров то ли была паника, то ли они ко всему были безразличны - не поймешь. Хоть бы один из них оказал малейшее сопротивление.

Мало этого, оставшихся без прикрытия и без машин милиционеров окружили женщины, в основном старушки, чтобы оградить их от боевитых парней.

- Не трогайте их, они не виноваты. Они тоже наши дети, православные, - приговаривали женщины.

Порой странные они, эти русские. Вот же говорят: «православные». Можно подумать, будто они одни живут в государстве. Не выходит ли так, что если люди не христиане, их можно избивать и убивать, будто в государстве вообще нет ни татар, ни башкир, ни якутов... Однако там, где смерть, где опасно, чуть ли не каждый второй оказывается татарин или башкиром. Ведь именно так было в Афганистане, в Чечне...

Захваченные машины «Урал» выстроились в колонны, моторы их взрвали со страшной силой. Улицы заполнены людьми, на улицах паника, куда ни глянь - кто-то копошится под колесами. Словно исчезла боязнь смерти, точно так, как было на фронте...

В этот миг я сделал для себя вывод: разъяренных людей ничем нельзя напугать - ни резиновыми дубинками, ни железными щитами и касками. Это я говорю, имея в виду Крымский мост. Люди вынесли и слезоточивый газ, и поток пенной воды. Примером тому могут служить и события на Смоленской площади...

Наконец, из поворота на опустевший проспект Калинина, истошно гудя моторами, один за другим выскочили восемь «Уралов». Не сворачивая никуда, по середине пустынной улицы они беспорядочно двинулись к зданию Верховного Совета.

Расстояние небольшое. Машины его могут преодолеть за какие-нибудь тридцать-сорок секунд. К тому же беспрестанно стрелявшие из автоматов милиционеры то ли растерялись, то ли испугались - на какое-то время прекратили пальбу. Те, кто стоял в конце проспекта, не видели, что творилось на мосту. По всей вероятности, им не успели еще передать, потому что все произошло за считанные минуты. Они поняли это, когда машины приблизились к ним вплотную, но было уже поздно.

Идущие с ревом машины, кажется, не на шутку встревожили сотрудников милиции. Они беспорядочно рассыпались по сторонам, и приказ «стрелять на поражение» многие из них просто не услышали. В такой обстановке верх берет не исполнение приказа, а забота о собственной жизни. Словом, началась настоящая паника. Некоторые бежали, побросав железные щиты.

Ходом событий на проспекте уже управляли приехавшие на захваченных машинах люди. Они с ходу прыгивали с автомобилей, отбирали у беспорядочно бегущих милиционеров их щиты и другое снаряжение. Вдобавок ко всему, к ним на помощь с победным кличем «Ура!» ринулся стотысячный людской поток. В это время мы тоже оказались в его середине. События увлекли нас настолько, что я потерял из виду своего спутника. Но беда небольшая. В такие минуты каждый незнакомец кажется тебе единомышленником.

Вдруг кто-то полоснул длинной автоматной очередью по толпе, которая бежала словно сорвавшись с цепи. Кто-то был ранен, кто-то упал замертво. Я и сам услышал, как мимо меня просвистели две пули. Невольно подкосились ноги - умирать не хочется. Но стрелявший оказался один, больше выстрелов не было. Милиционеры, потерявшие каски и железные щиты, беспорядочно перебежали мост и скрылись в направлении гостиницы «Украина».

Но пробиться к Белому дому было все еще нелегко. Имелись еще выстроившиеся железной стеной машины-водовозы. Куда их девать? Они стоят без движения...

Но раз поднялся народ, его трудно остановить. Какую-то машину оттащили, какую-то толкнули - все же расчистили путь для проезда. Потом каким-то образом освободили дорогу и от страшных колец спирали Бруно. Таким образом, блокада, длившаяся более десяти дней, была прорвана. Площади, прилегающие к Белому дому, заполнили люди. Усталые, изможденные депутаты по одному стали выходить на улицу.

Я думаю, что все происшедшее в тот день в Москве никак нельзя представить себе в полном объеме. Народу вокруг здания Верховного Совета — целое море. События сменяются почти молниеносно. Масштабы происходящего слишком большие. Одни

торжествуют. Другие чего-то требуют. Кто-то бахвалится теми «подвигами», которые совершил за день. Остальные наблюдают. Нет-нет да раздаются автоматные очереди...

Я совсем смешался, не зная, что делать, куда идти. Я же один-одинешенек... Вдобавок голоден. С самого утра во рту не было ни крошки. Недалеко от меня в какой-то группе заиграла тульская гармошка. Люди запели частушки. Пляшут, поют. Народ - талантлив, скажет - так уж резанет правду. Частушки в основном на политические темы. Перебивают косточки Ельцину. Рифмуют имена Гайдара и Ерина, Бурбулиса и Чубайса. Шахрая превращают в «малайку». Последнее сравнение мне понравилось особенно. Все-таки «малайка» - единственное татарское слово, услышанное мной в этот день.

Я смотрю на «счастливых», которые, позабыв обо всем на свете, распевают частушки. Народ, на каком бы языке ни пел, всегда искренен, прямодушен и бесхитроушен. И вообще народное творчество не может быть чужим. Его воспринимаешь сердцем. Русские люди в частушках своих и вовсе открывают «душу нараспашку». Частушка - это самый искренний вид устного народного творчества, обнажающего душу русского народа.

Тем временем кто-то положил руки на мои плечи. Оказалось, это Борис Можаяев, известный писатель.

- Ну как? - спросил он после того, как мы обнялись. То ли он спрашивал о моем здоровье, то ли интересовался тем, что творится на площади, то ли его вопрос касался частушек.

- Хорошо, - ответил я, не уточняя.

- Народ - силен, - сказал Можаяев так же многозначительно.

Было заметно, что писатель-аксакал взволнован. Он поспешил выразить мне признательность за то, что я нахожусь среди депутатов, защищаю Белый дом.

- Это мой долг, - ответил я. - Только вот пока неизвестно, чем все кончится. То ли наградят, то ли отправят за решетку...

Оказалось, он пришел сюда со всей семьей, с друзьями. Разошлись, условившись встретиться.

В здании Верховного Совета - десятки дверей. У двери под номером 14 встретились с заместителем Председателя Президиума Верховного Совета, депутатом из соседней Чувашской республики Валентином Агафоновым. Рядом с ним два телохранителя.

- Ты куда это пропал? - спросил он меня с ходу.

- Не пропал, а вот людей к Белому дому привел, - решил отшутиться.

У Валентина Алексеевича рот до ушей. Не может скрыть своей радости.

- Давай, земляк, мы так сделаем. Поднимемся на четвертый этаж, наблюдать будем оттуда. Если стоять здесь, ничего толком не увидишь, - сказал он.

- Пошли.

Я был усталый после долгого хождения на голодный желудок. Меня даже знобило, хотя день был солнечный. Все-таки октябрь.

Лифты не работают. Поднялись пешком. Встали у окна, выходящего на площадь Свободной России, против здания Московской мэрии.

- Спасибо, Валентин Алексеевич, - от души поблагодарил я. Оказывается, отсюда совсем по-другому видно.

- Видишь, вон там кого-то выводят из гостиницы «Мир»?

Разве можно не заметить такое! Группу милицейских полковников и кого-то из заместителей мэра (фамилия его, если не ошибаюсь, Бахновский) «взяли под стражу». Вели их к Белому дому. Толпа расступилась, давая дорогу. Тем не менее люди кричат на них, грозят кулаками, кажется, даже бьют. Те, кто их вывел, пытаются уберечь от самосуда.

- Смотри-ка, - сказал я. - Это не Рафкат ли Загидуллоуич пленил их?

- Да, да, это Рафкат Чеботаревский, - подтвердил Агафонов. - Он же вел там переговоры с заместителями мэра Москвы и заместителями министра внутренних дел Ерина.

Рафкат был одним из моих близких друзей. Меня охватила гордость за него. Заместитель мэра и какой-то генерал вплотную прижались к нему. Так только они могли

спасти от народного гнева. Рафката знают, и тот, кого он защищает, - вне опасности. Это было удивительное зрелище.

Но тут внимание наше отвлекло другое событие. С верхнего этажа здания мэрии, расположенного напротив, стали стрелять сразу из десятков стволов. На площади началась паника. Находящимся там людям некуда деться. А тем временем стали палить как раз по окну, из которого мы наблюдали...

Сердце екнуло. Так можно и Богу душу отдать. Кто бы еще недавно мог подумать, что по тебе вот так прицельно станут стрелять наши же люди. Это же уму непостижимо.

- Этот гостинец был адресован нам, Ринат, - сказал Валентин Алексеевич.

- А ведь пропали бы, если бы не успели отскочить, - говорю я, силясь, чтобы голос мой не дрожал от сильного сердцебиения.

В разговор вступил телохранитель Агафонова. Он человек военный, долгие годы прослуживший в КГБ.

Не бойтесь, сказал он. Выстрел не прицельный, они просто попугать решили. У них у всех есть оптические прицелы. Будет на то приказ — прямо в висок выстрелят. Так что берегите виски. Тут не требуется окно разбивать. Достаточно одной небольшой дырочки в стекле.

Спасибо. Сразу полегчало, сказал я в шутку и всерьез.

И надо же все громко засмеялись.

Для чего нужна была эта стрельба? спросил Агафонов.

Ответил все тот же телохранитель:

Чтобы вызвать ответную реакцию. Это провокация.

Так оно и вышло. Не прошло и двух-трех минут, как семь-восемь парней, вооруженных автоматами, отделились от толпы, поднялись по ведущей к зданию мэрии пологой лестнице и кинулись на штурм закрытых изнутри дверей. Сразу было видно, что это - настоящие профессионалы. Автоматы держат на уровне пояса. Стреляют короткими очередями и тут же отскакивают то в одну, то в другую сторону, делают перебежки... У них такие замысловатые телодвижения, что диву даешься. С противоположной стороны по ним тоже стреляют. Но тех не видно, те бьют из засады. А эти - на открытой площадке. В двоих из нападавших попали. Один упал лицом вниз и остался лежать без движения. Второй долго корчился, пытаясь встать. Но в него выстрелили еще раз, и он уронил голову на камень.

Как раз в это время по дороге-мостику, сделанному, чтобы машины высокого начальства могли подъехать к самому зданию, поднялись три «Урала». Те самые, знакомые мне машины. Одна из них не успела даже развернуться, как ее ветровое стекло разбилось вдребезги, водитель уронил голову на руль и замер. Вторая машина на большой скорости ударила носом в стеклянную дверь здания мэрии. Снова отступила назад, снова ударила. И тут же замерла, больше не двигаясь. Водитель третьей машины оказался хитрее. Он развернул машину задом к зданию. И, двигаясь задним ходом, протаранил одну за другой стеклянные стены. Он почти напроць разбил весь вход. И сам остался жив.

А в разбитые проемы, стреляя на ходу, ворвались вооруженные люди. Их стало гораздо больше.

Нельзя было видеть, что происходило в напоминающем раскрытую книгу здании бывшего СЭВа, теперешней Московской мэрии. Но стрельба и взрывы слышны были там довольно долго.

Через некоторое время из здания городского главы стали выходить колонны милиционеров с закинутыми назад руками. Сдавшихся было более двухсот человек. Они и на другой день, 4 октября, когда здание Верховного Совета обстреливалось из орудий, еще продолжали сидеть на полу у входа через восьмую дверь; не видел, какова была их дальнейшая судьба...

Один из телохранителей Агафонова долго и кропотливо возился с каким-то аппаратом. Наконец терпение наше было вознаграждено. Маленькая коробочка заговорила:

- «Орел», «Орел», отвечай. Где вы, на каком этаже?

- «Центр», вы меня слышите?.. Мы заняли четвертый этаж. Большого сопротивления не было. Солдаты сами сдаются. Сопротивление оказывают в основном офицеры. Стреляют из гранатомета.

- «Орел», отвечай. Потери большие?

- Много раненых. Убитых... с нашей стороны не более трех-четыре бойцов...

«Центр» - это из здания Верховного Совета.

Голос говорившего мне хорошо знаком. Это помощник Рудкого. А «Орел», теперь уже нечего скрывать, - те, кто штурмует здание Московской мэрии.

- «Орел», ты слышишь, без особой нужды головы под огонь не подставляйте. Берегите ребят. Цель - не убивать, а освобождать.

- «Центр», я вас понял. Они не собираются сдавать пятый этаж. Подготовились основательно. Из сейфов сооружена стальная стена... Бесперывно стреляют, голову не высунешь.

- «Орел», штурм пока прекратите. Установите с ними связь. Пусть перестанут стрелять по зданию Верховного Совета и по площади. Куда они денутся, пусть сидят там взаперти в свое удовольствие на пятом этаже. Лишь бы не стреляли. Есть захотят - сами выйдут.

- «Центр», я вас понял, приступаю к переговорам...

По всей вероятности, переговоры оказались удачными, вскоре автоматные очереди стали раздаваться реже, а потом и вовсе прекратились.

Мы тоже облегченно вздохнули. Валентин Агафонов посмотрел на часы и сказал, что собирается к Хасбулатову. Меня тоже пригласил с собой.

Я поблагодарил, но отказался. Не люблю, подобно жеребеночку, следовать за начальством.

Оставшись один, спустился на третий этаж. Уселся напротив окна в буфете, где еще недавно торговали лакомствами. Площадь Свободной России забита людьми. Мне тогда показалось странным ее название. Оно было дано ей после августовских событий 1991 года. Если не ошибаюсь, имя было присвоено официально. Можно ли сказать наверное: стала ли за последние годы сама Россия и ее народ свободными или, наоборот, впали в кабалу?

Ладно, будь что будет. Мы ведь и сами хороши. В советский период воспевали свой Татарстан - счастливую, свободную, цветущую республику. А сегодня бьем себя в грудь и кричим, что «мы самостоятельны». Что же такое самостоятельность, есть ли такой человек, который бы хоть раз видел, пощупал ее?!

В каждом городе или поселке имеются улицы Мира, Свободы или Азатлык по-татарски. Улицы есть, да нет самого мира, свободы, самостоятельности. Да и вообще, существует ли на земном шаре такой уголок, где бы царила настоящая свобода?!

Площадь забита. Но люди сюда все стекаются. Тем временем была очищена дорога со стороны станции метро «Баррикадная», и оттуда толпами хлынули люди. В узком переулке, где расположено посольство Соединенных Штатов Америки, продолжалась какая-то возня. Оттуда и пригнали три-четыре грузовика и военную машину связи с высоченной антенной. И все это добро привезли на площадь.

Говорили, что на этой машине есть радиопередатчик, мощности которого хватило бы на всю Москву и Московскую область. Минуты через три-четыре его наладили, и он заработал. По очереди стали обращаться к народу. Зачитали обращение Рудкой, Хасбулатов. Размахивая руками, говорил Бабурин.

- Сергей, - сказал я ему как-то, - руки можно держать и в карманах, пока тебя по телевидению показывают.

Владимир Исаков потащил в эту машину и меня. Не посмел отказаться, меня попросили, чтобы я сказал несколько слов на родном языке московским татарам... Словом, все сколько-нибудь известные политики, депутаты успели отругать из этой машины власти и самого Ельцина. Ну и дали же им жару...

Уже позднее, когда более или менее улегся шум вокруг этих событий, стало известно: то была вовсе не радиотрансляционная аппаратура, а устройство, посланное специальными органами для записи речей выступавших. Так-то вот...

Началось оживление и внутри здания Верховного Совета. Оповестили всех:

- Будет митинг. Через пять минут начнется митинг. К населению обратятся Руцкой и Хасбулатов...

Митинг, конечно, дело хорошее. Однако заморить бы червячка. Но, едва передвигая ноги, я все же спустился на второй этаж, прошел на трибуну перед площадью.

Людей первым поздравил Хасбулатов. С чем поздравил? С победой! Человек он чувствительный, увлекающийся, временами слишком прямодушный. К нему присоединились другие: Аксютин, Астафьев, Урашцев, Бабурин... Такие уж они люди - не могут спокойно пройти мимо микрофона. Таков у них образ жизни. Почувствуют микрофон - выскочат к нему с закрытыми глазами.

А тем временем один из ораторов сообщил, что в другом районе Москвы, то есть в Останкино, многочисленная группа мирных демонстрантов приближается к зданию телецентра. Естественно, такое сообщение площадь встретила дружными возгласами «Ура!». Небось возрадуешься. Ведь в то время телевидение вытворяло все, что только хотело. Белое показывало черным, а черное - белым.

Все началось с этого сообщения. Каждый вышедший к микрофону старался сказать что-то новое, касающееся событий в Останкино. Правду ли говорил, нет ли - неважно. Лишь бы сообщение было сенсационным. А народ воспринимал эти новости как приметы собственной победы, рукоплескал им. Возгласы повторялись довольно часто.

Я подумал: телевидение со своей сплошной ложью вконец приелось людям. Простой народ изголодался по правдивой информации. Ложь, распространявшаяся днем и ночью, воспринимается хуже, чем жизненные невзгоды. Я уверен: абсолютное большинство людей, в том числе народные депутаты, позабыли, что источниками бед, обрушившихся на народ, прежде всего являются засевающие в кремлевских дворцах политики. Им казалось, что корнем зла, жизненных невзгод, несчастий народа, беспорядков в стране является Останкино. И чтобы покончить со всем этим, достаточно его взять...

Впрочем, на первый взгляд все это не лишено оснований. Что же за власть, если у нее нет источника информации, пропагандистских средств. Многие помнят, каким образом Ельцин сделался героем. Это ведь он, подобно сказочному персонажу, вступившему в бой с семиглавым змием, выступил против Политбюро. Не побоялся Горбачева. Оставался без должности, но продолжал бороться! Ездил на работу на городском транспорте. Боролся во имя облегчения жизни трудящихся, а потом и за ликвидацию привилегий начальства. Пообещал народу, что ляжет на рельсы, если ухудшится народное благосостояние. Каких только испытаний не пришлось ему пережить! Его даже клали в мешок и бросали в воду. Самолет, на котором он летел, потерпел аварию в небе над Испанией. В центре Москвы его автомобиль протаранили «Жигули». Все, наверное, помнят, как злоумышленник пронес на Красную площадь ружье, чтобы стрелять в него. А можно ли позабыть про некоего офицера, который приехал из Сибири, проник в Кремль, чтобы застрелить Ельцина!.. Из Бориса Николаевича сделали Рэмбо. Сделали и высококлассного мастера по теннису. Вот какой силой обладает телевидение и радио. Я сам тесно общался не только с Борисом Николаевичем, но и с Шахраем, Бурбулисом, Филатовым, Шумейко и многими другими из окружения Президента. У каждого из них есть какие-то достоинства. Но всемирно известными личностями они стали не сами по себе, а с помощью телевидения. Если взглядеться, эти люди самые обыкновенные, средней руки, обыватели.

Событий, которые происходили в тот день вокруг Останкино, я не видел, но разговаривал с десятками очевидцев. Среди них были и те, кто работал тогда в телекомпании. Мне довелось свободно, по-свойски посидеть и поговорить с Вячеславом Брагиным, который в то время работал руководителем «Останкино». До вступления в эту должность он, как и я, был председателем комитета в Верховном Совете России.

А что касается знакомых на противоположной стороне, то ими хоть пруд пруди. Мой брат по перу Валерий Хайрюзов, о котором я уже упоминал, со своей женой и сыном от начала до конца был среди толпы.

Там события развивались так же, как и на подступах к зданию парламента. Вокруг Рижского вокзала собралось более ста тысяч человек. Ничего удивительного в этом нет, ведь день был солнечный, вдобавок выходной. Там сотрудники ОМОНа и милиции взяли людей в кольцо и не выпускали. Дорогу освободили только после происшедшей стычки. На перекрестке проспекта Мира и улицы Академика Королева милиция попыталась задержать людей. Но ни она, ни омовцы не смогли оказать демонстрантам серьезного сопротивления. Наоборот, есть предположение, что все было сделано специально, чтобы немного распалить мирно шагающие колонны, чтобы спровоцировать людей на штурм...

Останкино давно уже охранялось ОМОНОм. Естественно, это очень важный объект. В этот день еще на заре к охраняющим телецентр присоединилось несколько бронетранспортеров, и, что удивительно, как раз в тот момент, когда шествие приблизилось к Останкино, эти машины скрылись в обратном направлении.

Толпу, двигавшуюся по всей ширине улицы, подпустили к Останкинскому телецентру. Не только не стреляли, но даже не встали на ее пути, не пытались предупредить людей.

Как раз в это время каким-то образом до демонстрантов дошла весть из Верховного Совета: «Блокада прорвана... Люди сумели прорвать блокаду Белого дома. Армия, оставаясь верной Конституции, перешла на сторону народных депутатов». Да, да, до них была доведена именно эта информация. Она же означала, что одержана победа. Осталось только проникнуть в телестудию и прервать поток лживых сообщений, раскрыть перед всей страной истину. Все это так естественно, так просто...

По всей вероятности, именно в это время до сведения собравшихся на заседание Верховного Совета была доведена радостная весть: Останкино освобождено. Через несколько минут начнет работать народное телевидение, которое назовет вещи своими именами. И это было сказано не кем-нибудь, а самим Председателем Президиума Верховного Совета Русланом Хасбулатовым.

Заполнившие зал народные представители вскочили на ноги и дружно зааплодировали, стали поздравлять друг друга. И у меня в душе пробудилась надежда, что в страну вернется демократия, укрепятся ее принципы. Естественно, многие тут же выбежали из зала, чтобы поделиться этой радостью с друзьями, знакомыми. Три-четыре оратора сообщили новость людям, собравшимся перед зданием Верховного Совета и продолжающим свой митинг. Что касается нас, то мы проявили еще большую наивность.

Я зашел в свой кабинет, включил телевизор (в тот вечер часа на два дали свет)... Собрались друзья, знакомые. С каких, интересно, слов начнется вещание нового телевидения? Как обернутся дела? На Российском канале - вещающая ложь Светлана Сорокина. Она рассказывает о событиях в Останкино. Оказывается, там идет настоящий штурм, настоящая война. Слышатся вроде даже автоматные очереди.

- Переведи на первую программу, - посоветовал депутат от республики Коми Николай Ген.

Перевел. А там положение еще более напряженное. «Нет, - сказал диктор, - в таких условиях работать невозможно. Кругом идет стрельба. Вот, кажется, уже поднялись на шестой этаж». И телевизионные передачи на время были прекращены. Что касается Российского канала, то его сотрудники перешли в свою резервную студию.

Мы удивленно переглянулись. А ведь думали, что покончили с неразберихой в стране и комфортно уселись смотреть телевизор. Ан нет же... Не дают спокойно жить... Что там еще за стрельба такая?!

Для тех, кто, подобно нам, успел позабыть, что такое электрический свет, большим достижением было уже то, что телевизор шипит, ничего не показывая. Но все же телевизор — это не самовар, его шипение быстро надоедает. Мы выключили его и вышли на «кипящую» улицу.

Естественно, люди на ней оказались осведомленнее нас. На самом деле, похоже, что события в Останкино не так благополучны. По рассказам, дело обстояло следующим образом. Людской поток подпустили к самому телевизионному центру. А ведь последние два года в эти строго охраняемые места не допускали людей даже поодиночке. У идущих в колонне в руках были красные знамена с серпом и молотом и красные полотнища с политическими лозунгами. Одну группу из тех, кто шел во главе, пропустили даже в само здание. Люди успокоились. Кто-то отошел в сторону и сел на зеленую траву, кто-то прислонился к забору. Там и сям заиграли гармошки, послышались частушки.

И вот в это время, совсем неожиданно, со стороны телевизионного центра открыли огонь.

В это невозможно поверить. Должно было прозвучать хоть какое-то предупреждение. Я расспросил десятки людей. Нет, не было такого предупреждения. В толпу стреляли беспрерывно. Людям, не успевшим даже разобраться, в чем дело, не осталось ничего другого, как лечь прямо на асфальт. И они в течение двух часов не могли поднять голову.

По всей вероятности, именно в это время перестал работать Останкинский канал. Похоже, что слова «стреляют... невозможно работать» были очередной ложью. Потому что, как показала проверка, в это время в толпе еще не было вооруженных людей.

Здание Верховного Совета находится в каких-нибудь десяти километрах от Останкино. И вот когда туда дошли эти вести, Руцкой, по всей вероятности, вынужден был обратиться к митингующим перед зданием парламента. Я был на площади среди людей и своими ушами слышал его слова:

- Уважаемые товарищи, братья, - сказал он. - В эти минуты у Останкино обстреливают, убивают ни в чем не повинных людей. Мы не можем не оказать им помощи. Без промедления во главе с генералом Ачаловым на машинах надо отправиться туда... - И через некоторое время добавил: - Не для того, чтобы воевать, а для того, чтобы спасти наших соотечественников, москвичей, пришедших к нам на помощь... Чтобы вести переговоры...

И тутгодились машины, что были захвачены час-полтора тому назад. Надо сказать правду, на первых двух машинах я увидел вооруженных автоматами военных. А в основном в машины сели молодые ребята. На передней люди подняли красный флаг. Толпа расступилась, давая дорогу автомобилям. За машинами, кузова которых были полны людьми, бежали подростки, норовя сесть на ходу. Было не счесть тех, кто хотел стать свидетелем больших событий.

У некоторых там же оказались матери, жены. Многие кричали вдогонку:

- Андрей, ты там поосторожней...

- Вася, не упади, держись хорошенько...

- Николай, ты-то куда едешь, что ты там оставил?..

Вот таким образом площадь проводила четыре-пять машин. Все они, непрерывно гудя, с развевающимися красными флагами, скрылись на московских улицах. Через центр столицы машины без задержки и без потерь добрались до Останкино.

А там их уже дожидались. По подъезжающим машинам открыли огонь. Многие ребята, даже не успев прыгнуть, остались лежать в кузовах.

Среди тех, кто приехал на помощь, было тридцать-сорок человек, вооруженных огнестрельным оружием. Перебегая и переползая по-пластунски, они начали действовать против воинского подразделения «Витязь», засевшего в здании телецентра и продолжающего осыпать градом пуль находящихся снаружи людей. Началась перестрелка. А площадь полна прижавшихся к земле безоружных. Много убитых и раненых...

Как раз в это время со стороны ВДНХ показались бронетранспортеры.

- На помощь к нам едут БТРы, ур-ра! - крикнул кто-то.

Никто не стал выяснять, кто кричал, и, конечно, все поверили. Люди, только что без движения лежавшие на асфальте, вскочили или, по крайней мере, подняли головы.

Тем временем со стороны Белого дома подъехали еще три-четыре машины с молодыми ребятами. В это время некоторые пассажиры первых машин были еще живы. Это их товарищи проникли на первый этаж здания телецентра.

Подъезжая стройными колоннами, БТРы тут же рассыпаются в разные стороны, сбавляют скорость. И... первым делом начинают косить тех, кто только что приехал на машинах. А затем начинают теснить людей, лежащих на асфальте и оказавшихся между двух огней. Стреляют из крупнокалиберных пулеметов. Вот тебе и помощь армии своему народу!..

Люди, вставшие было на ноги, вынуждены опять упасть на траву или пыльный асфальт. И вот в таком положении их заставляют лежать до самой темноты, дабы никогда впрямь не высунулись против политики «демократической» России.

Оставшиеся в живых, только в полночь разошлись по домам, все еще не веря тому, что наконец избавились от этого кошмара. Раненых не оставили «на линии фронта», а постарались унести на спинах. А мертвые остались лежать...

А последних на заре подобрали военные, никого не оставили. На другой день на площадь не пускали. Издали, из окон многоэтажных домов, лужи крови на асфальте не различишь. То ли это кровь, то ли вытекшее из БТРа дизельное топливо или масло.

Люди, находившиеся в Белом доме или собравшиеся вокруг здания Верховного Совета, тот вечер и ту ночь провели в тревожном ожидании. С одной стороны, все вроде нормально. Хочешь - зайди, хочешь - выходи. Блокада снята. Иди куда хочешь, говори что хочешь - благодать, свобода. В тот вечер сотрудников милиции не было видно не только вокруг Белого дома, но и на прилегающих улицах.

Но все равно напряжение не спало. Вначале, считая минуты, ждали вестей из Останкино. Конечно, ожидали радостных вестей. Но таких сообщений не поступало. Наоборот, говорили, что там много убитых и раненых. Чуть позже я сам видел, как вернулись две из десятка машин, направившихся туда для помощи. Тех, что своими ногами спрыгнули из кузовов, насчитывалось не более десяти-пятнадцати человек. Остальных вынесли на носилках... На площади некоторое время не решались говорить даже шепотом. Потом слышались стоны, крики. Можно было подумать, что в Москве вообще нет больниц, не говоря уже о машинах Скорой помощи. Всех раненых перенесли в двухэтажное здание на другой стороне площади...

Повсюду слышались рыдания. Это плакали матери, которые не смогли отыскать своих сыновей среди раненых. Как, оказывается, мучительно больно слышать жалостные крики несчастных матерей. Эти душераздирающие рыдания продолжались долго.

Но некоторое время спустя площадь немало оживилась. Начались догадки, предположения. Слушаешь и диву даешься. Оказывается, Ельцин с Гайдаром покинули страну на своих личных самолетах. А Попова с Яковлевым с собой не взяли, хотя те очень их просили. Оказывается, группа «Альфа» собирается защищать депутатов. В Москву для защиты Верховного Совета двинулись танковая дивизия из Тулы и десантники из Рязани. О чем только не толковали...

«Ну ладно, будь что будет», - подумал я и, чтобы немного унять тревогу в душе, пошел в более спокойный уголок площади.

Возле баррикады, сложенной из камней и железа, образовался целый палаточный городок. Он всегда привлекал мое внимание, когда я проходил мимо. Этот пятачок я наблюдал и из окна Белого дома. Люди здесь живут постоянно. На первый взгляд кажется, что у всех у них одинаковые судьбы. А если подойти ближе и понаблюдать, то окажется, что совсем разные. На эту беспокойную площадь их привели разные беды. Вот кто-то, с заросшим щетиной лицом, варит кашу на костре. У некоторых в руках гитары, но, как правило, они молчат. Если и бренчат на них иногда, то их не слушают.

Занимающаяся вечерняя заря, догорающий костер, выцветшие глаза... Кажется, их уже ничем не удивишь, ничем не привлечешь их внимания. Я наблюдал за ними, подходя совсем близко, наблюдал, прохаживаясь мимо. Но для них я совсем не существовал. И я решил на некоторую бестактность. Такое иногда простительно для нашего брата - писателя или журналиста.

- Что так приуныли, ребята? - спросил я, возможно, более, чем нужно, бодрым голосом.

Сколько их там сидело, но хоть бы один повернулся в мою сторону. Никто даже не пошевелился. Все же после долгого ожидания я услышал глухой, хриплый голос:

- Че, каши захотел?

Внутри у меня потеплело, кажется, это обратились ко мне. Но поверить этому еще нельзя, потому что никто не повернулся, никто не кивнул.

- Спасибо, ребята, я не голоден, - сказал я, хотя с утра у меня не было во рту ни маковой росинки, ни глотка воды. К тому же, вон сколько у них ртов...

- Не хочешь, уговаривать не будем, - сказал тот же голос. Но я и в этот раз не уследил, кому он принадлежал.

Вроде не о чем было больше говорить, не о чем спрашивать. Срезали они меня, растоптали и срезали - решили, что я пришел на запах каши.

Они стали рассуждать между собой.

- Наверное, кэгэбэшник. Вынюхивает, - сказал один.

- Видали мы таких. Не удивляемся, - проговорил тот, что все время помешивал кашу.

- Нет, - сказал я. - Я народный депутат. Пришел, чтобы познакомиться с вами.

Все равно головы не повернулись ко мне, глаза не оживились. Но один из них, все тот же, что мешал кашу, сказал:

- Депутат - это хорошо... А все же каша вкуснее.

Я чуточку повеселел. А на их лицах хотя бы искорка веселья, хоть бы подобие улыбки. Удивительные люди. Они и не пьяные, и не скажешь, что трезвые. Словом, люди из другого мира.

- Ну ладно, ребята, приятного вам аппетита, - сказал я и счел за благо удалиться. Спасибо им, не сказали вслед ничего непотребного.

Через несколько палаток расположились старик со старухой. На них стеганые фуфайки, на груди - ордена и медали. Странные люди. Тарахтят не умолкая. Издали заметили меня и, перебивая друг друга, стали говорить будто с долгожданным гостем.

- Поздравляем с победой, сынок, - сказал, протягивая руку, старик лет семидесяти-восьмидесяти, напоминающий старца из русских народных сказок. Уже поседевшие, когда-то рыжие густые волосы и такие же усы с бородой. И блестящие приветливые глаза.

Сказать бы им: «С какой еще победой? Победы нет и еще не видно», - но я не смог. Побоялся разрушить угнездившуюся в их сердцах радость. Если они считают, что это победа, пусть себе считают. Пусть почувствуют себя счастливыми хотя бы один день, одну ночь.

- Если бы вы знали нашу сегодняшнюю радость, - вмешалась в разговор старушка. - Словно мы захватили Зимний дворец. Это же победа простого народа. Победа таких стариков, как мы, всю жизнь строивших социализм.

- Я, сынок, радовался сегодня так, как когда взяли Берлин, - подхватил старик.

И тут я еще раз обратил внимание на звенящие на груди ордена и медали. Заметив мое внимание, старик уважительно погладил, расправил их рукой. Это был еще крепкий, красивый старик.

Оказалось, что жена его пишет стихи. Разумеется, политические. Она даже прочитала мне некоторые из них. И как остроумна она сумела зарифмовать фамилии Ельцина, Ерина, Бурбулиса, Чубайса, Шахрая и Шумейко! Жаль, что я не запомнил и не записал их.

За словами стариков не угонишься. Я никогда не встречал пожилых людей, которые бы так раскованно, с такой откровенностью разговаривали с незнакомыми людьми.

Я не стал говорить им о том, что имею какое-то отношение к литературе. Иначе бы мне не уйти от старушки, которая так и сыпала частушками.

Оказалось, что дед воевал на Волховском фронте. Был одним из тех немногих танкистов, которым удалось выбраться из окружения.

- Вы, оказывается, легендарный человек, дедуля, - сказал я и ласково похлопал его по плечу.

Тому есть своя причина. У меня ведь отец тоже был танкистом. И тоже воевал на Волховском фронте. А когда попали в окружение, он, мой отец Мухамметсафа Мухамадиев, вместе с товарищами ушел от власовцев и пробился к своим.

Если бы я сказал об этом, мне бы не расстаться с этим стариком с открытой настежь душой. Возможно, он знал моего отца. Потому что из того окружения вышли считанные единицы. Если бы я сказал про отца, мы бы расстались с дедом как родные... Нет, не сказал. Подумал, если будет суждено, мы еще когда-нибудь встретимся...

У них в душе праздник. А у меня - тревога. Они поздравляют с победой, а у меня - горечь поражения. Меня преследует кровь, что пролилась рядом с Останкино и на московских улицах. Если подумать, то эти старики - близкие мне по духу собеседники. А я норовил побыстрее расстаться с ними, отойти от них. Оказывается, бывает такое состояние души, которое не объяснишь словами.

- Вы мне очень понравились, - сказал я им. - Я приду к вам еще раз.

- Сынок, - уважительно сказал мне этот пожилой русский человек. Сказал по-свойски, не заискивающе, а любя. - Ты тоже мне понравился. Приходи еще раз, будем ждать.

И спросил мое имя.

Я побоялся назвать свою фамилию. Могло статься, она ему знакома. А имя назвал.

- Ты татарин? - просиял он.

- Да.

- Среди татар у нас много знакомых, друзей, - старик посмотрел на свою жену, словно искал у нее поддержки. И задумался. - На фронте тоже много было татар. Даже в нашей танковой роге... Хорошие ребята.

Я сердцем почувствовал, что стоит мне сказать еще хоть слово, задать хоть один вопрос, мы бы обнялись со стариком.

- Мы еще увидимся, поговорим, - только сказал я и счел за благо отойти быстрее. И не знаю, по какой причине, не догадался хотя бы шепотом добавить слова: «если Бог даст».

Они проводили меня с пожеланиями счастья, скорой встречи, как близкого человека, называя меня по имени.

Я не стал поворачивать назад, продолжил свой путь. Если повернешь, опять встретишься с той же полной политических страстей площадью. Наткнешься на знакомых... А у меня сердце куда-то рвется, никак не успокоится. Я и сам не знаю, чего хочу, чего ищу. Хочется просто ходить, наблюдать, видеть... Но не хватает терпения подолгу разговаривать с кем бы то ни было. Такое вот состояние, ничего тут не поделаешь.

Наконец, я обошел последнюю палатку. Какое-то время смотрел на карикатуру, приклеенную к забору стадиона. Да, наш татарский поэт Тукай был прав: народ - он талантлив. Даже в сатирических журналах, выпускаемых профессионалами, не встретишь такой жизненной правды, мастерски схваченных образов.

На той стороне, где находится посольство Соединенных Штатов и гостиница «Мир», висела тревожная тишина. Такая же, что и у меня на душе... Поэтому меня туда и потянуло. Повернул обратно.

- Розалия... Розалия, далеко не уходите... Что это за голос такой? Я даже вздрогнул от удивления. Словно вернулся в свое детство, в родной аул. Это не Хадича ли апа, с коромыслом и ведрами идущая к ручейку, обращается к своей дочери Розалии?..

Я остановился и повернулся в ту сторону, откуда доносился голос. Из крохотной палатки выглядывала черноокая молодая женщина с заплетенными в косы длинными волосами. Увидев бегущих к ней, она вышла к ним навстречу, на ходу поправляя свое платье.

- Где вы ходите?.. Что я вам сказала, - обратилась она к девочкам на чистейшем татарском языке.

Розалии было лет около десяти, а ее сестренке, которую звали Гузелия, было лет пять-шесть. Обе с черными-пречерными, как у матери, глазами и с такими же черными волосами. На них одинаковые платья из красного кумача с зелеными цветочками. На шее голубые платочки.

- Кто вы? Зачем сюда приехали? Что тут делать татарам? - спросил я с ходу. Вижу: судя по одежде, они из Средней Азии.

Девочки, Розалия и Гузелия, подобно птенцам, тут же прижались к матери. Она на какое-то время тоже смешалась. Им, как и мне, наверное, показалось странным, что в самом центре Москвы, на краю площади, где кипели страсти, совершенно незнакомый человек обращается к ним по-татарски.

- Мы - беженцы, - сказала женщина. - Из Таджикистана. Дом наш сожгли. А нам дали двадцать четыре часа... Куда было податься. Вот приехали...

- А почему именно в Москву? Вы же видите, что здесь теперь не до вас. Вы ошиблись, что сюда приехали.

- Так-то оно так. Но куда же деться?! - сказала женщина, прижимая к себе прильнувших девочек.

- В Татарстан, к примеру. В Казань... Почему туда не поехали?

Женщина опять смешалась, как виноватый человек.

- У меня муж русский, - проговорила нерешительно. - Мы слышали, что в Татарстан смешанные семьи не пускают...

Даже не дождавшись, пока она договорит, я отрезал:

- Пустое! Где вы это слышали? Кто вам сказал? Вопрос-то я задаю, но в голове другое: «Вот к каким результатам приводит одно необдуманно брошенное слово. А может, и клевета. Распространенная газетами провокация...»

- Говорят, что об этом писали казанские газеты. Статью перепечатали и в нашем Таджикистане. И в Узбекистане... В Казани, говорят, есть одна женщина-депутат...

- Нет такой женщины, - опять прервал я ее. - Есть только сплетня...

Видать, женщина спокойная, рассудительная.

- Сказала то, что сама слышала, - проговорила она, давая понять, что спорить не собирается. - В Казани у нас родственников нет. Муж мой из Магадана. Ехать туда тоже бесполезно.

- А где же он сам?

- Поехал в Останкино. Брать телестудию, - спокойно и равнодушно сказала женщина. Сразу видно, ей еще не известно, какая участь постигла тех, кто туда отправился. Впрочем, где ей было услышать? Она бережет свое добро, уместившиеся в этой крохотной палатке, и двух своих девочек. Где ее муж, что с ним, жив ли он - один Всевышний ведает. А женщина спокойна, она пока ни о чем не догадывается.

«И тут несчастье. И тут горе-горюшко, - подумал я. - Что они станут делать дальше, куда поедут? Что с ними станет, если отец не вернется? Это не Таджикистан, здесь не перезимуешь на камнях площади. И одежда на них легкая...»

Будь что будет, я поспешил получить ответ на интересовавшие меня вопросы.

- Что оставил ваш муж там, в Останкино?

- Не знаю, - проговорила женщина. - Сказал, что поедет освобождать. Ведь говорят, что туда теперь никого не пускают.

- Что там делать-то, если даже пустят?

- Не знаю, говорю, что слышала...

Я тоже сделал вид, что ничего не знаю. Ну ладно, хватит. Но у меня есть еще один вопрос, который меня занимает с момента нашей встречи.

- Вот вы вышли замуж за русского, - начал я осторожно, чтобы не сказать неуместное или лишнее слово. - Наши женщины тоже выходят. Сорок-пятьдесят процентов татарских девушек выходят замуж за представителей других национальностей. Это случается. Но вы отличаетесь от других. Вы даже удивили меня...

-Чем?

- Муж ваш - русский. А дети разговаривают по-татарски. Даже в самом центре Москвы говорите на родном языке. И имена татарские у ваших дочерей - Розалия и Гузелия... Какие красивые имена!

- А-а, вот вы о чем, - немного оживилась женщина. - Мы жили в поселке недалеко от Душанбе. На нашей улице жили две таджикские семьи и одна узбекская. Все остальные - татары. Там даже узбеки разговаривают по-татарски...

- Татарская женщина, вышедшая замуж за человека другой национальности, не дает своему ребенку татарского имени...

- Это, наверное, от человека зависит. Я не могу отвечать за других. Имя дочерям я выбрала сама, а фамилию они носят отцовскую, - сказала женщина и совсем неожиданно, что-то предчувствуя, растерялась, забеспокоилась: - Вы не знаете, из Останкино еще не приехали?

- Не знаю...

Я не смог сказать правду, соврал.

Тут маленькая Гузелия задала мне интересный вопрос:

- Дяденька, - сказала крошка с голубеньким платочком на шее, - вас тоже прогнали из дома? Вы тоже беженец?

Этот вопрос из уст ребенка подействовал на меня так, словно ударили под колено. Поначалу я совсем растерялся. Не знал, что и ответить. Свел бы все к шутке, но этою делать нельзя, потому что в уставившихся на меня смоляно-черных глазах - тоска, им не до шуток...

- Почему ты так спрашиваешь, сестричка?

- Всех татар, живущих на нашей улице, прогнали. Все стали беженцами. Все татары теперь беженцы, да?!

- Не только татар, но и русских ведь тоже гонят. Среди них также много беженцев.

- Дяденька, вас тоже таджики прогнали? Вы тоже беженец?..

- Я не беженец, Гузелия, я писатель. Пишу книги на татарском языке.

Я так ответил, но насторожился, боясь, что меня спросят: «Что же ты тут делаешь, писатель, если ты не беженец?» Я же вижу, что этот вопрос вот-вот готов сорваться с их языка. Слава Аллаху, он не был задан.

Тут заговорила старшая из девочек - Розалия, которая до этого, не участвуя в разговоре, пряталась за матерью.

- Книжки на татарском языке бывают, дяденька?

- А ты разве не видела их, не читала? - спрашиваю. - А сама так красиво говоришь по-татарски. Даже казанские девочки бы позавидовали.

- Нет, никогда не видела, - искренно ответила девочка, - по-татарски мы разговариваем только на улице. А в школе учимся по-таджикски и по-русски.

Уловив мой вопросительный взгляд, на помощь девочкам пришла их мать.

- Там не было татарских книг. Раньше я выписывала журнал «Азатхатын», но после развала СССР и его перестали присылать.

- Вот оно как... Все ясно.

Гузелия и Розалия перестали чураться и подошли совсем близко ко мне. Я погладил их по головкам. Сказал, что у меня тоже есть две дочери. Маленькая Гузелия поинтересовалась, как их зовут. Дочери мои - Чулпан и Алсу. Имена эти им были знакомы. Алсу - так, оказывается, зовут их мать, и у них была подруга по имени Чулпан.

Нельзя было не восхищаться этими девочками, которые никогда еще не видели татарских книг, но разговаривают на чистейшем татарском языке. Они были красивы и скромны. Я мысленно попросил Аллаху, чтобы никто их не сглазил. Я пообещал, что на другой день вечером принесу им детские книги на татарском языке с цветными иллюстрациями. У меня с собой были не только свои книги, но «Рассказы про гармониста-медведя и певца-обезьяну» Фатыха Карима, «Шавали» Шауката Галиева и еще татарские народные сказки. Все они находились всего в двухстах метрах отсюда, в моем рабочем кабинете. Но чтобы не быть навязчивым, все это я оставил на следующий день. Да и время уже было позднее. Словом, я попрощался и ушел.

И все же не удержался и, немного пройдя, обернулся. Розалия и Гузелия тоже не успели еще отвести глаза. Крошка Гузелия сняла с шеи голубой платочек и долго махала им, словно провожала корабль в далекое море.

Будь у тебя сердце каменное, все равно бы расчувствовался. Ох, судьба-судьбина. В горле застрял комок. Словно прячась от самого себя, я поспешил удалиться быстрее и потерялся в людском море.

Площадь показалась немного успокоившейся. Видимо, то было результатом поступивших вестей из Останкино. Но люди не хотели расходиться. У собравшихся в небольшие группы и в мыслях и на языках было одно и то же: «Расходиться, покидать площадь пока нельзя. В противном случае те высокие круги, судьба которых висит на волоске, могут пойти на любую авантюру. Похоже, что, может быть, именно на этой площади и этой ночью решится судьба страны, судьба народов России. Так что мы не уйдем...»

Читал кто-то из них великого Тукая или нет, но всюду повторяли его слова: «Не уйдем...».

Через дверь под порядковым номером восемь прошел в здание Верховного Совета. Здесь впускают только по специальным пропускам и только народных депутатов. Все же широкая площадка перед ней была полна сотрудников милиции. Все молодые ребята. Отпустив поясные ремни, расстегнув шинели, сидят кто где на мраморном полу. Головы опущены. Их одолевал сон. Но смогут ли они спокойно спать? Кондиционер не работал, форточек нет. Там было холодно и одновременно душно.

...Все они - лаской взлелеянные дети. Их проводили в армию, чтобы они защищали Родину. А они сидят тут подобно пленным. Разоружены. Чего только не пережили они сегодня, и что только не ждет их завтра... Один Аллах ведает. В их глазах - неизвестность, в их глазах - тоска.

Вся эта картина, бросившаяся в глаза при тусклом свете свечей, оставила тягостное впечатление.

Мне надо было еще подняться на два этажа по темным лестницам. Вытащил карманный фонарь. Батареи там уже на исходе, так что свет был тусклый, словно от копилки. Но годится, чтобы не споткнуться.

- Кто идет? - послышался строгий голос. Ой принадлежал офицеру, который стоял на посту в шести-семи метрах от двери моего кабинета. Он сюда пришел по своему желанию и вот уже больше недели не покидал пост. В руках автомат.

- Это ваш сосед... Мухамадиев...

Офицер не стал проверять меня. Кажется, узнал по голосу.

- А я же думал, что вы не вернетесь, - признался он.

- Приняли за труса? Думали, что сбежал?..

- Я не говорю, что вы трус. Но сегодня много было таких, что сбежали в город под разными предлогами...

Время для дискуссий было неподходящее, я поприветствовал офицера и пошел в свой кабинет. И... никогда такого не случалось: почти все члены руководимой мною постоянной комиссии были в сборе. Ждали меня.

- Все, кроме Равика Смирнова, на своих рабочих местах, - с гордостью проговорила секретарь комиссии Валентина Озерова, народный депутат из Орловской области, учительница.

- А что случилось с Равиком Михайловичем? - поинтересовался Юрий Симуков. До депутатства он работал председателем Верховного Совета республики Коми.

- Наверное, приболел, — сказал чеченец Саэтхамзат Нунуев.

- Никакой он не больной, просто сбежал, - отрезал привыкший говорить без обиняков Валерий Хайрюзов. Он был мне близок как друг именно своей правдивостью, прямоотой.

Валерий Николаевич был прав и на этот раз. Действительно, Смирнов, который более трех лет был моим заместителем, предательски сбежал, позарившись на предложенную работу. Но зато он и поныне работает заместителем председателя управления по государственным наградам в аппарате Президента России. Разъезжает в черной машине, может быть, получил и государственную дачу. Что поделаешь, каждый человек - хозяин своей судьбы и каждый волен распоряжаться ею по своему усмотрению и в соответствии со способностями.

Собравшиеся в кабинете все понимают и чувствуют: приближается решающий час. Предстоящая ночь и завтрашний день, похоже, должны внести ясность в происходящие

события. Завязанный узел наконец должен развязаться. Или он развяжется, или его просто разрубят - другого выхода нет. А может быть, последнее слово собираются сказать военные... Если у них не хватит смелости сказать слово в защиту Конституции, то дела наши плохи. Они дорого не возьмут, чтобы сровнять Белый дом с землей. Потому что тем, кто сидит у власти, другого удобного случая может не представиться. Во-первых, кажется, они уже успели убедить многих, что в здании Верховного Совета засели вооруженные до зубов темные силы. Во-вторых, на московских улицах, и особенно у Останкино, оборвалось много жизней, пролилась кровь. А ведь придется все это как-то оправдать и на кого-то свалить. В-третьих, общественное мнение с каждым днем, с каждым часом меняется в пользу Верховного Совета. Надо думать, что большие хозяева, вокруг которых так и кишат зарубежные советники, еще в состоянии понять это...

Перед нами стоит все тот же вопрос: «Что будем делать?» - В комнате на какое-то время воцарилась тишина. Это вопрос, который волнует всех членов комиссии. В то же время готов и ответ, в нем никто не сомневается.

Электрические настенные часы стоят. Но жизнь не остановилась, она продолжается. Время уже позднее. Суетный день 3 октября закончился. Занимается новый день. Скоро первый час ночи. Поспать не удастся, но отдохнуть надо. Мы предупредили друг друга, что заходить в комнаты, окнами выходящие на улицу, запрещается. Женщины решили остаться в моем кабинете. А мы, мужчины, ночь проведем в приемной и в комнате помощников председателя комиссии.

Но спать никто не собирался. Меня попросили подняться на верхние этажи и выяснить у руководства обстановку. Потому что слухов и предположений тьма, но никто не может сказать, как обстоят дела в действительности и что нас ожидает.

- Хорошо было бы вам пойти к самому Хасбулатову. Если он кого-то примет, то только вас, - польстила мне Любовь Ростбитова.

У меня и у самого было такое желание.

Батарейки карманного фонарика совсем сели, поэтому я взял свечу и вышел в темный коридор.

Если не считать стоящих на посту вооруженных автоматами военных, коридоры опустели. Свет от свечи не освещает то, что под ногами, а падает на тебя самого, ослепляет. Шаря руками по стенам, прошел по узкому коридору, по лестнице поднялся на верхний этаж. Поскольку многие двери на ночь закрывались, пришлось идти обходным путем.

Прошел мимо кабинета Рамазана Абдулатипова. При тусклом свете свечи было видно, что там кто-то возится.

Его помощник узнал меня.

- Ба, Ринат Сафиевич, как это вы оказались здесь в такую тревожную ночь? - немного растерявшись от неожиданной встречи, проговорил он. Помощник укладывал какие-то бумаги в картонный ящик.

- Рамазан Гаджимуратович у себя?

- Как вам сказать, - заколебался помощник Председателя Совета Национальностей.

Понял: если кто-то будет спрашивать, ему велено сказать «нет». А мне он соврать не может. Если станет обманывать, тут же попадет. Кроме того, между мной и его шефом были приятельские отношения. Пока помощник мямлил что-то, я прошел прямо в кабинет Абдулатипова.

Он, конечно, не ожидал. Растерялся, словно пойманный вор, позабыл даже поздороваться. Но и на этот раз его выручило природное острословие.

За свою жизнь мне пришлось быть в дружеских отношениях с двумя представителями аварского народа. Первый из них конечно же поэт Расул Гамзатов. Мне довелось быть его попутчиком, сидеть рядом на съездах и разных совещаниях писателей... Много раз приходилось соседствовать и беседовать за столом. Как-то даже находился у его изголовья, когда поэт болел. Но и в такие минуты он удивлял меня своим остроумием и сметливостью.

То было в октябре 1989 года. Я приподнял голову Гамзатова и поднес ему воды. Он омочил губы, но пить не мог. И все же нашел в себе силы, чтобы с трудом пробормотать:

- Спасибо, будто меня девушка в губы поцеловала.
- Попить бы надо было, - говорю я.
- Пусть будет по-твоему, давай, налей граммов пятьдесят коньяку.

А уж когда здоров Расул-агай, ты не успеешь сказать слово, как он, словно заучил заранее, моментально ответит. Да так ответит, что невольно рассмеешься. В острословии ему нет равных.

Однако довольно о Расуле Гамзатове, не о нем речь.

Рамазан Абдулатипов не поэт, а политик. Доктор наук. Прошел школу, работая в аппарате Центрального Комитета КПСС. В нем достаточно хитрости и, если надо, коварства. В отличие от поэта Гамзатова, он не человек чувства. А вот в острословии, находчивости несколько ему не уступает.

В начале девяностых годов его недолюбливали в окружении Ельцина. Но сколько бы ему ни препятствовали, он все равно добивался своей цели. Что называется, его прогоняли через дверь, а он влезал в окно. К примеру, во время какой-то беседы только что избранный Председателем Президиума Верховного Совета России Борис Ельцин сказал ему прямо:

- Пути наши расходятся, мы не можем быть в одной команде, Рамазан Гаджимуратович.

Казалось бы, тут уж нечего ответить. Но Рамазан Абдулатипов не растерялся:

- Борис Николаевич, говорят, что вы хороший волейболист. Я тоже неплохо играю в волейбол. Вы будете наступать, а я вам пасовать, будем играть в одной команде...

Ответ понравился Ельцину. Он самодовольно улыбнулся. Хорошо ли играет Абдулатипов в волейбол - сказать не могу, но не секрет, что когда Ельцин переходил в наступление в национальном вопросе, Абдулатипов был одним из тех, кто подавал ему мяч.

«Жизнь заставит - башмачником сделаешься» - говорится в народе. Вот таким образом Рамазана тогда спас волейбол. А кто-то пролез вверх, подавая теннисные мячи. Время такое.

Ничего не могу сказать, Рамазан - талантливый человек. Не кто другой, а именно он раскусил Шахрая, сказав, что тот «стрижет шерсть у бегущего во всю прыть зайца». Это была сказано в ходе сессии. И как образно и правдиво! Точная оценка Шахрая подходит и для самого Рамазана. Он никогда не упустит «заячью шерсть».

- Я тебя и в темноте узнаю, Ринат, - сказал Абдулатипов, тут же взяв себя в руки. - Вот осталась бутылка дагестанского коньяку. Я уже хотел было пригласить Бориса Николаевича. Хорошо, что ты зашел...

Я указал знаком на набитые доверху картонные коробки:

- Ты, кажется, собрался уйти?

Не было никакого сомнения, что так оно и есть. А он и виду не подал, сразу нашелся.

- Хочется, чтобы все было готово на случай ареста. Степашин ведь свой человек. Забот у него поубавится, - сказал он.

Оказалось, что коньяк у него действительно есть. У людей не осталось даже спичек и свеч, не говоря уже о съестном. А у него - отборный дагестанский коньяк, шоколад, конфеты. .

Выпили из маленьких рюмок. На голодный желудок подействовало сразу, язык развязался.

- Ты сегодня уезжаешь или завтра? — спрашиваю его напрямиком.

- Куда? - говорит он. - Что, уже за мной приехали?.. Без этого я никуда...

- Рамазан, - говорю я, - скажи-ка мне правду, чем кончится эта свистопляска. Не может же вечно так продолжаться.

- Свистопляска... - это ты сильно сказал.

- Ты не считай меня за простака. Я ведь вижу, последнее время ваши отношения с Шахраем наладились. Как ты сам выражаешься, вы выступаете за одну

команду. А в бунте, устроенном против Верховного Совета, Шахрай играет не последнюю скрипку... Тебя не поймешь, ходишь в какие-то согласительные комиссии. А Хасбулатов с Руцким все равно ведь тебе не верят. Воронин тоже не верит. И Сыроватко... Кого же и с кем ты хочешь примирить?!

- Да пропади они пропадом. Не вспоминай ты о них, давай лучше горло промочим.

Кажется, сказанное мной подействовало на него. Довольно долго сидел в раздумье. Но у него и в мыслях не было сказать правду.

- Ты знаешь, Ринат, - начал он, словно говоря от души. - Мы с тобой не Носовец и не Подопригра. Да и не Медведев, которого ты считаешь мордвином. Они отвечают только за свои шаги. А нам с тобой такого права не дано. Не скажут, что сбежал Мухамадиев, скажут: сбежали татары. Абдулатипов тоже отвечает не только за себя, но и за всех аварцев, даже за весь Дагестан. Мы с тобой не можем покинуть Белый дом. Не можем, если даже он проклят. Будет тяжело снести упреки в трусости, продажности.

- Спасибо, - сказал я ему. - Ты сказал слова, которые так и вертелись у меня на языке. Что бы ни случилось, мы не можем уйти отсюда, пока напряжение не спадет.

Расстались мы до встречи на следующий день живыми и здоровыми... Не прощались...

По темному узкому коридору поднялся на этаж Хасбулатова. В двух местах проверяли, кто я такой. Освещали карманным фонариком красное удостоверение и пропускали дальше.

В приемной, которая всегда сияла светом своих пышных люстр, было два охранника, и помощник Хасбулатова, который что-то писал при свете свечи.

- Руслан Имранович, видимо, спит? - спросил я, немного смущенный своей бесцеремонностью.

- Вот уже третьи сутки его сон не берет, - сказал помощник. - И таблетки пробовал принимать, но все бесполезно.

- А сейчас у него есть кто-нибудь?

- Только что закончилось совещание. Один остался.

- Может, доложите? Правда, не такое уж срочное дело. Просто на душе беспокойно.

Конечно, в Верховном Совете были бюрократы. Но в окружении Хасбулатова такие не задерживались. В любое нужное время для любого депутата двери были открыты.

За большой толстой дверью помощник пробыл всего несколько минут. Широко раскрыв ее, попросил войти.

- Руслан Имранович ждет вас, Ринат Сафиевич.

Зашел. Хасбулатов сидел за столом и курил трубку. Увидев меня, встал, пошел навстречу и пожал руку. Поговорили о самочувствии.

Не успели посидеть и пяти минут, как кто-то сделал сообщение по рации. Хасбулатов внимательно выслушал. Улыбнулся.

- Я знал, что так оно и будет. Абдулатипов погрузил свои вещи и уехал на черной «Волге», - сказал он спокойно.

Я лишился дара речи. Все, что произошло совсем недавно, всего десять минут назад, было мучительно трудно сопоставить с тем, что я только что услышал. Впрочем, это не было неожиданностью для тех, кто хорошо знал Рамазана. Хотя он и считал себя хитрым и умным, многим давно уже было ясно, что в определенных условиях он может пойти на все. И этой вести никто не удивился. Еще через день, когда члены руководимого им Совета Национальностей страдали от телесных и душевных ран, пришло известие, что Президентом издан указ о назначении его на ответственную должность. Это же тот самый человек, подумал я, который чувствовал себя единым целым с аварским народом и Дагестаном.

Слава Аллаху, после того расставания мне не довелось больше видеть его. Да и нет у меня такого желания. По всей вероятности, ему не хочется встретиться со мной. Ведь

именно я был последним человеком, который видел его до того, как он изменил свое обличье.

Итак, мы сидим наедине с Председателем Президиума Верховного Совета России Русланом Хасбулатовым в его кабинете. Уже час ночи. Следовательно, наступило 4 октября. Мы видели, как начинался этот день, но даже представить себе не могли, как он закончится, хотя в близких к Ельцину кругах и в кабинете Черномырдина, до этого дня игравшего роль скромного хозяйственника, все уже было решено и все подготовлено. Может быть, наши теле- и радиокomпании еще не в курсе происходящего, но камеры американского агентства Си Эн Эн были уже установлены в нужных местах.

Рамазан Абдулатипов, разумеется, тоже оказался в курсе событий, которые должны были произойти на другой день. Источником моего безграничного к нему презрения является то, что он покинул нас, думая: «Пусть себе подышают!»

Хасбулатов показался мне заметно осунувшимся, похудевшим. Непрерывно курил трубку. В таких случаях много есть о чем поговорить, но ты мучаешься, что не знаешь, с чего начать. И твой вымученный вопрос оказывается совсем некстати.

- Неплохо бы вам хоть немного поспать, Руслан Имранович. Выглядите усталым.

- Ты тоже не похож на выспавшегося, - ответил он мне. И тут же посетовал: - Тут разве до сна... Как можно, Ринат, думать о сне в то время, когда растоптана Конституция, осквернена высшая власть страны - Верховный Совет?!

- Нет ли каких-либо вестей, дающих основание для радости, Руслан Имранович?

- Разговоров много, Ринат. Нет недостатка и в вестях, сообщениях. Только вот ни одно из них не претворяется в жизнь.

- Говорили, будто какие-то воинские части идут к нам на помощь. Правда ли это?

- Я уж не знаю, что и сказать, Ринат. Сидя со мной вот так, с глазу на глаз, заходя вместе с Руцким и Ачаловым, столько генералов дали мне слово. Некоторые из них арестованы, двое вроде покончили самоубийством. От других нет никаких вестей. Вот такие дела.

- Ходят слухи, что из Тулы идет танковая дивизия. И еще какие-то десантники...

- Слухов много. Вполне возможно и то, о чем сказал ты. Только вот жаль: стоит родиться слуху, тут же принимаются меры, чтобы он не оправдался. Посмотрим, что получится... Нам силы нужны не для войны, а для того, чтобы пресечь поднятый против Верховного Совета бунт. Преступный режим знает: приближается его последний час, поэтому можно ожидать любую пакость.

- Руслан Имранович, не теряет ли руководство Верховного Совета свое единство? - спросил я.

- Сам видишь, на Абдулатипова и Соколова надежды нет. Впрочем, я им и не верил никогда. Исправникова тоже не поймешь. Он хочет воспользоваться этой политической обстановкой, потому и кидается то в одну, то в другую сторону. Воронин держится крепко. Агафонов - человек надежный. Нет претензий к Руцкому и трем министрам - Ачалову, Баранникову и Дунаеву. В то же время не видно конкретных дел с их стороны, больше слов и обещаний... - Он долго сидел в раздумье будто не решался сказать слова, вертящиеся на языке. - Людей, Ринат, никак не разглядишь до конца. Порой и самому себе не веришь. Становятся предателями те, кого ты считал своей опорой. Эти качества особенно присущи находящимся в высоких кругах и вкусившим сладость положения и богатства. Честных людей мало. В высоких кругах нет и не может быть той дружбы, которая бывает у простых смертных.

- Руслан Имранович, - поспешил я перебить собеседника, - нельзя терять веру в людей. Вам в особенности!

- Сам видишь, я верю окружающим даже больше, чем следовало бы. И вот пожинаю плоды такого отношения. Ты, наверное, помнишь, как я преданно служил в свое время Ельцину. Шумейко, Шахрай, Яров, Рябов, Степашин - ведь все они с космической быстротой поднялись по ступенькам власти. Филатова из безработного я сделал секретарем Президиума Верховного Совета. Как только он меня не обхаживал. Теперь все они поднялись против Верховного Совета, против Конституции.

- Знаю, все происходило на моих глазах, - сказал я. - Один Юрий Яров, по-моему, не участвовал в подрывных делах... Он, кажется, лучше других знает жизнь. Кроме того, у него большой опыт работы в органах власти Ленинградской области.

- Ты прав, - сказал Хасбулатов. - Действительно, Юрий Федорович предпочитает стоять несколько в стороне от политических баталий. Злом на добро не отвечает.

- Республики и области активно поддерживали Верховный Совет, - сказал я, несколько уклоняясь от темы разговора. - Последнее время это движение или остановилось, или до нас информация не доходит. Ни о ком, кроме Тулеева, Илюмжинова и Аушева, не слышно.

- Республики и области в отдельности ли, совместно ли приняли много обращений и, по-моему, старались сколько могли. Только вот никто к их голосу не прислушивается. И не прислушаются. Слово «демократия» понадобилось нашим только, чтобы прийти к власти. Теперь же исполняется лишь то, что придет в голову «деду» и что напишет Шахрай. У регионов никто не спрашивает. Что касается народа, то о нем вообще забыли. Того, кто не согласен, избивают или убивают.

- У меня такое и в голове не укладывается, - искренне сказал я.

А Руслан Имранович опять зажег свою трубку, глубоко затянулся.

- Кстати, об активности. В твоих словах есть правда, - проговорил он, посасывая трубку. - В России республиками и областями в основном управляют опытные, умные люди. Все они - партноменклатура. А ведь это - настоящая каста, прошедшая своеобразную академию. Они привыкли мыслить, глядя наверх, хорошо знают, что значит идти против «деда» или «дяди». Сегодняшнее положение и карьера дались им нелегко. Им невозможно было подняться вверх по ступенькам иначе как проползая на животе. Даже те из них, у кого сердце льва, в конечном счете - трусы. Эта трусость безропотно распустит КПСС - партию, перед которой когда-то преклонялись, эта трусость прикончила СССР. Во время событий августа 1991 года мы увидели, кто есть кто. Имея на руках такую силу, они затряслись от страха. До тех пор, пока не высохнут корни партноменклатуры, в России демократии не будет.

- Значит, придется очень долго ждать.

- Придется ждать или бороться, - добавил Хасбулатов и какое-то время сидел молча.

- Ну ладно, - сказал я. - Я отнял у вас много времени, пора уходить.

- Посиди немного, - сказал он и глубоко вздохнул.

У него был вид обиженного ребенка. Несмотря на то, что характер у Хасбулатова не из легких и в свое время мне довелось услышать от него немало обидных слов, он для меня был понятным и близким человеком. Не двурушничал. Мог войти в положение человека, прийти ему на помощь. Не держал зла. В то же время - упрям и неуступчив.

- Руслан Имранович, вы не казните себя. Вы боролись насколько хватило сил. Это все понимают, все видят. В стране и в республиках очень много людей, которые любят вас. Среди русских таких особенно много. У вас доброе имя и в глазах мировой общественности. И вы не запятнали его. Все пройдет, даст Аллах, все образуется, - сказал я на прощанье. И встал с твердым намерением уйти.

Протянул руку через стол. Хасбулатов не спешил дать свою в ответ. Положил трубку, вышел из-за стола и подошел ко мне, положил руку на плечо.

- Ты помнишь, - проговорил он, - как мы последний раз сидели в Стамбуле в гостинице «Хилтон» и разговаривали от души. Трудно сказать, где произойдет следующая встреча... Да будет ли суждено встретиться... - Он долго молчал. В его глазах что-то блеснуло. Может быть, он расчувствовался - не знаю, утверждать не могу. Подошли к двери. Он не снимал руки с моего плеча.

- Во всяком случае, надо бы встретиться живыми, Руслан Имранович, - промолвил я. - И на свободе...

Говоря так, я не мог предположить, что Хасбулатов встретит следующую ночь в одиночной камере тюрьмы Матросская тишина...

Подойдя к самой двери, мы крепко пожали друг другу руки.

- Может быть, тебе надо сейчас выйти в город, Ринат, - сказал он. - Нельзя предугадать, что будет завтра. А тебе еще надо жить, надо служить своему народу...

- Спасибо, — сказал я, нисколько не сомневаясь в искренности его слов. - У меня здесь есть много друзей, единомышленников, Руслан Имранович. Я не могу их бросить. Что суждено, то и будет, я остаюсь здесь, с вами.

- Тебе виднее, - сказал Хасбулатов, когда я уже раскрыл входную дверь.

И снова темные коридоры... На каждом углу сухие, короткие возгласы: «Кто идет?», «Покажите документ...» и щелканье автоматов, возвещающее, что в противном случае будут стрелять...

Зажигать свечу не стал. Шел ощупью, но все равно добрался до своего этажа.

Ждали. Спать не могли.

- Как там? Помощь идет? - первый вопрос.

- Ясности пока нет, - сказал я.

Задают вопрос за вопросом. И что за чудо, никто не пекся о своем благополучии, все были озабочены судьбой страны, ее будущим. Пусть читатель не воспримет это как красивые слова, было действительно так.

- Завтра в семь утра заседание Верховного Совета, - сказал я, и мы пожелали друг другу спокойной ночи. Женщины опять пошли в мой кабинет. Кто-то расположился в приемной комнате. А мы - Хасан Хабибуллин, известный эвенкийский писатель Андрей Кривошапкин и я - прошли в тесную комнатенку, где были размещены компьютеры. Сейчас уже не помню, кто где устроился. Я сел в кресло... Постельных принадлежностей нет, в комнате холодно. На душе неспокойно. Сон не шел. Но между собой не разговаривали, мысли каждого кружились в водовороте собственных впечатлений.

Хотя и не спишь, глаза смыкаются. В бессонные ночи вообще мысли как-то рассеиваются, в глазах туманится. Вроде не сплю, а вижу сны. Вдруг началось какое-то движение, поднялся гул, будто танки идут. Может, на Красной площади готовятся к Октябрьским праздникам?.. Ведь до ноября осталось совсем немного. Похоже на звуки, когда тяжелые танки со скрежетом поворачиваются на брусчатке. Шум-гам, непрерывный гул... Снова звуки двигающихся танков... Постойте, как будто кто-то кричит, плачет, зовет на помощь...

Тем временем почти у самых ушей - треск очередей. Нет, это не вчерашние автоматы. Стреляли из пулеметов. Из крупнокалиберных пулеметов...

Так это же не сон, все происходит наяву. Я испуганно вскочил.

- Хасан, Андрей... - крикнул я, не зная, что и делать. - Штурм ведь начался, вы что тут лежите?!

- Лежим потому, что лежишь ты, - сказал Андрей, моргая, словно прищуренными, узкими глазами. - Ты руководитель комитета. Что скажешь, то и будем выполнять, как во время войны.

- Ты не шути, - говорю я ему. - Сейчас не до шуток.

- А я и не шучу вовсе, - отвечает Андрей Кривошапкин. Он родился и вырос в суровой тундре. И взгляды у него серьезные. - Там, в соседней комнате, женщины не знают, что делать и куда идти. Ты руководитель, тебе принимать решение.

- А что ты посоветуешь, Андрей Васильевич?..

- Откуда мне знать. Я вообще не знаю ваших московских порядков. Я бы вам сказал, если бы мы были в тайге или тундре.

Хасан тоже молчит. Гадает, сон это или явь. Сидит и молчит. Наверное, вспоминает оставшуюся в Азнакаево любимую жену и детей.

Вышли в приемную комнату. Словно почувствовав наше перемещение, открыли дверь и с той стороны. Какими бы бесстрашными и мужественными они ни старались казаться, женщины были все же растерянны.

Пулеметы беспрерывно стреляли. Вот, кажется, стали отвечать и автоматы из здания Верховного Совета. Начался настоящий бой. Не одиночные выстрелы, а сплошная перестрелка...

Я осторожно подошел к двери, ведущей в коридор, приоткрыл ее, и как раз в этот миг случайная пуля пробила стекло в окне над коридором. В комнатах, выходящих на улицу, с треском разбивались стекла, двери были изрешечены пулями.

По коридору осторожно продвигался народный депутат Ильенков. Он уже пожилой, крупнотелый человек, долгие годы работавший первым секретарем в Калининской области. Пользовался авторитетом среди своих сверстников и молодежи. Увидев раскрытую дверь, подошел к нам.

- Вот такие дела, Ринат, - изумленно сказал он. - Там, на площади, словно косою косили, раскрошили...

В глазах прожившего жизнь человека я увидел не страх, а слезы.

- Тут нам оставаться нельзя, - проговорил я, ища какой-то выход из создавшегося положения. - Давайте потихоньку двигаться к залу заседаний Совета Национальностей. Другого пути к спасению нет.

Ильенков двинулся первым. За ним, подобно послушным утятам, гуськом потянулись другие. Как хозяин кабинета, я должен был подождать, пока все выйдут. Тем временем из другого кабинета напротив вышел шестидесятилетний депутат из Новосибирска - Боков.

- Ах, сволочи, - сказал он, качая головой, и стал шарить в карманах в поисках ключа. - Расстарались пуще фашистов. Ничего человеческого в них не осталось.

Бокову не совсем нравилось, что я часто говорю о национальных республиках и их правах. Я вспомнил об этом, и с моего языка невольно сорвалась колкость:

- Кого вы ругаете, они же солдаты единой, неделимой России.

- Не знаю, русские ли они?

- Может, вы хотите сказать, что это татары или чеченцы?

Он понял меня и покачал головой, как бы говоря «нет», и дружески улыбнулся.

Я подошел к соседу, который никак не мог попасть ключом в скважину. Он был в толстых роговых очках и вдобавок волновался.

- Пожалуйста, немного подождите, я только взгляну на площадь. Не могу поверить тому, что вы сказали.

- Голову туда не высовывай, Ринат. Не советую, - сказал Боков и хотел остановить меня, придерживая за рукав.

- Простите, я только посмотрю, - сказал я, не обращая внимания на его возражения, и зашел в комнату. Чуть согнувшись, прошел к окну и, прижимаясь к стене, одним глазком бросил взгляд на площадь...

Пол словно качнулся под ногами, голова закружилась. Я остолбенел. Невозможно было поверить глазам. Мне иногда кажется, что я и сейчас не могу этому поверить. То страшное зрелище, которое в тот миг предстало перед моими глазами, описать невысказано.

Было такое впечатление, будто на стаю гусей наехал управляемый пьяным шофером грузовик... Одни лежат навзничь, другие - лицом вниз, третьи еще дергаются в конвульсиях. Их не счесть: один, второй, третий... Это самоотверженные люди, которые в течение нескольких суток днем и ночью защищали Верховный Совет, живым щитом окружив его здание. БТРы, расставленные по четырем углам площади, все еще косили их, непрерывно посылая на людей свинцовый дождь из крупнокалиберных пулеметов. Стреляли не для устрашения - для того, чтобы убить. Не для того, чтобы валить их с ног, - чтобы уничтожить, совсем подрезать корни. Кто в предсмертных судорогах поднимал голову, того пули тут же валили на землю.

Из здания Верховного Совета вдруг выбежали две женщины в белых халатах. В руках белые платки. «Не стреляйте, мы идем на помощь», - хотели, видно, сказать. Но стоило им нагнуться, чтобы оказать помощь лежащему в крови мужчине, словно обмакнули в кровь их белые крылья. Их срезали пули крупнокалиберного пулемета. Они упали на человека, который привстал было, прося помощи. Одна упала лицом вниз, другая - навзничь, запрокинув голову назад. Белесые кудри рассыпались, развеиваясь на ветру. Казалось, она хотела перед смертью в последний раз взглянуть в голубое небо. Тут у меня словно что-то звякнуло в висках. Будто какая-то очень важная струна натянулась, готовая лопнуть. Где

же та, вчерашняя, палатка? Где Розалия и Гузелия?! Живы ли девочки, которые убежали от смерти в Таджикистане?

Струна натянулась до предела... Знакомая палатка безжизненно провисла.

От порывов ветра она будто взвивалась, готовая взлететь. Но одна из веревок, натянутых с четырех сторон, осталась целой. И только она удерживала взлетающие от ветра клочья палатки.

Я, быть может, не обратил бы на это внимания, но из новенького бронетранспортера, стоявшего на углу гостиницы «Мир», стреляли точно по палатке. Из крупнокалиберного пулемета. Темно-зеленый брезент совсем уже растрепался, а маленькие клочья материи уносились ветром в разные стороны. По всей вероятности, стрелявшие решили совсем уничтожить эту палатку. Кому-то это надо было. Я обратил внимание: до этого стрелял один пулемет. Вдруг их стало два. И они палили, словно соревнуясь друг с другом. Вдруг неустойчивый осенний ветер оторвал последний клочок зеленой материи. Мне показалось, что это улетали души лежащих в крови москвичей, россиян.

Но что я вижу?! На оставшийся от палатки железный столбик порывом ветра накинulo другой кусочек брезента. Нет, нет, не брезент, а знакомый мне синий платочек... Уж не Розалии или Гузелии ли он? Сердце сжалось. О Аллах, неужто убили и девочек? В чем же вина этих малюток? Кому они помешали?

Я не мог оторвать глаз от этого платка. Невозможно смотреть ни вправо, ни влево, ни вперед. Всюду кровь и безжизненные тела... Если на площади и было что-то живое, то этот синий платочек.

А сами девочки - Розалия и Гузелия? Где они? Задаю себе вопрос, а сам боюсь переместить взгляд вниз. Там, где стояла палатка, - царство страшного безмолвия. Мертвая тишина. Страшно смотреть, страшно прислушиваться. Девочки... Эх вы, девочки. Они неподвижны. Словно в глубоком сне. Они и не думают проснуться. И отец, по всей вероятности, не вернулся. А мать с ними. Она обеими руками обняла своих девочек и упала навзничь. Видно, хотела грудью защитить детей и не успела...

Предельно напрягая зрение, я уставился на малышек, лежащих в объятиях матери. Вдруг они живы?! Не нужна ли им какая-нибудь помощь?.. Во мне все еще теплилась надежда. Может статься, что они вот-вот поднимут головы. На худой конец, хоть одна из них встанет и, желая разбудить, прильнет к развевающимся черным волосам матери.

Я ведь сегодня должен был порадовать малюток. Еще вчера с вечера приготовил для них татарские книги с разноцветными рисунками. Каким образом помочь им? Неужто я такой уж беспомощный?..

Они сказали, что были сосланы из Таджикистана. И вот каким гостеприимством встретила их столица России. Навеки взяла в свои объятия!

Площадь, на которой пролилась кровь Розалии и Гузелии, ныне обнесена каменной стеной. Теперь по ней на больших черных лимузинах проезжают только большие начальники. Бронетранспортеры без опознавательных знаков оттуда убраны. Подкосившие девочек пулеметчики, по всей вероятности, любовно подкидывают на руках своих дочурок... А синий платочек, прилипший к одинокому железному столбику, всегда у меня перед глазами. Все еще развевается. Все еще не дает мне покоя... И когда выхожу на улицу, отправляясь на работу, когда отвожу за ручку младшую дочь в школу, - я всегда гляжу в синее небо. Среди птиц, летящих в сторону Казани, я всегда ищу синие платочки Розалии и Гузелии.

- Ринат, сколько тебя можно ждать? Ты что, хочешь, чтобы тебя убили?! - крикнули мне.

Оказалось, это Боков. Он все еще стоял у двери, ожидая меня.

Я еще раз кинул взгляд на мертвую площадь, носящую ныне название Свободной России, и на все еще продолжающий трепетать крыльями синий платочек и отвернулся. И в этот миг наконец лопнула та самая струна, которая вот уже сколько времени звенела от напряжения в моих висках. Лопнула надежда? Навечно рассеялась вера в правящих политиков?! Точно сказать не могу. Во всяком случае, с этого момента со мной что-то стряслось, и я до сих пор не могу вернуться к моему прежнему состоянию.

Где на четвереньках, где и вовсе ползком мы двинулись вперед по узкому коридору. Оказалось, мы изрядно задержались. Все те, кто был живой в здании, давно уже перебрались в зал заседаний Совета Национальностей. А нам еще предстояло подняться на третий этаж. А дорога одна - пройти через буфет, стена которого состояла сплошь из стекла. Сердце екнуло, когда стали подниматься по лестнице: оконные стекла сплошь в дырочках, со стороны улицы стреляют. Дует холодный ветер: с дребезгом сыплются разбитые стекла, дребезжат хрустальные люстры.

Мы приостановились. Но стоять на краю лестницы - тоже небезопасно. То здесь, то там с душераздирающим свистом пролетают пули. Нам надо пройти метров пять открытого пространства, а дальше можно будет продолжать путь держась за стены.

- Кто первый? - спросил Боков.

Похоже, он хотел сказать: ты моложе, может быть, рискнешь?

- Ну ладно, я пошел, - сказал я. И, улучив момент, когда автоматные очереди приумолкли, пригнулся и рванул вперед.

В два-три прыжка я очутился у противоположной стены. Но мое движение привлекло внимание стрелявших. Началась непрерывная пальба. И это были не случайные выстрелы — стреляли туда, где я пробежал. Пули совсем раздробили выступающий угол стены, к которой я прильнул.

- Вы не торопитесь, немного подождем. Перестанут, - посоветовал я Бокову.

Подобно бегуну, ставшему у стартовой черты, он ждал моего сигнала. Так и не дождавшись удобного момента, он вынужден был выпрямиться.

- Откуда они стреляют? - удивленно спросил он. - Мы находимся на третьем этаже, а они видят, как мы пробегаем на полусогнутых ногах...

Вопрос был действительно интересный. Стрелявшие не могли находиться на площади или в сквере. Единственное здание, которое видно через окно, - это посольство Соединенных Штатов Америки... Но возможно ли такое? Перед окном не видно вертолетов. Значит, стрелять больше неоткуда. Следовательно... страшно подумать, делать выводы...

И все же стреляют. По всей вероятности, они приняли нас за военных, охраняющих здание Верховного Совета.

- Что будем делать? - спросил я Бокова, когда стрельба на миг прекратилась. - Они ведь и вас могут пристрелить, так что голову не высовывайте.

Пожилой, опытный человек, он нашел неожиданный выход.

- Пока нас преследует единственный снайпер, - сказал он. - В его руках винтовка с оптическим прицелом. Шутить нельзя... Ты вот что сделай. По стенке пройдишь вперед, наткнешься на нечто вроде шкафа. Открой его и найдешь там что-нибудь вроде ведра или лопаты. Принеси сюда. Мы обманем этого снайпера, небось не семи пядей во лбу...

Я сделал все, как он велел. Правда, лопаты там не было, зато нашел выкрашенное красным ведро и что-то вроде багра.

- А что с ними делать?

- Багор ты пока отложи в сторону. А ведро время от времени высовывай на уровне головы.

- Я понял. Но вы перебегайте согнувшись.

Не успел я показать доньшко ведра, как три-четыре пули изрешетили его - ведро даже вырвало из моих рук. Но стрелок не заметил человека, перебежавшего открытую площадку подобно зайцу. Вернее, увидел с опозданием, не успел...

Тут только мы вздохнули спокойно. Все-таки мы его обманули...

В знак благодарности Боков, проходя, коснулся моего плеча.

- Ты меня спас, Ринат, - сказал он.

Я тоже в первый раз в жизни (я уже сказал, что он недолюбливал меня за то, что я защищал интересы Татарстана) обратился к нему уважительно:

- Спаслись, Владимир Анатольевич, спаслись.

На площадке для курильщиков перед мужским туалетом стояла группа знакомых мне депутатов. Подошел к ним. Все столпились вокруг Бабурина. Слушали... Но не самого

Бабурина, а радиотелефон, что тот держал в руках. Не знаю как, но, оказалось, что им удалось соединиться с каналом военных, штурмующих здание Верховного Совета.

- «Меркурий»... «Меркурий»... Я - «Марс». Слышишь?

- Слышу, мать твою... Как не слышать... твою гробовую доску... Говори... (семиэтажный мат).

- Товарищ командир, наши танки вышли на Кутузовский проспект. Но двигаться трудно... На улице народ. Что прикажете?

- Тебе говорят, выполняй приказ... (ругань).

- Я понял, товарищ командир. Люди не дают двигаться, встали поперек дороги...

- Какие люди?! Сказано тебе: выполняй приказ (ругань).

- Женщины, ветераны с орденами и медалями на груди, дети, товарищ командир.

Продвигаться трудно. Невозможно.

- Вперед... Тебе же говорят: вперед (ругань). Ветеранов вместе с их орденами, мать их так...

- Танкисты остановились, двигаться они дальше не могут, товарищ командир. Женщины легли поперек дороги, бросаются под танки. Говорят: «Не пустим, там наши дети, защитники Родины!»

- Дави. Дави их (такая ругань, что ушам своим не веришь). Заодно скажи им, что их детей уже нет в живых. Мать их... этих защитников вместе с их родиной...

- Они бросаются... Давятся, товарищ командир. Так нельзя двигаться. Ведь с меня спросят...

- Дави, говорят тебе. Твое дело двигаться вперед. Женщина ли, ветеран ли, таракан ли какой-нибудь. Несмотря ни на что, вперед, в душу, в Бога мать. Понял?

- Понял, товарищ командир.

- Приходится давить и топтать. На то и танк, майор. Давайте быстрее, быстрее там. Недаром вам за день двухмесячную зарплату обещали. Понятно тебе, майор?!

- Понял, товарищ генерал.

- Вперед... Вперед... Посылай их туда, откуда они вылупились.

На этом месте связь прервалась.

- На другую волну перешли, - сказал Коровников.

Он человек военный, наверное, знает. Видя, что все с нетерпением ждут, Бабурин стал искать другую волну.

Когда немного умолк стрекот автоматов и пулеметов, совсем близко послышался гул вертолетов. Их было несколько. Депутаты кинулись к окнам, выходящим во двор.

- Интересно, кто это, не к нам ли на помощь? - такой вопрос был у всех на устах и в мыслях.

- Говорили, что из Рязани должны прибыть авиадесантники. Может, они?..

- Из Рязани не может быть. Может быть, вертолеты?..

- А может, из Московского военного округа? Говорили, что там есть близкий друг Руцкого.

- Помощь пришла... помощь. Десант пришел... - слух этот моментально дошел до депутатов и аппаратных работников, коими был битком набит зал заседаний Совета Национальностей. Кто-то даже крикнул «Ура!» Кто-то начал топтать ногами, аплодировали.

Я тоже подошел к окну и поверх остальных голов вытянул голову. Один... два... три... успел я насчитать. Вертолеты зависли над зданием Верховного Совета.

И вдруг с них начали стрелять... Я своими глазами видел окутанные черным дымом зажигательные снаряды. Кто-то с верхних этажей стал отстреливаться из автомата. Поднялся шум. Перед окнами опустело. От депутатов не осталось и следа, их как ветром сдуло. Вертолеты стреляли зажигательными снарядами, чтобы создать панику внутри здания.

Все понятно. Значит, они взялись всерьез. Много душ будет погублено, много крови пролито... Чем кончатся эти события — видимо, один Аллах ведает. Чуть приподняв опущенную от таких мыслей и от безысходности голову, я зашел в оставшийся без Председателя зал заседаний Совета Национальностей.

Уютный зал, спроектированный наподобие древнегреческих амфитеатров, напоминал в эти дни набитую сельдями деревянную бочку. Даже в проходах яблоку негде было упасть. Почти всюду — знакомые лица. Изменилось, стало другим только выражение их глаз. Они словно не видели друг друга. Каждый погружен в свои мысли, каждый словно забылся...

Я стоял у двери, смотрел и диву давался. Тут были бывшие секретари компартий республик и областей. И те, кто называл их «партократами» и по каждому случаю кричал о «демократии» и «правах человека». Депутат, из кожи лезший вон, чтобы разрушить СССР, сидел рядом со своим оппонентом, доказывавшим, что это будет преступление, которого история никогда не простит. Теперь у них общая судьба. Здесь были и голосовавшие на первом съезде за избрание Ельцина Председателем Президиума Верховного Совета. Были и пророки, предупреждавшие еще в те дни, что этот политик может стать опасным диктатором. От этой разноликости невольно опустишь голову. Вдобавок, невозможно представить, чем закончится сегодняшний день, что ждет нас в будущем.

- Есть ли здесь врачи?.. Врачи нужны, врачи, - раздался вдруг громкий голос из-за ведущей в зал левой двери. - Жизнь людей висит на волоске, нужна помощь...

Сердце екнуло. Значит, ветер смерти, повалив, кого мог, на площади, теперь проник и внутрь здания. Без того сникший было зал и вовсе погрузился в тишину.

Врачей среди нас было немало. Первым поднялся министр здравоохранения Чувашской Республики Николай Григорьев. Последовавший за ним тоже был чуваш - Станислав Николаев. К ним присоединился избранный от Казани депутат Вячеслав Пырков.

Тем временем из-за двери послышалось еще одно объявление:

- Приглашаем только врачей-мужчин. Женщины пока не требуются.

- Врачей нельзя разделять на мужчин и женщин. - Женщины выразили недовольство и вернулись обратно. Среди них была и татарка, избранная от Башкортостана, - Розаханым Низаметдинова.

В зал одна за другой поступали все новые тревожные вести: у Рущкого убили двух помощников. У обоих прострелены виски... Окна занавешены драпировкой, по всей вероятности, у штурмующих имеется устройство, позволяющее видеть сквозь шторы... В верхних этажах центрального здания заживо сгорело много людей. Некоторые из них, не видя другого выхода, живыми факелами бросались вниз...

Не найдя места, чтобы сесть, я решил выйти и немного пройтись. Военный, дежуривший у двери, посоветовал не выходить или, в крайнем случае, находиться где-то поблизости.

Хотя у меня не было особых дел, я не стал возвращаться обратно. Не станут же заблудившиеся пули искать именно меня.

Я был поражен. Всего каких-нибудь полчаса отсутствовал в зале, и за это время столько изменений. По тесному проходу невозможно пройти, на полу полно раненых. Они сидят, зажав руками раны. Иные стонут. Какой-то мужчина в военной форме лежит на полу и то ли в бреду, то ли в предсмертной агонии ругается на чем свет стоит и прокликает «Ельцина и его банду». Заодно кого-то обвиняет в трусости.

Тем временем мимо меня, скрипя блестящими сапогами, прошла группа каких-то военных в брюках-галифе. Я впервые встретил подобных людей. И более всего привлек мое внимание странный нарукавный символ, напоминающий фашистскую свастику.

- А кто они такие? - спросил я у Ильи Константинова.

- Это баркашовцы. Ребята, которые станут опорой России, - ответил он.

Не знаю, подумалось мне, во всяком случае, благоприятного впечатления они не оставляют. А каковы их истинные цели - пока неизвестно...

Между тем в тот день в этом здании было много людей, которые действительно могли бы стать опорой России. Я не могу категорично судить о баркашовцах. А вот мое подозрительное отношение к тем ребятам, которые только что встретились, оказалось, было отнюдь не случайным. Эту группу я опять встретил уже под вечер. Мимо двух

офицеров, которые «сортировали» захваченных в здании Верховного Совета, они прошли смеясь и перемигиваясь. Думаю, что баркашовцы едва ли могли позволить себе такое.

Я продолжил свое «хождение». Когда проходил мимо лестницы напротив зала для торжеств, обратил внимание на подростков, сидящих на ступеньках между двумя этажами. Парни и девушки четырнадцати-пятнадцати лет. Их было, кажется, больше десятка. Мне уже доводилось встречать этих ребят на площади перед зданием. Только вот не знал, кто они такие и откуда здесь появились. Судя по одежде, это москвичи.

Я подошел к ним ближе. Девушка с белым шарфом на шее играла на гитаре, а остальные пели. Не какую-нибудь песню, а «Катюшу».

- Вы откуда? - обратился я к подростку, который стоял ближе ко мне.

- Из Харькова.

- Как вы решились приехать сюда из такой дали, из заграницы?

- Да вот решили посмотреть Москву. А когда начались эти события, пришли защищать вас...

Вас - это значит депутатов, Верховный Совет. Он же видит депутатский значок на лацкане моего пиджака.

- Как же вам удалось пройти целыми по улицам? - спросил я.

- Двух наших девушек застрелили. А мы успели убежать...

- Да, вам пришлось несладко. Я разделяю ваше горе, - сказал я.

А вообще, поют красиво. Мне показалось, что небольшой украинский акцент делает «Катюшу» милее.

Не успел я сделать несколько шагов, как песня оборвалась. Я обернулся на душераздирающий крик и увидел, что игравшая на гитаре девушка с белым шарфом вся согнулась. Под ухом у нее текла кровь. Эта девушка была самой красивой среди ребят.

- Врач... Где врачи! Пусть подойдут сюда, к лестнице, - не помня себя, закричал я.

Через некоторое время пришла помощь. Но девушка с белым шарфом в ней уже не нуждалась. Тело пятнадцатилетней погибшей прикрыли белым покрывалом.

Остальных подростков почти насильно отправили в зал заседаний Совета Национальностей. У них на глазах были слезы... Парни с мольбой стали просить, чтобы им дали автоматы или какое-нибудь другое оружие. Они хотели отомстить.

Почему они убивают только девушек? Мы лишились уже троих... Почему они не стреляют по парням? Дайте нам автоматы... Нам надо отомстить за наших подруг...

А кому?! Кому же мстить?

В здании Верховного Совета уже было много людей, которые требовали дать им оружие, чтобы они могли отомстить за погибших, - становилось все больше и больше. Но раздавать оружие было некому.

Как мне было известно, в тот день в здании Верховного Совета находились семь генералов и один контр-адмирал. Им был Рафкат Загидуллоевич Чеботаревский. У двери мы с ним чуть не столкнулись лбами.

- Ба... - вскрикнул он от удивления. И тут же перешел на татарский. - Ты разве тоже здесь?

- А где же мне быть?

- Ты - писатель, человек, нужный народу, - просиял он улыбкой.

- Ты тоже нужный народу человек, Рафкат. Хорошо, если бы все генералы и адмиралы были такими, как ты.

- Да ладно тебе, не лести... - он стал серьезен. - Вот тебе мой совет. Перестань ходить по коридору. Пуля она всюду проникает.

- Спасибо, - сказал я. И напомнил ему о нашем давнишнем разговоре. - Ты обещал как-нибудь приехать в Татарстан. А может, как выйдем отсюда, сразу поедем вместе?..

- Я тебе разве не говорил?.. Я ведь в этом году побывал в Татарстане, - оживился Рафкат. - Погостил в Салимханово, видел сабантуй в Петровке. Приезжали с Иваном Савченко.

- Ты меня обидел, проезжал через Казань и не дал мне знать. Нехорошо!

- Мы ведь летели через Челны, Ринат. Не обижайся. Казань я так до сих пор и не видел. Хочется приехать, ведь и Минтимер Шарипович приглашал. В Казань я поеду обязательно, хочу показать ее и матери...

- Договорились, - мы пожали друг другу руки. - Теперь скажи-ка мне прямо, Рафкат, чем кончится это светопреставление?

- Плохо может кончиться. Таманская и Кантемировская дивизии под Москвой. Они спешат выполнить приказ Ельцина и Грачева. А Московский военный округ отказался выступить против Верховного Совета.

- А кто стреляет в нас?..

- Говорят, что бейтаровцы... Правда это или нет - не знаю. Говорят, что ими руководит Босерт.

- Что еще за Босерт?

- Помнишь, его ставили директором завода РАФ? Якобы трудовой коллектив избрал. Вот как...

На этом месте беседа наша прервалась. Рафката вызвал Сыроватко. «Там тебя Ачалов ищет», - сказал он ему.

Следуя совету Рафката, зашел в душный зал. Там сидели усталые, изнуренные люди, над которыми витал страх смерти. Не то что сидеть, стоять негде.

- Нужны врачи-женщины, требуется их помощь, - обратились через раскрытую дверь. Тут же поднялись семь-восемь женщин.

- Ринат Сафиевич, садитесь, - одна из них даже предложила мне свое место. Это была все та же Розаханым Низаметдинова, заместитель министра здравоохранения Башкортостана.

- Я буду охранять его, пока вы не вернетесь, - пообещал я и сел.

Обменявшись несколькими словами с соседями, я углубился в свои мысли. Рядом со столом президиума две женщины-близнецы - депутат Вера Бойко и ее сестра — под гитару пели сочиненную ими же песню. Они - донские казачки. С профессиональной точки зрения слова и мелодия песни были не ахти какие, но в тот момент они звучали впечатляюще...

Вдруг помещение, в котором мы сидели, словно взорвалось. Под ноги поющих женщин упало знамя какой-то республики (в зале заседаний Совета Национальностей висели знамена всех республик, входящих в Российскую Федерацию). Люди, стоявшие в проходах, пригнули головы, присели на карточки. Кто-то ахнул, кто-то вспомнил Бога.

Поначалу я подумал: на крышу упала бомба, Действительно, чтобы зашаталось здание, мающее целый квартал, надо думать, нужна весть какая сила. Я посмотрел на часы. Они показывали 9 часов 45 минут 4 октября 1993 года. Оказывается, вот в какой день мне суждено покинуть этот мир... Что-что, а вот мысли о смерти никогда до этого в голову не приходили. Вот, видимо, так неожиданно-негаданно человек и уходит из жизни. Будет трудно родителям, родным, семье. Остаются две неустроенные девочки. Может, некоторые из друзей помянут добрым словом... Такова жизнь... Но найдутся и такие, что обрадуются...

Все молчат. Битком набитый зал погружен в предсмертную тишину. Неужто только у меня возникли эти мрачные предчувствия? Может, они завладели и другими?..

Во всяком случае, первая бомба упала не на наши головы. Сидевшие в этом зале пока были целы.

- Тревоге в душе невозможно улечься. Надежды никакой. Отсюда не уйдешь, не убежишь. В газетах все пишут о каких-то «бункерах». Вот бы их сюда... Недаром большинство депутатов забилось именно в этот зал. Вот и Юрий Воронин здесь, и Агафонов, и Сыроватко...

Если очередь дошла до бомб, то они одной не ограничатся. А что если следующая упадет прямо на наши головы?

Тем временем опять раздался страшный грохот, опять вздрогнули стены. Где-то посыпались стекла, что-то обрушилось. Что это может быть? Оказалось, взрыв был не над нашими головами, а за стеной. Неужто они собираются совсем разрушить,

уничтожить здание? Очередной раз при свете свеч посмотрел на часы. После первого взрыва прошло семь минут.

В зале тишина. Песня смолкла. Притихли в разговоры. Каждый замкнулся в себе, перебирает в памяти какие-то мгновения своей жизни, может быть, последние мгновения...

Что думают остальные, не знаю, ведь не спросишь. Впрочем, в такое время и разговаривать-то неохота. Я нашел для себя новое занятие - слежу за движением секундной стрелки. Считаю минуты. Вот их прошло четыре... пять... шесть... На седьмой минуте - новый взрыв. Значит, они бросают бомбы через каждые семь минут. Но до каких пор? До полного разрушения здания? Какая польза от этого? Кому? Государству?... Людям, которые и без того еле сводят концы с концами? Может быть, рассчитывают разрушить здание и поубивать всех свидетелей... А потом найдут какой-нибудь повод и замнут дело?... Свидетелей-то не так уж много. А газетчики, работники радио и телевидения в основном уже подкуплены. Им ничего теперь не стоит за плату назвать белое черным и черное - белым. В последние годы они сотни раз показывали, на что способны. Для общества нет ничего страшнее продажного журналиста.

Впрочем, оказалось, я немного ошибался. Выяснилось, что американское агентство Си Эн Эн транслировало события в прямом эфире. Приготовились за неделю вперед и установили свои камеры в нужных местах. Вот как здорово работают организации, призванные обеспечить нашу государственную безопасность: первым делом заботятся о заокеанских хозяевах, получают от них благословение. А нашим журналистам и дел-то не остается. Даже лгать опаздывают... Оказалось, весь мир с удивлением наблюдал за тем, как нас обстреливали из орудий. Наблюдал, как за зрелищем... И ни в одной стране, ни один из наблюдавших не стал бить в набат по поводу нарушения демократии и прав человека. Вот так-то!

А я, глупец, сижу и слежу за движением стрелки часов, даже не зная, из каких орудий и с какой стороны в нас стреляют. К грохоту, повторяющемуся через каждые семь минут, уши уже стали привыкать. Уже растрескались хрустальные люстры над нашими головами. Свечи погасли... Помещение стало напоминать могилу: запах крови, темнота. Осталось не более семи-восьми свеч. Место мое было рядом с проходом. Кто-то прошел мимо, коснувшись моего плеча. Подтянутый человек в белом плаще. Я и не обратил на это внимания, поскольку проходящих мимо было много. А это, оказывается, был Хасбулатов. Он поднялся на сцену. Ему уступили место за столом. Кто-то поставил перед ним свечу. Сидящие в зале народные депутаты и работники аппарата Верховного Совета дружно зааплодировали. Как раз в этот момент истекли очередные семь минут, и здание опять затрясло... Раздался взрыв.

- По нас стреляют из танков, из 120-миллиметровых орудий... Вы что, по этому поводу хлопаете? -- нашел он в себе силы пошутить. А вообще, на нем лица не было.

Установилась тишина... Руслан Имранович кашлянул несколько раз и крикнул. Было похоже, что он себя считает виновником этой тишины. И он негромко, спокойно заговорил:

- Простите меня, мои дорогие друзья... Я виноват перед вами. Очень виноват... Каждому жизнь дается только один раз. И никому не хочется умереть вот так бессмысленно. Вы же депутаты, избранные всей Россией. Никого из вас не посылали в столицу ради такой судьбы. Посылая вас, возлагали надежду, что у нас воцарится мир, сколько-нибудь улучшится жизнь...

Я должен сказать прямо: Верховный Совет в целом не оправдал возложенного на него доверия. Вдребезги распалась страна, экономика разрушена. А самое прискорбное, что попораны нравственные законы. Национальности и республики противопоставлены друг другу. Сколько пролито крови, сколько погублено жизнью...

Нас втягивали в преступление за преступлением. Одни сопротивлялись этому, другие оставались безразличными. А те, кто толкал нас на эти преступления, один за другим сбежали в аппарат Президента и государственные структуры. Верховный Совет стал им не нужен, и они решили: отныне им дозволено все, что взбредет в голову.

Но среди народных депутатов большинство составляют не позарившиеся на обещанные блага и высокие посты и не поддавшиеся на посулы. Они сидят вот здесь, в этом зале. Спасибо им!.. Вы выступили против опасной силы, которая тянет в пропасть Россию и населяющие ее народы. Боролись до последнего часа, до последней минуты. Вот почему сегодня ваша жизнь повисла на волоске...

...Умирать, конечно, не хочется. Но что делать, у противников тоже нет пути к отступлению. Они должны или отказаться от награбленного богатства, отказаться от власти и предстать перед справедливым судом, или расстрелять разоблачивших их народных депутатов, уничтожить их. Другого пути для них нет.

Пытаясь остановить движущиеся в сторону здания Верховного Совета танки, десятки людей сегодня погибли под их гусеницами. Многих стариков, детей и подростков расстреляли из бронетранспортеров. И, наконец, начали штурм считающегося неприкосновенным в любой стране здания парламента. Скажешь людям - не поверят: здание, в котором находятся невооруженные народные депутаты, разрушают, стреляя из 120-миллиметровых орудий, из тяжелых танков, поджигают с вертолетов...

Соппротивление из здания прекращено. В 10 часов 38 минут Руцкой отдал приказ: «Не стрелять. Не сопротивляйся...»

А с противоположной стороны, наоборот, продолжают огонь из всех видов оружия. В здание никого не пускают и не выпускают. Работники общества Красного Креста попытались вынести убитых и раненых, но по ним стали стрелять из пулеметов. Журналиста агентства «Интерфакс» Терехова, вышедшего из парламента с белым флагом, убили выстрелом в спину...

Вот так обстоят дела, дорогие мои друзья. Я не думал, что все так получится. Мы и мысли не допускали, что так дадут посрамить Правду... Конституцию... парламента. Мы верили в народ... В руководителей республик и областей... В армию, долженствующую быть на страже Конституции... В правоохранительные органы... Что ж поделаешь... Спасибо вам и прошу простить меня...

В тот самый миг, когда Хасбулатов кончил говорить, раздался очередной взрыв. Здание вновь вздрогнуло... Хасбулатов словно не услышал этого грохота. Спокойно встал и, словно не желая показать, что у него застрял в горле комок и на глаза навернулись слезы, не оглядываясь, спокойно пошел той же дорогой, по которой пришел в зал. Проходя мимо, опять коснулся моего плеча. Остановившись не стал... Лишь произнес тихо, чтобы могли услышать только я и он: «Ты тоже здесь, Ринат...» И пошел дальше. Глаза наши не встретились.

В зале осталась висеть тишина. Наконец стало ясно как день, что помощи нам не будет. Судьба наша в руках убийц, которые окружили нас со всех сторон и даже с воздуха. Что захотят, то и сделают. Отныне из этого здания не выйдут не только люди, но и мухи не вылетят. Час нашей смерти не только приблизился, но уже подошел?! На первый взгляд это так... А с другой стороны, как не хочется умирать, не хочется вот так бессмысленно завершить свою жизнь.

Вот уже второй день, как во рту не было ни крошки. Мало того, даже глотка воды! Однако странно, я не чувствовал ни голода, ни жажды. И я не услышал этой жалобы и от других депутатов. Мимо меня прошел врач-депутат, избранный от Мурманской области. Я подошел к нему, потому что знал: он с утра занимается ранеными.

- Ну, как там, Иван Сергеевич? - спросил я. - Много раненых? Вам удастся оказывать им помощь?

- Стараемся, - сказал он нехотя. А потом, кажется, узнал меня и остановился. - Уже пять кабинетов забиты мертвыми. А раненых... не счесть. Более ста человек лежат в крови. Но у нас ничего нет. Нет бинтов, нет даже йода... Обо всем не расскажешь...

Он и сам осунулся. На лице было выражение безысходности. Я тоже не нашелся, что ему сказать. Только обратил внимание, что под пиджаком у него не было рубашки. А еще я увидел: волосы у него на висках покрылись сединой.

Мы уже привыкли к тому, что по зданию постоянно, с равными интервалами, стреляют тяжелые танки. Поначалу вздрагивают стены, а чуть погода раздается оглушительный взрыв. Так продолжалось довольно долго. А потом, когда прекратилось, поначалу показалось, что чего-то не хватает. Но зато стрельба все усиливалась, все приближалась... Уже стреляют в самом здании.

То с одной, то с другой стороны до нас доходят вести: «Заняли первый этаж, начали штурм второго этажа, наверху до тринадцатого этажа здание охвачено огнем, загорелся четвертый этаж...»

Тем временем в зале, где мы сидели, совсем неожиданно появился бывший председатель Комитета государственной безопасности генерал Баранников, в тот день, вставший в ряды защитников Белого дома. Он был не один, с ним двое военных в змеино-голубой одежде, при виде которой сжимается сердце. Вроде на омоновцев не похожи...

- Внимание, уважаемые депутаты, - спокойно начал он, утомленно мигая глазами. - Вместе со мной сюда пришли офицер и боец группы «Альфа». Слово предоставляется им...

Вперед выдвинулся высокого роста смуглый мужчина, лет тридцати пяти - сорока. Головной убор держит в руке, оружия у него не видно. Какого он звания - тоже не определишь. Он заговорил спокойным, твердым голосом.

- Я из группы «А». Командир подразделения. Предлагаю вам следующие условия. Немедленно прекратить сопротивление и подготовиться к эвакуации. К дверям здания будут поданы автобусы, окна которых занавешены черной материей. Автобусы подвезут вас к одной из ближайших станций метро. Никаких проверок и преследований не будет. Автобусы охраняются нами, мы гарантируем. Если эти условия вы принимаете, мы сейчас же поднимаемся к Руцкому и сообщаем ему об этом. Через 30 - 40 минут мы будем готовы к выполнению нашего обещания.

- Ничего не выйдет! Вы что, предлагаете нам капитуляцию? - крикнул кто-то из задних рядов. Зал ожил, люди заговорили, зашумели.

- А у вас нет другого выхода, - сказал офицер «Альфы» в ответ на реплику. - Я вам предлагаю единственный путь к спасению.

- Можно задать вопрос? - подняла руку какая-то женщина, кажется Зоя Ойкина.

- Нет! Я пришел сюда не для беседы, - отрезал офицер.

Но все равно он не смог оставить без внимания раздававшиеся со всех сторон вопросы.

- Группа «Альфа» давала обещание не вставать ни на чью сторону! Почему вы нарушили слово?

- Мы в мятеже не участвуем. Прибыли сюда, чтобы спасти вас.

- Александр Владимирович Руцкой отдал приказ с 10 часов 45 минут прекратить стрельбу из Белого дома. А вы продолжаете огонь. Убиваете людей. Разрушаете здание. Зачем это нужно?

- Наши бойцы не сделали ни единого выстрела. Мы пришли, чтобы спасти вас.

- В таком случае, скажите там, чтобы прекратили стрельбу...

- Если наши условия будут приняты, стрельбу прекратят. Это я вам обещаю.

- А вам можно верить? Как ваша фамилия? Офицер представиться не пожелал.

- Мне вам больше нечего сказать. Жду вашего ответа. Воля на все ваша... - сказал он и отступил на шаг.

- А верить вам можно? Вот и фамилию свою скрываете... - заголосили женщины.

- Можно. Верить можно.

Зал замолчал. Каждый думал про себя. Момент ответственный, на чаши весов положены жизнь и смерть.

- У нас другого выхода нет, товарищи. Надо соглашаться, - прозвучал мужской голос. Все увидели, кому он принадлежит. Этот человек и сейчас в Москве, крутится в руководящих кругах.

Его слова подхватила группа женщин:

- Мы вынуждены согласиться, - сказали они.

Действительно, у нас, наверное, другого выхода не было. Хотя многие промолчали, никто не возразил. Я тоже был одним из таких.

Генерал Баранников не сказал ни слова. Он направился к выходу.

Орлы «Альфы» последовали за ним. Направились на четвертый этаж, к Руцкому.

В зале воцарилась тишина. В душах образовалась пустота. Ведь принятие предложения офицера означало поражение! Никому не хочется быть побежденным, но что же поделать... По-видимому, каждый из нас думал именно так. Цель наша была священна, но...

Тишина продолжалась недолго. Вдруг кто-то сзади душераздирающе крикнул:

- Продажные души... Предатели... Мы же вам верили. Разве мы проливали кровь для того, чтобы вот так легко сдать? Во имя чего погибли мои друзья? Почему вы обманули нас? Не депутаты вы, а трусы. Знайте, кто вы, - трусы! Стоило им раза два стрельнуть из танка, как вы сразу пустили под себя. Продажные души!..

Я невольно встал и взглянул в сторону двери. Там метался какой-то парень, все требовал, чтобы его пустили в зал. А его не пускали, держали, заломив обе руки. Совсем молодой. Он отчаянно бился, призывая бороться до конца.

Я понял его состояние. Он ведь пришел сюда, чтобы защитить свою страну, Конституцию, свой парламент. Пришел, чтобы защищать нас, защищать справедливость... А в результате вот что получилось... Как же он мог смириться с этим?

- Пустите меня... Дайте мне мой автомат. Я сам расстреляю их, эти продажные души. Ведь вас и так посадят или расстреляют. Что же вы наделали!- кричал он.

Не пустили. Двое здоровенных мужчин скрутили ему руки и увели куда-то в сторону. Он сопротивлялся, дергался, шумел. Его гневный голос отдалялся и вскоре совсем пропал.

Я обратил внимание: какие бы тяжкие обвинения ни бросал тот юноша, хоть бы один человек возразил ему. Наверное, это означало, что все мы с ним согласны.

Мы с нетерпением ждем, когда же прекратится стрельба и установится долгожданная тишина. Но со всех сторон стреляют. Одновременно тарахтят десять-пятнадцать автоматов. Не умолкают и пулеметы. То и дело грохочут орудия. В ушах звенит. Здание вздрагивает... В душу закрадывается сомнение, что условия приняты. Может, Руцкой не согласился?!

Тем временем в уставший от ожидания зал вошел секретарь Президиума Верховного Совета Виталий Сыроватко. Поднялся на сцену. Положил свои бумаги на освещенное место и обратился к залу:

- Давайте, - сказал он со свойственной ему основательностью, - в последний раз проверим список. Пусть останется в истории...

Его слова «в последний раз» и «для истории», кажется, не прибавили нам бодрости. Было похоже, что приближалась какая-то новая опасность. Вот и сам Сыроватко, всегда говоривший шутливо, стал предельно серьезным.

Как раз в это время откуда-то появились двое, людей с видеокамерами. И они начали то в лоб, то в профиль снимать депутатов, не выборочно, а каждого в отдельности. На вопросы не отвечали. Кто они такие и откуда появились - никто так и не узнал.

- Ребята, плохи наши дела, готовятся сдать нас в архив, - сказал сидевший рядом со мной Илья Константинов.

Быть может, он просто пошутил, но слова его, все восприняли не как шутку. И, как потом выяснилось, он был прав.

А Сыроватко занимался своим делом, проверял список депутатов. Как оказалось, только за последнюю ночь многие из них улизнули. Каждого, кто остался и отвечал: «Здесь», встречали аплодисментами.

Наконец прозвучала и моя фамилия. Похлопали. Кто-то сзади сказал несколько теплых слов.

Хвалебные слова мне, естественно, доводилось слышать и до этого... Приходилось получать и награды, и почетные звания. Но вот эти аплодисменты и эти теплые слова по сей день для меня дороже всего...

Я знаю, что список этот не утерян, он существует и поныне. Было немало людей, которые пытались использовать его в недобрых целях. Для сегодняшних властей это - перечень лиц, потерявших политическое доверие. А мир переменчив. Что касается меня, то я считаю: эти люди, к какой бы нации они ни принадлежали, каких бы убеждений ни придерживались, внушают доверие. Они не стали продавать свою честь за высокие кресла. Все они в моей памяти и перед моими глазами. Если бы мне поручили крайне ответственное и опасное дело, то я, нисколько не колеблясь, взял бы любого из них себе в сотоварищи. Потому что они проверены смертью, смотревшей им в глаза.

Оказалось, пока мы сидели, проверяя список и аплодируя друг другу, кругом воцарилась тишина. Ни единого выстрела, ни единого взрыва. Ушам своим не веришь. Я замер, удивляясь, не зная, что и думать. Другие тоже, не веря своим ушам, переглядывались друг с другом. Нам не удалось одержать победу... А на душе все равно какая-то радость. Потому что мы не были проигравшими, никто не станет показывать на нас пальцем.

В зал вошел одетый в белый плащ Юрий Воронин. Вижу, чувствую по лицу моего земляка, что есть надежда. Когда же мы встречались час тому назад, он был словно в воду опущенный...

- Как там, Юрий Михайлович, будем жить? - спросил я.

- Живем, Ринат, живем... - сказал он, не скрывая радости.

- Руцкой согласился? Стрельба прекратилась...

- Александр Владимирович команду стрелять и не давал, - сказал он.

- Значит, скоро выпустят? - нетерпеливо спросил я.

- Не спеши, не суетись, земляк, обо всем скажут, объяснят, - сказал он. - Сегодня с обеих сторон верховодят военные. Мы с тобой люди маленькие.

Через некоторое время в зал поступило сообщение: «Соглашение вступило в силу. Стрельба прекратилась. Выход из здания будет проведен организованно. Ждите».

Ждем... Ожидание тоже тягостно. Именно в такой момент ко мне подошел Андрей Кривошапкин, представитель малочисленного народа эвенов, живущего на севере Республики Якутии-Саха.

- Пошли, - сказал он мне. - Как-то не сидится на месте. Пройдемся немного.

Разве откажешься. Я и сам будто ждал такого приглашения. Встал и последовал за ним. К нам присоединился мой земляк из Азнакаево - Хасан Хабибуллин.

Площадка перед дверью и все проходы забиты людьми. Но это еще куда ни шло, но вот курильщики!.. Дым, хоть топор вешай. Мы, все трое некурящие, отошли немного в сторону. Решили напоследок посмотреть на разрушенное, обезображенное здание. Прошли к лестнице, выводящей к Москве-реке. Довольно темно, поскольку нет электричества. Вдруг мне почудилось, будто я споткнулся обо что-то мягкое. Оказалось, это человеческая нога. Самого человека нет, лишь окровавленная нога. Еще не успевшая остыть...

Я в ужасе отскочил в сторону. Увидели ли, почувствовали ли это мои спутники — сказать не могу. Тем временем нас окликнул чуть ушедший вперед Андрей.

- Ринат... Хасан... Идите сюда... Смотрите-ка, какой натюрморт сделали из российского герба.

Мы прислонились к мраморным перилам центральной лестницы и застыли в ужасе. Лестница предназначена для приема руководителей государства и иностранных делегаций. Сбоку на стене висел выполненный из благородного металла Государственный герб РСФСР диаметром метр-полтора.

Взрывной волной его отбросило прямо на двух мужчин. Может быть, они прятались там от выстрелов, может, просто отдыхали, а может, проходили мимо. Это было зрелище, о котором не расскажешь словами. Тела этих людей смешались с раздробленным гербом. Где голова, где ноги - не разберешь.

- Смотрите, ребята, не тот ли это Иван Васильевич, что работал на нашем этаже? - все повторял Кривошапкин.

Где уж там узнать, смотреть было страшно в ту сторону.

- С чего это ты взял? - сказал Хасан, которому не понравилась дотошность Кривошапкина.

- Свитер его... Вот только голова, где же его голова? — продолжал причитать Андрей.

- Хватит, Андрей, хватит, давай уйдем отсюда, - торопил его Хасан.

Я тоже счел за благо поскорее отойти от этого места. Мое внимание привлек зал Президиума, где мы собирались почти еженедельно. Оказалось, что мы стоим в каких-нибудь двадцати метрах от него. Но назвать его залом было уже нельзя. Его стеклянные окна-стены были разбиты вдребезги. Дул ветер со стороны Москвы-реки. Он приносил в помещение запах гари. Висевшие когда-то над головой золотисто-хрустальные люстры, разбитые, лежали на полу. Куда ни глянь - везде бумаги. То и дело вспархивали от ветра подписанные Ельциным указы. Под ногами валялись законы Верховного Совета, под которыми стояла подпись Хасбулатова. Шагая по хрустящим под ногами осколкам стекла, в зал Президиума прошел кинооператор. Окон нет, занавесок нет - снимай на здоровье, насколько хватит ленты.

Не думая о последствиях, и я прошел в зал Президиума - теперь сюда не требуется пропуск. Пробираясь через груды камня и стекла, прошел к стене зала, выходящей на Москву-реку. И застыл в изумлении. Оказывается, город-то на своем месте. По-прежнему висится гостиница «Украина». Словно ничего не случилось, течет Москва-река. На своем месте и мост, соединяющий Новый Арбат с Кутузовским проспектом. Правда, машины не ходят. Повседневная суeta как будто остановилась. Зато на середине моста выстроились танки. На противоположном берегу - тоже танки... У них нет порядковых номеров, стволы орудий нацелены на меня... Куда ни глянь - везде одетые, как пятнистые кобры, военные. А особенно привлекла мое внимание большая группа людей, выстроившихся совсем близко от здания Верховного Совета. Как оказалось потом, их специально пригнали сюда сразу после того, как прекратилась стрельба. Пригнали, чтобы встретить выходящих из Белого дома народных депутатов и продемонстрировать им «всенародный гнев» И что удивительно - все они одинакового возраста и почти одинакового роста. Толстощекие. Их назвали гайдаровскими ребятами - «лавочниками». Что это означает, я до сих пор не могу понять.

- Что у тебя, две головы? Одной пули ведь достаточно. Там же у каждого окна снайпер стоит... О чем ты думал, когда выставился? — махал мне рукой какой-то офицер, лицо которого показалось мне знакомым. Вынужден был подчиниться. В самом деле, я совершил глупость. Поспешно отошел. Прошли к залу заседаний.

Никаких изменений. Стрельбы не слышно. Штурм приостановлен. Незаметно и приготовлений к тому, чтобы выпустить нас из здания. Тишина. Табачный дым и тишина...

Для некурящего нет большего наказания, чем находиться в гуще курящих. Тут ко мне, покашливая от дыма, подошел Хасан Хабибуллин.

- Пойдем-ка, абзый, - сказал он мне. - Сходим в твой кабинет. Там у меня папка осталась. В ней - деловые бумаги, которые никак нельзя терять.

- Пошли, - ответил я, долго не думая. - Ведь обещали, что стрельба прекратится совсем. Кого бояться? К тому же и у меня там осталось много нужных вещей.

Шагая по узкому темному проходу, мы услышали, что за нами, спотыкаясь, кто-то бежит. Оказалось, это все тот же Андрей Кривошапкин.

- Вы от меня не убегайте, я с вами, - сказал он.

Мы пошли молча. Говорить о чем-либо не было желания. Кругом лежали убитые и раненые. На паркетном полу тут и там лужи крови. Человеческой крови... Слышно, как ноги шлепают по ней. Раненые просят воды, стонут. Где же найти эту воду? У нас у самих во рту даже слюны не осталось, высохшие губы растрескались. Будучи не в силах оказать какую-либо помощь, произносили несколько слов утешения и считали за благо идти дальше. У самой лестницы полулежал парень - весь в крови. Кто-то прислонил его спиной к стене. В этом здании невозможно оказать иную помощь. Раненый наполовину раздет. На обнаженном животе несколько кровавых пятен. Просит помощи.

- Дядя, - чуть ли не умолял он - Возьмите автомат и пристрелите меня. Я ведь все равно умру... Нет мочи больше терпеть. Пристрелите, пожалуйста...

Действительно, автомат его лежал рядом на полу. Он пытался дотянуться до него, но не мог, не хватало сил...

Естественно, помочь парню не могли. Попросили проходившего мимо офицера обратить на него внимание и ушли.

Наступая на осколки битого стекла, спустились на второй этаж. Стеклопанные стены были сплошь разбиты. На нижнем этаже слышна какая-то возня. Но у нас свой маршрут. Хоть и темно, дорога знакомая. Спешим в мой кабинет.

Мы поприветствовали офицера, который стоял в конце коридора, прикрываясь сейфами. Как ни в чем не бывало, он ответил на приветствие, приподняв голову.

- Впрочем, мы ведь сегодня уже виделись, - сказал я, не найдя других слов.

- Тут стреляли часа четыре кряду, - сказал пожилой офицер. - Вот увидел вас, и как будто новый день наступил...

- Это верно, берегите себя... - проговорил я.

- Что это вы сюда решили прийти? — спросил он по-свойски.

- Взять надо кое-что, - ответил я, хозяин кабинета.

Как раз в это время в том конце коридора, откуда мы только что пришли, раздались выстрелы. Кто тому был причиной, чего там не поделили, но стали стрелять из нескольких автоматов.

Со стороны лестницы раздался окрик:

- Эй вы, поднимите руку. Бросайте оружие и выйдите на середину!

Мы вздрогнули и прижались к двери в ее проеме. Офицер, который только что браво стоял на месте, покручивая усы, тоже спрятался за сейфы.

В узком коридоре темно. Только в обоих концах чуть заметен проблеск. С правой стороны показались тени. А с левой - притаившийся за сейфами офицер.

- Я вам говорю, кто там? Не скрывайтесь, выйдите на середину, - повторил голос.

Мы притихли. Кто знает, к кому он обращается. Из-за сейфов послышался ответ:

- Кто вы такие? Сперва ответьте сами. Я офицер, гражданин Советского Союза. Стою на страже безопасности...

- Советского Союза нет! - самодовольно ответили справа. А мы очищаем Россию от таких вот, как ты. Бойцы спецбатальона...

Некоторое время стояла тишина. Руками я пошарил в кармане куртки. Где же ключи?.. Нашел. На одном кольце три ключа. Я их не могу различить не только на ощупь, но даже глазами. Они вроде одинаковые, но к разным замкам.

Всегда путал. Один из ключей для входной двери, другой - для внутренней, а третий - для комнаты связи и компьютеров. Попытался вставить в скважину первый попавшийся ключ. Я стоял весь вытянувшись - не повернуться, не нагнуться. Тут же пулю схлопочешь.

- Вы там выйдете или нет? - крикнули справа. - Считаю до трех. Если не поднимете руки - уничтожу.

- А может, выйти? - прошептал Андрей. - Ведь они дорого не возьмут - застрелят...

Хасан промолчал, ничего не сказал. Я тоже не нашелся, что ответить, весь сосредоточившись на замке, - все надеялся, что сумею открыть дверь. Тогда спрятались бы в кабинете.

- А ты не пугай, мы тоже не безоружные, - ответил стоявший за сейфами офицер.

Не успел он закрыть рот, как в другом конце один за другим дали два залпа гранатометы. Гранаты пролетели перед самым носом и, ударившись о сейфы, взорвались со страшным грохотом. Уши заложило, глаза словно ослепли.

- Пропали мы, ребята, - прошептал Андрей. - Теперь уж и руки поднимать поздно. Я никогда не думал, что умру вот таким образом. Нужно было мне остаться в своей тундре...

- Что ты там все копаешься в штанах? Открываешь так открывай, - впервые Хасан повысил на меня голос. Уж насколько спокойный человек, а рот страх даже его привел в ярость...

Оказалось, жив и наш усатый офицер. Он стал стрелять из автомата. А с другой стороны ему отвечали из автоматической винтовки и гранатометов. Перед нашими глазами разыгрался настоящий огненный буран. Так и сыпали из обоих концов узкого коридора. А мы - в середине. Нас прикрывает лишь неглубокий - сантиметров тридцать - проем двери.

И как раз в этот миг щелкнул замок и дверь открылась. Невольно поверишь в существование Аллаха... Это он спас нас. Ведь никогда такого не было: подошел первый попавшийся ключ. Сколько лет ходил через эту дверь, никогда не попадал даже при ярком свете... Не успел я открыть дверь, как мы все трое разом ввалились внутрь. И как раз в этот момент - внимание стрелявших привлек падающий из окна комнаты свет - гранатой сорвало косяк двери. Тот самый косяк, к которому я минуту тому назад прижимался щекой. Косяка не стало, а мы живы. Живы!

Я запер на замок изрешеченную, продырявленную дубовую дверь. Мы прошли в следующую комнату. В коридоре участилась перестрелка, шел настоящий бой. Мы перевели дух и уселись на полу в разных углах. В кабинете окна были еще целы, потому что они выходили не на улицу. Впрочем, во дворе тоже беспокойно - там раздаются взрывы и стрельба.

Все трое молчали, сидя по своим углам. Каждый думал о своем. Не ошибаемся ли мы, думая, что спаслись. Может быть, вовсе не спаслись, а, наоборот, попались? Остальные депутаты все в одном месте. Это известно и штурмующим ведь дали гарантию и, быть может, даст Бог, не тронут. А мы оказались среди сопротивлявшихся. И отношение к нам будет другое...

- Хасан, - обратился я по-татарски. - Что же ты не берешь свою папку, она вот на столе.

- Хватит шутить, - сказал тог. - Ты же видишь, тут не до папки, голову надо унести целой...

- Не знаю, - промолвил я. - Но, кажется, мы допустили большую ошибку. Депутаты там, в зале. Их не тронут. А нас запросто могут пристрелить как оказывающих сопротивление.

- Да, ошибку сделали. Это я виноват. Это я начал...

У Андрея, видно, лопнуло терпение. Он же не понимал, о чем мы толкуем.

- Вы что, меня живьем хотите съесть?

Мы громко засмеялись. Удивительное создание человек: сердце колотится, волосы чуть не дыбом, дух перехватывает, а мы смеемся...

Стрельба поутихла. Во всяком случае, в нашем коридоре стало тихо — какая-то из сторон потерпела поражение. Но тишина длилась недолго. По нашей двери ударили сапогом.

- Эй вы там, открывайте быстрее, - крикнули снаружи. - Мы знаем, что тут есть люди, откройте. Иначе разнесем в пух и прах...

Мы переглянулись. А по двери все стучат...

Дубовая дверь, конечно, так легко не поддастся.

Но если мы сами этого не сделаем, они ее все равно откроют. Сломают, взорвут, но откроют. Это ясно как день.

- Хасан, Андрей, - сказал я. - Что станем делать? Ведь придется открыть.

- Надо открывать, - ответили они в один голос. Но кому это делать? Подойдешь к двери, а они выстрелят.

- Хасан, - сказал я, как бы беря ответственность на себя, - может, ты откроешь, ты ближе всех к двери.

А ключ в замочной скважине.

Мой земляк не стал долго раздумывать.

— Ты побольше моего пожил, ты старше, может, тебе и открывать?

У Андрея ответ тоже был короткий:

- Вас, татар, семь миллионов. А я представляю малочисленную нацию. Нас и так считанное число...

По двери опять ударили ногой.

- От вас добра не дожدهшься, ребята, - пробормотал я, приближаясь к двери. Другого выхода не было.

- Правильно делаешь... Правильно, - одобрили мои действия спутники.

Спасибо им хоть на этом.

- Вы там слышите или нет?.. - крикнули снаружи. - Откройте дверь, а то...

- Открою сейчас, открою, - ответил я. - А кто вы такие?

- Не все ли равно? Мы из группы «Альфы», Нам некогда конфетничать. Откройте.

- Ну раз вы из «Альфы», то зал я и, будь что будет, открыл дверь

Теперь никуда не денешься, не спасешься. Не подавая виду, что боюсь, шагнул вперед. Передо мной стояли два верзилы в пуленепробиваемых жилетах. Лица закрыты, видны только блестящие глаза. Винтовки с оптическими прицелами наведены на меня. За спиной гранатомет.

Какое-то время смотрим друг другу в глаза. Вдруг кто-то из вошедших пнул меня по ноге чуть выше подъема и оттолкнул. Не успел опомниться, как очутился на полу.

- Что вы делаете?!

Но на мой вопрос никто не обратил внимания. Один из «альфовцев» наступил мне на шею тяжелым ботинком. А другой несколько раз ударил в пах.

- Падла, - выругался он. - Не шевелись, падла. Чуть поднимешь голову - пристрелю, падла.

Где уж тут голову поднимать, дух не могу перевести. Они знают, куда и как бить. - Эй, усатый, иди сюда, - послышалось мне. Раз «усатый», значит, это Хасан. Его тоже повалили рядом со мной. Заодно и он попал в разряд «падл».

- А ты что там стоишь, косоглазый? Ну-ка, сюда, - подозвали, наконец, и Андрея. В свою очередь он тоже получил прозвище «падла» грохнувшись на пол лицом вниз. По его вискам потекла кровь.

- Ребята, - обратился я к ним, лежа. - Вы его-то что обижаете? Он из Сибири. В тундре пас оленей. Что плохого он сделал?..

В ответ опять пнули по ребрам.

- Тебя-то кто спрашивает? Молчи! Сильная боль во всем теле. Кажется, сломали ребро.

- Молчать. Чтобы ни звука! Глаза не открывать! - повторил другой. Приказал...

Мы вынуждены были подчиниться. Они по очереди обыскали наши карманы. Депутатские удостоверения у нас спрятаны были в туфлях - не нашли. Все бумаги, что были в карманах, разорвали. Но деньги не стали рвать и не возвратили. И не бросили, конечно.

Приказали встать. Встали. Заставили руки заложить за голову. Подчинились. Вывели в коридор и построили. Построились... Мы довольно быстро усвоили: любое возражение стоит жизни.

В это время двое боевиков вытащили из-за сейфов того усатого офицера. Он был тяжело ранен.

- А что делать с этим падлой? - спросил знакомый голос. Все тот же парень, который только что пинал нас ногами.

- Состояние тяжелое, окажи ему помощь, - сказал тот, что стоял у нашей двери, по всей вероятности, их командир.

Я был просто поражен. Тот не стал даже раздумывать. Держа винтовку в одной руке, выстрелил офицеру в висок. И преспокойно отошел. Это и была их «помощь».

Морской офицер в отставке дернулся и затих. Столько дней он стоял здесь на посту и успел стать для нас своим человеком. Хотя ему было уже под шестьдесят, он был всегда подвижен, приветлив и добр. Очень жаль, мне не пришлось в голову узнать его фамилию. Узнают ли родные, дети, как он умер...

У меня невольно вырвался горестный вздох.

- Тебе что, тоже помощь требуется? - вновь ударили по лицу. - У нас патронов хватит, если надо, можем помочь и тебе...

Я прикусил губы. Одно лишнее движение, лишнее слово и даже вздох стоили бы мне жизни.

- Руки... Руки по местам, - снова раздался приказ.

Между тем руки устали и невольно сползли вниз. Как, оказывается, тяжело держать их за головой!

Нас повели по узкому коридору. Казалось бы, известная дорога. По ней мы ходили на сессии Верховного Совета. Раз в неделю я проходил здесь на заседания Президиума Верховного Совета. Знакомый коридор, по которому пройдено сотни, а то и тысячи раз. Проходил, наверное, в самом разном настроении. Случалось, и погруженный в противоречивые мысли. Прошедшие годы были крайне напряженными, суматошными. Я ведь считал себя здесь полномочным представителем объявившего самостоятельность Татарстана, хотя официально такого статуса не имел. Стоило кому-нибудь сказать недоброе слово в адрес моей республики или ее руководителей, как я тут же вставал на защиту. И все это делал от чистого сердца. Наверное, были случаи, когда я оказывался слишком наивным. Всякое бывало. Но вот в таком виде, - заложив руки за голову, опустив очи долу, в положении пленника - прохожу по этому пути впервые. Кто бы мог подумать, что судьба так повернется...

- Остановитесь и ложитесь на пол навтыжку. Пошевеливайтесь, это я вам говорю, - раздалось вдруг. Это приказывал уже не сопровождавший, а какое-то пугало в маске, Я не оговорился, именно пугало, потому что у человека бывают лица, а эти потеряли человеческий облик, спрятав лица за масками...

«Мы уже лежали на полу. Нас уже обыскали. Что еще надо?» - с этим немым вопросом я посмотрел на сопровождавшего нас военного.

- Лежите, - посоветовал он. Но уже не со злобой. В его голосе прозвучало нечто похожее на желание войти в наше положение.

Мы растянулись на усыпанном битым стеклом и гильзами полу. Мимо нас, у самих наших голов, пробежали несколько десятков омонцев. При этом стоял такой грохот, что можно было подумать, будто их ноги отлиты из железобетона.

- Встать!..

Встали. Как раз в этот момент где-то поблизости начали стрелять из автоматов. Верзила боец ОМОНа, который только что заставил нас ложиться на пол, схватился за голову и рухнул навзничь. В него попали стрелявшие с узкой лестницы, ведущей на второй этаж.

Мы стояли в несколько защищенном месте. А стрельба продолжается. Упавшего подтащили к нашим ногам. Оба глаза у него вытекли. И, кажется, он уже не дышал.

- Эй ты, интеллигентик долговязый, - заорал стоявшее рядом пугало. Он направил на меня дуло винтовки. - Тебе я говорю... Тебе... Что стоишь, как... Подойди же сюда...

Я сделал два шага вперед. Подошел к нему вплотную. А он уперся мне в спину дулом автоматической винтовки. С шумом задвинул затвор, словно приготовился стрелять.

У меня не было другого выхода, как повернуться к нему лицом с немим вопросом: «За что?» А он остервенело сорвал с головы маску. Глаза у него были красные, как у бешеного быка, и слезились.

- Шагай... - заорал он изо всех сил, готовый в случае неподчинения не то что пристрелить, а разорвать на части. Шагай, говорят тебе... Выйди на площадку перед лестницей. - Если я сделаю хоть один шаг, меня же они пристрелят, - сказал я, медля выходить к лестнице, откуда вели непрерывную стрельбу. И уперся ногами, словно бык в упряжке...

Он все сильнее давил мне в спину дулом винтовки и начал толкать. Я чувствовал, что если сделаю хотя бы несколько шагов, пули прошьют меня насквозь. А он толкал меня все сильнее.

Выйди к нему навстречу и растолкуй. Пусть немедленно прекратит стрельбу. Он уже убил двух моих друзей. Ему все равно не жить. Поговори, растолкуй...

- Так ведь я его совсем не знаю. Я никого из вас не знаю, - проговорил я, понимая, что опасность смертельная.

Пока мы объяснялись и пререкались, другой военный в маске, тесно прижимаясь к стене, добрался до двери и бросил наверх гранату...

- Ложись! - крикнул он одновременно с броском. Не успели мы и присесть, как раздался взрыв. Ударило взрывной воздушной волной. Раскрошилось стекло, полетели осколки битого кирпича. Я услышал, как кто-то со стоном падает, а кто-то скатился по лестнице вниз, к нам.

Парень, сорвавший с себя маску, про меня совсем забыл. Даже не дождавшись, пока улягутся пыль и крошки камня, он бросился к лестнице.

- Негодяи, сволочи, вот вам, вот вам, - с такими причитаниями и площадной бранью он стал остервенело стрелять по оглушенным гранатой мужчинам. Это было поистине страшное зрелище.

Через некоторое время он спустился вниз с видом человека, совершившего большое дело. Широко расставив ноги, предстал перед товарищами. И, конечно, не преминул побахвалиться.

- Их, сволочей, было трое. Валялись как оглушенные рыбы. Всех троих отправил на тот свет.

В налитых кровью глазах - слезы, но рот - до ушей. В этот момент он был похож на дикого зверя, причем на зверя бешеного, самого что ни на есть хищного.

Сопровождающий нас приказал спуститься на нижний этаж. Но пока мы шли со второго на первый, нас заставили, если не ошибаюсь, три раза поднять руки, широко расставив ноги, повернуться лицом к стене. Не знаю, что они хотели найти, многократно обыскивая карманы, и заодно, походя, пиная пуленепробиваемыми ботинками с высокими голенищами или ударя прикладами.

И, странно, хотя нас били и пинали изо всех сил, тело не болело. Когда кругом кровь и смерть, раны и сломанные ребра ничего не значат. Как они ноют, как ломит все тело, нам суждено было почувствовать потом, бессонными длинными ночами.

А настоящий кошмар нам, оказывается, суждено было увидеть и испытать на первом этаже. Окна, двери и стеклянные стены почти что не существовали. Куда ни глянь - везде стеклянный лом. Мертвые и раненые раскиданы по углам. Между мраморными колоннами стояли построенные в ряд захваченные депутаты. Но здесь их была лишь небольшая часть. В этот день, как оказалось, нас выводили из Белого дома через разные двери. Судя по рассказам, выход никому не дался легко. Обещание, данное офицером группы «Альфа», так и не было выполнено. Он обманул нас... Чуть поодаль - вторая группа. По всей вероятности, то были москвичи и россияне из других городов, пришедшие сюда для защиты Верховного Совета. Стоять им запрещалось, их заставили лечь на пол. Прохаживавшиеся взад и вперед омовцы то и дело наступали им на головы.

Хотя никто у нас не спрашивал, кто мы такие, но всех троих пристроили к депутатам. Все мы были знакомы друг с другом и, радуясь тому, что остались живы, обменялись приветственными взглядами и знаками. Разговаривать было запрещено.

Шепотом выразили свою благодарность парню в бронированном жилете и маске. Потому что это он раза два спас нас от очередного избиения и доставил сюда почти целыми.

-Как звать тебя? Откуда ты? - попытался я спросить у него, но он не ответил. Что ни говори, он ведь на службе, работа у него малоприятная...

Обещали всех народных депутатов освободить. Но пока они были пленниками. Тот офицер нас обманул. А может быть, обманули его самого. Тем временем штурм продолжался. На верхних этажах сопротивление еще не сломали. Стрельба все усиливалась. Положение сопротивлявшихся можно было понять. Их в плен не брали. Оказалось, был такой приказ. Где бы ни попались — пристреливать. Убежать, скрыться - негде. Здание взято в огненное кольцо танками и БТРами. Сопротивлявшиеся не могут противостоять силам специально обученных военных. Они это понимали. Последние верхние три-четыре этажа горели давно, там все уже сплошь обуглилось. А снизу, уничтожая все на своем пути, поднимались специальные воинские силы. Те, кто пришел

сюда для защиты Белого дома, оказались отсеченными на пятом-седьмом этажах. Они чудились в полной изоляции. Несчастные, обманутые сыновья сбившейся с пути России...

В ту минуту в окружении было человек четыреста-пятьсот. Здоровые парни, мужчины. Они были не из тех, кто разбогател, награбив чужое. Не пьяницы и не заблудшие души. Честные, простые люди, патриоты России.

Но их число с каждой минутой убывало. Их убивают, истребляют. А впоследствии многие из них превратятся в пепел. Кто знает, может быть, матери все еще ждут их домой. Может быть, у многих из них ныне растут сироты. Эти дети будут искать могилы своих отцов хотя бы для того, чтобы помянуть их добрым словом...

Специальным силам помощь все прибывает. На первый этаж то и дело врываются все новые боевые группы, стреляют без всякого повода. Не по людям, к счастью, а по дорогим хрустальным люстрам да по зеркалам высотой три-четыре метра. На головы летят осколки этих люстр. Видимо, это делают специально, чтобы наводить страх. «Вот, дескать, мы какие сильные. Не вздумайте впредь выступать против нас. Не обманывайте себя, не кричите о Верховном Совете, о Конституции. Теперь наступило наше время. Время сильных!»

Наконец обратили внимание и на стоящих группами депутатов, о которых какое-то время не вспоминали. Нас окружили омовцы, по которым мы уже успели, было «соскучиться».

-Вы все депутаты?

-Нет. Здесь есть и работники аппарата. Оказалось, они кого-то ищут. Из группы вырвали двух-трех мужчин и заставили лечь на пол.. Они действительно не были ни депутатами, ни работниками аппарата. Их стали обыскивать. У одного в кармане нашли два автоматных патрона. Его тут же пнули по голове.

- Что это? - гаркнул обыскивающий.

- Патроны. Я их на полу подобрал. На память. Хотел сыну показать.

Этот высокого роста мужчина стоял рядом с нами. Мне запомнилось, когда спросили: «Все ли здесь депутаты?», он как-то ступешевался, оглянулся по сторонам. На нем были добротные голубоватые брюки, черная кожаная куртка. А на ногах, как это ни удивительно, дешевенькие кеды. Вот как раз именно этими своими кедами он тогда и привлек мое внимание. Этого человека уже потащили два омовца. Его голова и руки были окровавлены, битое стекло на полу ранило. Оттащили и бросили в дальнем углу. Перед вечерними сумерками всю эту группу выстроили вдоль железобетонной стены стадиона, расположенного напротив здания Верховного Совета, и расстреляли. И все это было, к сожалению, правдой...

Никогда не забуду кровавый след, который оставил тот человек на полу...

Тем временем кто-то тронул меня за плечо. - Послушай, Ринат, посмотри-ка на подоконник чуть дальше вешалок. Узнаешь?

Незаметно посмотрел в ту сторону. И крайне удивился, увидев там людей, о которых только что подумал. Там стояли три генерала, уважаемые всеми люди: Ачалов, Баранников, Дунаев. Первые двое родились и выросли в Татарстане. Всего год назад Баранников руководил Комитетом государственной безопасности, а Дунаев был министром внутренних дел. К защитникам Белого дома их привело не стремление к карьере, а скорее верность офицерскому долгу.

А где же Руцкой и Хасбулатов? Я только что было подумал: что они станут делать, когда взяли Ачалова, Баранникова, Дунаева. Но, оказалось, их тоже арестовали. Генералы стояли перед окном в полной неопределенности. Лица грустные, задумчивые. Что их ждет?.. Ачалов стоит, как обычно, с гордо поднятой головой. На нем кожаная куртка, такую обычно носят летчики, хромовые сапоги. Не знает, куда девать руки, то сунет в карманы, то вынимает и мнет пальцы. На первый взгляд, кажется спокойным, а вот руки выдают... Баранников, по обыкновению унылый, смотрит куда-то в сторону, вдаль. Руки в карманах. Может быть, вспоминает старую мать, оставшуюся на родине, в Елабужском районе Татарстана. Жаль, что его теперь уже нет в живых. Честный генерал Баранников ушел из жизни, ни с кем не попрощавшись...

Третий - Дунаев. В темно-синем плаще, с опущенной головой. То ли замерз, то ли ему было неудобно стоять в таком положении. Его долговязая фигура напоминала вопросительный знак. То и дело снимал очки и вытирал их белым носовым платком. Очки запотели, или душа не на месте?..

У меня до сих пор сохранилась в памяти эта сцена за вешалкой в темном, холодном здании. Три генерала и охранявший их солдат в пестрой одежде и в маске. А сам рядом с ними он кажется осенним цыпленком. Он стоял в двух-трех метрах от охраняемых, наставив на них винтовку, как бы говоря: «Не трогаться, а то пристрелю!» Куда им бежать?! От кого?! Если уж только от самих себя и от России... Но эти генералы не похожи на тех, кто продает Родину.

На холодной площадке перед дверью нас продержали около двух часов. Прислониться некуда, садиться запрещено, ноги опухли, переговариваться и объясняться знаками тоже нельзя. То и дело напоминали об этом, сопровождая угрозы семиэтажным матом. Мы вынуждены были подчиняться: ведь им ничего не стоило пристрелить нас на месте.

Когда приблизились сумерки, нас опять построили и стали проверять. Женщин пропустили вперед. Крайним в колонне по какой-то причине поставили меня. И тут же, как бы издеваясь, предупредили:

- А если застрелят, значит, свои, те, кто стреляет из здания, - захохотал «пестрый». Ничего не поделаешь, пришлось подчиниться.

- Выходим ровными рядами. Не бежать! И не отставать! - предупредил старший из «пестрых». Они были не в военной одежде и не в милицейской форме. Погон тоже не было. Так что их по-другому и нельзя было называть

Тронулись. Нас вывели не через двери и ворота, а через пробоину в разбитой стеклянной стене. То и дело предупреждали.

- Не разговаривать. Руки держать за головой. Кто отойдет в сторону, пусть пеняет на себя.

Площадь оказалась более или менее очищенной от трупов. Но под ногами на асфальте - лужи крови и красные пятна. Нас пошали в направлении переулка, разделяющего гостиницу «Мир» и здание посольства Соединенных Штатов. То ли специально, то ли случайно, как только мы вышли на площадь, началась бешеная пальба из здания. Кругом засвистели пули, и мы невольно присели. Били по асфальту в каких-нибудь метре-полтора, осыпая нас камнями и пылью. По спине пробегали мурашки. Мы шагали и думали: вот-вот заденут, вот пристрелят... За каждый миг жизни благодарили Аллаха: жив еще... живой пока...

«Пестрые», которые вывели нас из здания, вдруг исчезли. В мгновение ока они оказались притаившимися среди выведенных из здания женщин и депутатов. Идут крадучись, чуть ли не на четвереньках. Оказывается, и им дорога жизнь... - Ваши же и стреляют... По вас же ведут прицельный огонь. Вот кого вы собрали в этом здании, - говорил на ходу один. Он втиснулся среди нас двумя рядами впереди меня. А язык все мелет...

Кто стрелял, трудно сказать. Но у меня родилось подозрение, что стрельба велась только для устрашения. Это представление было сыграно самими «освободителями» здания парламента. Ведь если бы стреляли прицельно, то кто-нибудь бы упал или, в крайнем случае, был ранен.

Потом выяснилось, что депутаты, выведенные из другого конца здания, были поставлены в такие же условия. По ним тоже беспрерывно стреляли. И что странно, там тоже ни в кого не попали, хотя пули свистели в одном-двух шагах от людей.

Остановились на полпути, и около двухсот депутатов загнали в подвал одного из зданий. Подземелье набили до отказа и заперли. Дескать, «посидите тут тихо, без шума, мы вас выпустим, когда утихнет пальба». Только одно непонятно, для чего вызывали оттуда депутатов по одному и ломали им ребра?! Для чего понадобилось время от времени открывать дверь и стрелять в нас из автоматов?

Представьте себе затхлый подвал и в нем около двухсот человек. Вдруг открывается единственная дверь и сверху кричат:

- Пусть выходит Бабурин... Вызовите Фахрутдинова... Исхаков там?..

Названные выходят. Их уводят в сторону и избивают. А оставшийся у двери подвала «пестрый» находит себе другую утеху.

- Депутаты! - кричит он во все горло. - Вы крысы... Прячетесь по углам. Считаю до трех и начинаю стрелять...

И держит слово: по счету три начинает палить из автомата. Стреляет и орет диким голосом:

- Эй, где вы там, что это вы попрятались по углам? Я вам говорю, коммунисты, партократы, демократы. Выходите, подойдите ближе. А, боитесь?.. Боитесь!.. Ха-ха-ха...

Когда стали подходить к середине площади, я, соблюдая осторожность, посмотрел назад и... остолбенел от удивления. Это было вовсе не то место, которое телевидение показывало всему миру. Это была совсем противоположная сторона. Мертвая площадь, которая два года тому назад была переименована в площадь Свободной России. Мы, избранные народом депутаты, заложив руки за голову, как настоящие заключенные, проходим через эту ставшую мертвой площадь с таким символическим названием. На здание Верховного Совета было невозможно смотреть. Оно целиком в огне. А каким величественным и красивым было! Здание горело в двух-трех местах, охваченное сплошными клубами черного дыма. С четвертого этажа со стороны, выходящей на Новый Арбат, то и дело показывались языки пламени... Страшно смотреть. А верхние этажи горят все сплошь. Знамя Российской Федерации, которое развевалось на самом верху здания, покрылось черной копотью. Видно, кто-то был зол даже на это знамя. Оно все изрешечено, и один край даже оторван. Так не стали бы глумиться даже чужеземные захватчики! Неужто москвичи до такой степени ненавидят свой народ, россияне - Россию...

- Эй, ты, чего уставился? Лоб, что ли, чешется? - заорал из гущи депутатов «пестрый». Оказалось, он кричит мне. Я не заметил, что остановился, погруженный в тягостные мысли. Пришлось быстро-быстро догонять остальных.

Тем временем мы оказались в окружении БТРов, находившимся на углу гостиницы «Мир». Здесь было много высоких чинов в военной и милицейской форме. Через живой коридор, устроенный сотрудниками милиции, мы проходили по одному. Их глаза шарят по тебе, смотрят испытующе, пристально... Если ты возбудил хоть какое подозрение — пиши пропало. О дальнейшей твоей судьбе может знать один Аллах. От посольства Соединенных Штатов до Садового кольца пропустили вот через такое сито. А там полно народу. Люди вышли посмотреть на это зрелище. Разве усидишь дома, когда в самом центре Москвы творится такое.

Людей то и дело предупреждают: «Расходитесь! Посторонитесь!» Но на это никто не обращал внимание. Под напором зевак проход все сужался. Порядок был нарушен. Омоновцы на какое-то время растерялись. То забегали вперед, то спешили назад. Ситуация вышла из-под их контроля. Парень, что шел впереди меня, сделал шаг в сторону, и след его простыл. Не заметили... В мою душу закралась надежда...

Рядом со мной шел Хасан. Шепотом обратился к нему:

- Когда не глядит «пестрый», бежим, понял?

Хасан чуть повернулся ко мне и подмигнул. Меня, кажется, услышал и омоновец. Даже повернулся в мою сторону. Но ничего не понял. А нам это и было нужно. Хасан подался направо и юркнул в толпу. А я за ним. Стоявшие стеной люди пропустили нас и закрыли своими телами.

Теперь, кажется, можно вздохнуть спокойно. Ведь у нас на лбу не написано, кто мы такие. Мы, как ни в чем не бывало, встали рядом с молодыми парнями. Один из «пестрых», правда, пристально посмотрел на нас, но, не узнав, прошел мимо. В его глазах был не то страх, не то безразличие...

Зато оказалось, что нас опознал какой-то парень. Подошел и осклабился, показывая гнилые зубы:

-Ну, как, дозаседались?

Задел за душу этот оскорбительный смех. Мне до сих пор снятся его слова и наглый взгляд. Будь это в другое время, надо было бы, конечно, дать ему как следует. Но тут нельзя. Дорого может обойтись...

Мы сделали вид, что ничего не слышали, и через подземный переход прошли на противоположную сторону. А потом - уже как свободные люди - на Новый Арбат...

Прохладный, чистый воздух, какой бывает только в начале октября. Под ногами опавшие листья. Здесь нет влажного холода нетопленного здания. Нет трупов. Никто не стонет. Нет крови. Никто не кричит: «Руки за голову!». Не заставляет лечь, не обыскивает, не пинает ногой, даже не стреляет. Если бы вы знали, какое мы испытывали чувство!

Не успели пройти сто пятьдесят - двести метров, как очутились на Новом Арбате. Заполнив всю улицу, по нему шли танки.

- Из Тулы идет танковая дивизия, - послышалось откуда-то.

- Идут на помощь Руцкому, депутатам. Ура-а, - крикнул старик с палкой в руке.

На него косо посмотрели те, для кого происходившее казалось забавой.

«Нет уж, дедуля, ни Руцкому, ни депутатам помощь теперь не нужна. Уже поздно... Поздно... - подумал я. - Если живы, то и Хасбулатов, и Руцкой давно уже за решеткой. Народных депутатов тоже разогнали кого куда. Здание Верховного Совета разрушено, оно горит, тлеет... Если даже вы прибыли на помощь, то уже опоздали, братья...»

Неужто старик оказался прав?! С противоположной стороны Нового Арбата, со стороны мэрии и здания Верховного Совета, так же заполнив всю улицу, тоже двигались танки. Большие, тяжелые. Те самые, что целый день стреляли по Белому дому. Стреляли в нас. Окровавленные танки...

Обе колонны остановились. И справа танки, и слева танки... Между ними остался от силы стометровый просвет. Мы оказались между двумя колоннами машин, которые стояли с направленными друг на друга стволами своих орудий. До чего же, оказывается, ничтожен, беспомощен человек перед этими громадами...

Что же это такое?! Что это означает?! Так страшно гудят, что не слышишь стоящего рядом. Все кругом объято голубовато-черным дымом. Земля под ногами дрожит. Подрагивают взметнувшиеся к небу высотные здания из стекла и железобетона. Что это?! Неужто светопреставление... Что это?! Это - Россия!

1990-1995

Казань-Москва

Мухамадиев Р.С.

М 92

На раскаленной сковороде. Документальная повесть. Москва, Голос, 1997. -288 с.

ISBN 5-7117-0314-5

Автор, бывший депутат Верховного Совета РФ, рассказывает о трагических днях октября 1993 года, когда злодейски была пролита кровь ни в чем не повинных людей. Перед нами проходят эпизоды, связанные с Ельциным, Шахраем, Хасбулатовым и другими персонажами нынешней истории.

ББК 84 (2Рос-Рус) 6-44

Ринат Сафиевич Мухамадиев

На раскаленной сковороде

Документальная повесть

Редактор П. Кошель
Художественный редактор В. Голубев
Технический редактор В. Куркова
Корректор И. Иванова